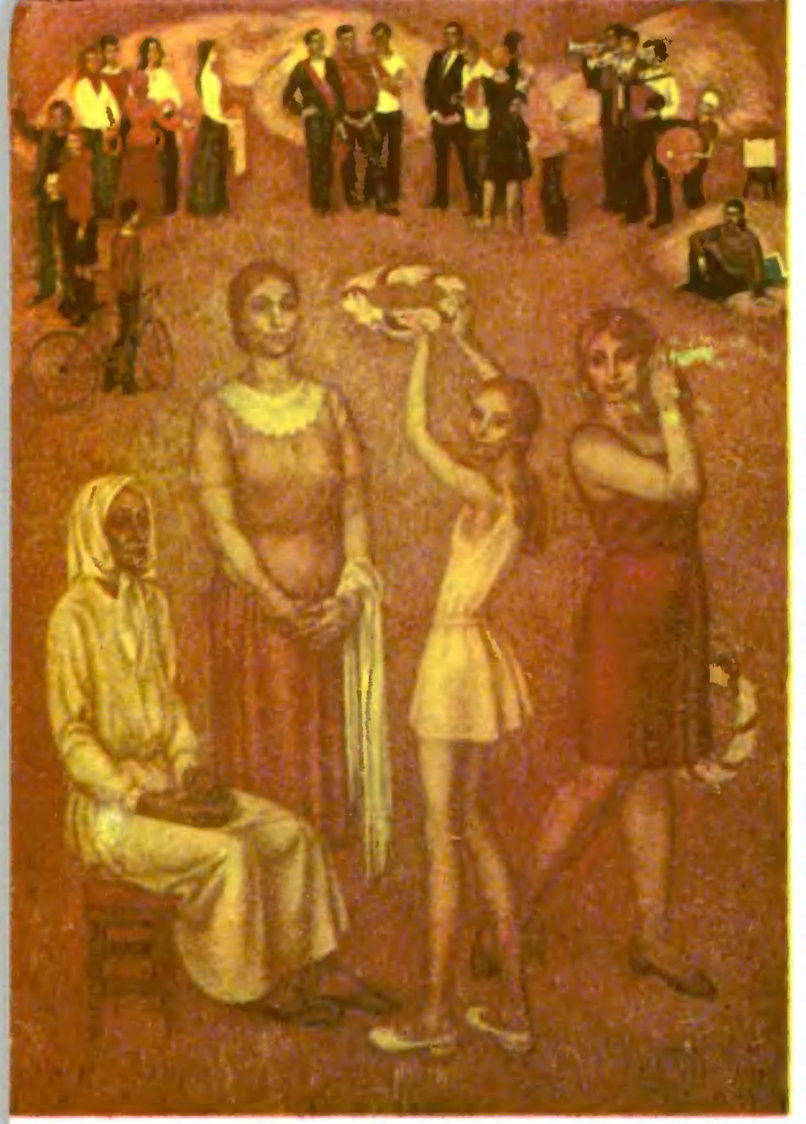
В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

3 • 1978



Н. П. Ерышев. Праздник в Никольском.

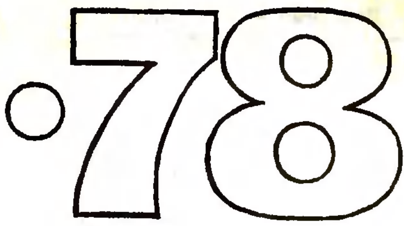
Ю. К. Королев. Революция.

О. П. Филатчев. Песня.

Р. Н. Ермолин. Усть-Цилемская свадьба.

Я. Ф. Котюжанский. В магазине тканей.

НАУКА И РЕЛИГИЯ



ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания девятнадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции:
109004. Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4
Телефоны
297-02-51, 297-10-89

Рукописи и фото не возвращаются

Духовный мир человека

Практика: опыт, проблемы

Человеку о человеке

Религия, церковь, верующий

История и современность

Листая календарь

Литература, искусство

У наших друзей

За рубежом

Наше обозрение

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ

На второй странице обложки воспроизведены художественные полотна, которые были представлены на всесоюзной художественной выставке «По ленинскому пути», посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Из огромного многообразия произведений, показанных в Центральном выставочном зале, в Москве, мы отобрали работы, посвященные советским женщинам.

На третьей странице обложки:

Джорджоне. Гроза. Около 1506—1507 гг. Академия. Венеция.

...Вряд ли найдется теперь любитель искусства, кому было бы незнакомо это имя, которое символизирует для нас эпоху Возрождения так же, как и имена Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело и Тициана. Но до сих пор это один из самых загадочных мастеров прошлого, а среди живописцев Высокого Возрождения — и самый необычный.

См. статью И. Прусс к 500-летию со дня рождения Джорджоне.

На обратной стороне фотографии рукой Надежды Иосифовны написано: «Это я и сын Валерик. Минск, 1940 год».

Вот уже 10 лет журналист Лев Аркадьев и эксперт-криминалист, подполковник милиции Ш. Кунафин рассказывают на страницах нашего журнала о поиске героев Великой Отечественной войны. Десятки, сотни людей по первому зову и без всякого зова помогают этому поиску. И нередко там, где даже современная криминалистическая наука оказывается бессильной — время безжалостно стирает следы, там приходит на помощь Память народа.

И горят теперь золотом на некогда безымянных могилах имена рядового Ивана Паршикова — героя форсирования Днепра, девяти героев-кавалеристов корпуса генерала Белова, наводивших ужас в течение долгих месяцев на немецкие тылы на Смоленщине, Ивана Соленова — непокоренного узника Маутхаузена, сержанта Леонида Кривина, который ценой собственной жизни дал возможность своей части отойти на новый рубеж...

Об этих и других героях рассказывалось в очерках «Бессмертие» (1972, № 6), «На безымянной высоте» (1974, № 8), «Всмотритесь и вы» (1975, № 5), «Поиск продолжается» (1976, № 5), «Мальчишки той войны» (1977, № 5). Для нашего журнала материалы этого рода имеют особое значение. Они учат пониманию истинного, а не иллюзорного бессмертия, утверждают веру в то, что героические подвиги не могут исчезнуть из памяти потомков, герои вечно живут в бессмертной душе народа. Способность помнить надо воспитывать в новых поколениях.

По многочисленным просьбам читателей мы продолжаем публикацию очерков о героях Великой Отечественной войны.

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

Лев АРКАДЬЕВ

● Тот, кто ее предал, не выдержав пыток, сидел теперь рядом в камере и грустно пел «Огонек». Наде казалось, что при встрече она убьет его, а сейчас, вопреки всякой логике, жалела его. Ему было девятнадцать. И Надя знала, что огонек его короткой, как эта песня, жизни, завтра потухнет. Трусу некого больше предавать, он больше не нужен, на рассвете его расстреляют...

Он явился к ней еще с одним пареньком из отряда «Мститель» за «аусвайсами» — удостоверениями, дававшими право хождения по городу. Они пришли в Минск, чтобы добыть соль для партизан. При выходе из города их задержали.

Началась перестрелка. Напарника убили, а его заставили сдаться.

— Где взяли «аусвайсы»? У кого?

Он сказал — у кого. Показал — где.

У Нади обнаружили шестьдесят фальшивых удостоверений. Под каждым стояли две подписи: начальника городской управы и десятника по очистке улиц. Поддельной была лишь первая подпись— начальника управы, вторую подделывать было незачем, так как десятником была сама Надежда Лисовец.

В начале войны она попыталась эвакуироваться со своим малышом и с четырьмя малыми детьми сестры. Но не успела. В отходившую машину ей удалось пристроить только детей.

Совершенно растерянная, не зная, как жить дальше и стоит ли вообще жить, она сидела, запершись, в своем небольшом деревянном домике на Оранжерейной. Сюда и постучался к ней однажды ее дальний родственник — Степан Заяц.

— Хочешь не хочешь, а придется тебе поступить на работу.

Надя была потрясена. Как может он, бывший секретарь райкома партии, предлагать ей идти на работу к оккупантам? Степану пришлось открыться: это нужно подполью.

— Пойдешь в городскую управу. Там для тебя местечко приготовлено. Будешь главным дворником...

Надя воспрянула духом. Значит, не кончена жизнь, борьба продолжается!

До сих пор Надежда Иосифовна не может без содрогания вспоминать тех, кто тогда работал в управе:

— Как черви после грозы... Откуда взялись?

Конечно, куда легче было бы в партизанском отряде, среди своих. Она стала проситься в лес. Но подполье решило иначе: здесь, в Минске, она нужнее. «Резиденция» десятника Лисовец находилась в уцелевшем подвале на улице Володарского, около почтамта. Кроме конторки в «хозяйстве» Нади была еще кладовая для лопат и санок. Работой своих людей «хозяйка» не перегружала. Собирались по утрам. Тихонько пели песни.

— А еще любили играть в города,— вспоминает Надежда Иосифовна.— Знаете? Один скажет: «Москва», а второй должен назвать город, который начинается с буквы «А» и так далее. Но названия городов обязательно советских, включая оккупированные. Вы себе даже представить не можете, с каким волнением назывались наши города, особенно те, возле стен которых досталось врагу,— Одесса, Ленинград, Смоленск...

Надя Лисовец была очень удобным человеком для подполья. Ведь она подбирала рабочих для уборки улиц. Ссылаясь на «текучесть» кадров, она всем, кому надо, выдавала «аусвайсы». Ради этого и работала здесь. Правда, при проверке немецкие посты ставили на удостоверении красную букву «К» — по этому знаку можно было определить, сколько времени человек находится в городе. Поначалу Надя подделывала этот штамп картошкой, но картофельное «К» на третий день светлело. И тогда она смастерила штампик из резины...

В гестапо ее били беспощадно, пытали пытками всех степеней. Но она крепко запомнила слова Степана: «Стоит раз открыть рот, закричать, сказать хоть слово— и из тебя вытянут все». И она сжимала зубы.

Наверное, в другое время, ничего не узнав, фашисты прикончили бы ее. Но Наде повезло: шел 1944 год, не хватало рабочей силы на стратегических объектах, и ее, в числе других смертников, отправили на рудник, откуда живым никто не выходил. Некоторые приняли это покорно, как смертный приговор: судьба, мол. Но Надя оказалась из тех, кто даже в самом безвыходном положении не опустил голову, не сломился.

На проводе была Москва. Комитет ветеранов войны вызывал строительный трест Минска. Надежду Лисовец, начальника участка отделочных работ, приглашали в Москву для встречи с де Голлем.

— С кем?!

— С генералом де Голлем, президентом Франции.

Внуковский аэродром. Звучит барабанная дробь торжественного марша. Президент обходит строй почетного караула. Ему представляют государственных деятелей нашей страны. Он здоровается с главами дипломатических представительств, с членами французского посольства... И, наконец, подходит к Лисовец. Де Голль пожимает руку Надежде Иосифовне, глаза его теплеют, и он говорит по-русски:

— Спасибо, лейтенант!..

Восьмого мая 1944 года 37 узниц концлагеря «Эровиль», расположенного в бывших солдатских бараках линии Мажино, совершили побег. В лесах Северного побережья Франции возник партизанский отряд «Родина», целиком состоявший из советских женщин. А возглавила этот отряд организатор массового побега из лагеря смерти — маленькая, хрупкая Надя Лисовец.

Впоследствии член Национального комитета Общества «Франция — СССР» Гастон Ляроп писал:

«Подвиги советских женщин из партизанского отряда «Родина» живы в памяти французских патриотов. Жители города Эровиль на востоке Франции великолепно помнят, как в лагерь для военнопленных прибыли семьсот советских женщин, истощенных, без одежды и обуви. Гитлеровцы прислали их

на каторжные работы в рудники. Но ни каторга, ни унижения, ни тяжелые испытания не смогли подорвать их моральную чистоту и боевой дух. После четырех месяцев пребывания в лагере группе заключенных с помощью французских партизан удалось бежать...

Они боролись за общее дело, против общего врага, при этом русские рисковали гораздо больше, чем французы... В женщинах из советского отряда «Родина» мы видели представителей великой Советской Армии, великого советского народа. Их кровь, пролитая на французской земле, скрепила навеки дружбу французского и советского народов».

Мысль о побеге возникла сразу. Но куда бежать, не зная местности, языка, людей? Где партизаны? И есть ли они?

Работами на шахте руководил француз Жорж Маньетт. Он помогал русским чем мог, сообщал последние известия. К нему-то Надя и решила обратиться. Понимала — рискует головой, но выбора не было. Жорж обещал помочь бежать — сперва ей одной, а через некоторое время сказал, что можно троим. Надя тут же сообщила об этом «тете Кате» — Екатерине Семеновой-Фридзон, которая позднее, когда Надя Лисовец сильно заболела, стала вторым командиром отряда, и «Сороке» — Анне Михайловой. Позже оказалось, что можно устроить массовый побег.

— В условленном месте,— вспоминает Надежда Иосифовна,— я, тетя Катя и Анна Михайлова, составившие лагерный подпольный комитет, встретились с представителем партизанского штаба. Когда он сказал «товарищи», поверите, мы все трое заплакали...

Было решено, что беглянки вольются в отряд «Сталинград», которым командовал лейтенант Красной Армии, бывший командир взвода разведки Г. Пономарев. В прошлом железнодорожник, он со своим отрядом пустил под откос не один фашистский эшелон. Франция высоко оценила подвиг героя из России, наградив его орденом «Военный крест с бронзовой звездой».

В приказе о награждении Георгия Пономарева сказано: «Пономарев нанес врагу огромные потери, захватил много пленных и тем самым внес свой вклад в освобождение французской территории». А в благодарственной грамоте говорится, что «он имеет полное право на признательность французской нации».

Ровно в 11 ночи на месте сбора появились проводники-французы. Надо торопиться: летняя ночь коротка, а путь предстоял долгий.

Чтобы не было шума, пришлось снять обувь и идти босиком по каменистым тропам. Очень хотелось есть, а еще больше — пить, но остановиться в какой-нибудь деревне было равносильно самоубийству. А в конце пути — страшная весть: немецкая часть, давно охотившаяся за отрядом «Сталинград», выследила его и вынудила к отступлению. Там, где должны были быть партизаны, сейчас стояли каратели. Повернули в лес и бегом...

Проводники привели их к месту расположения французского отряда. «Командир Жак» решил, что утром этих обессиленных, изнуренных женщин нужно будет развести по деревням и спрятать у надежных людей — до конца войны.

Всю ночь у женщин шли дебаты. А на утро, когда «Командир Жак» пришел, чтобы осуществить свой план, существовал новый партизанский отряд. У него было имя — «Родина», был командир — Надежда Лисовец.

Первая же боевая операция принесла успех. Отряд захватил немецкую машину с продовольствием, оружием и четырьмя солдатами. В этой операции участвовали и французы. Один из них — Франсуа — погиб. За день до боя Надя взялась постирать его гимнастерку и дала поносить ему свою косоворотку. Так и похоронили Франсуа в русской косоворотке. Позднее, когда освободили Париж, Надя пришла со своими подругами к вдове и детям Франсуа, чтобы утешить их в горе.

А когда был освобожден Верден, туда съехались все тридцать с лишним советских партизанских отрядов, сражавшихся на территории Франции. В числе их — отряд «Родина». По неполным данным, только с февраля по август 1944 года эти отряды уничтожили три с половиной тысячи гитлеровцев, 650 захватили в плен, пустили под откос 65 военных эшелонов, сожгли 76 паровозов, более 1000 вагонов, вместе с французскими партизанами взорвали тоннель на железнодорожной магистрали Париж — Нанси, вывели из строя восемь судоходных шлюзов...

Я видел удостоверение советских партизан, действовавших на территории Франции. Удивительный документ! В нем была такая графа: «Из какого лагеря бежал?» Потому что каждый советский партизан, действовавший во Франции, обязательно бежал из какого-нибудь лагеря; он становился партизаном, на деле доказав свое мужество.

Здесь, в Вердене, в торжественной обстановке был зачитан приказ о присвоении Надежде Лисовец и Екатерине Семеновой-Фридзон звания — лейтенант французской армии.

С Надеждой Иосифовной я встречался много раз, исписал не один блокнот, но все сомневался, сумею ли найти нужные слова, чтобы поведать людям о таком необыкновенном человеке, у которого, как говорится, столько всего было.

Бывший десятник по очистке улиц оккупированного Минска после войны руководит отделочными работами на стройках столицы Белоруссии. Ни одно крупное строительство — от здания Совета Министров до высотной гостиницы, Дворца спорта и Дворца пионеров — не обошлось без ее участия. Первая в республике она была удостоена почетного звания заслуженного строителя.

Как-то я позвонил в Минск:

— А мамы нет дома,— ответил ее ставший уже взрослым сын.— Мама в Ялте.

— Надежда Иосифовна в Ялте?! Возможно ли это? Значит, удалось заставить ее хоть однажды отдохнуть?

— Да нет же, не отдыхать, что вы! Она поехала в Ялту строить новый санаторий «Беларусь».

У Надежды Иосифовны растет внучка. Все уверяют, что девочка очень, ну просто удивительно похожа на свою бабушку. Пока только лицом, а хорошо, если будет и характером.

ФЕРГАНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Н. ВЬЮКОВА

Жемчужиной Средней Азии называли Ферганскую долину в давние времена, называют ее так и сегодня.

Природа щедро одарила эту область и прекрасным, ровным климатом, и обильным солнцем, и живительной влагой.

Не случайно фрукты здесь — самые сочные и сладкие в Средней Азии. Почти треть всех садов и виноградников Узбекистана — в этой долине. Сегодня это — и важнейшая хлопковая и шелководческая база страны. А в недрах здешних гор, оберегающих этот райский уголок от холодных северных ветров и от знойного дыхания южных пустынь, есть и нефть, и уголь, и газ, и цветные металлы.

Огромные запасы энергии несут в себе могучие горные реки...

Заместитель председателя колхоза по культуре и быту Мамлакат Эшанова (в центре справа) проводит очередное занятие университета коммунистического быта.

Комсомолки Гулухумор Ташпулатова, Бухаджаи Усманова, Майрам Азимова, Эчтибор Камилова, Сайдинса Эгамова окончили курсы механизаторов и получили права механиков-водителей хлопноуборочных машин.

Фото О. Пороховникова и А. Усманова. Фотохроника ТАСС.

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

Город Фергана разделен на квадраты. Искусные садоводы посадили здесь разные деревья, и потому весной, летом и осенью каждая улица озаряется своей гаммой красок. Густые, разросшиеся чинары создают сплошной зеленый шатер. В арыках журчит вода. На каждом свободном клочке земли— пунцовые, белые, золотистые розы. Кажется, город украшен для какого-то праздника. В самом деле, здесь каждый день для кого-то праздник — в городе много свадеб. Вот и сегодня свадьба — серебряная. О ней сообщила городская газета в рубрике «Вас приглашают...»: «Сегодня в Доме культуры махалли Янгисай отмечается серебряная свадьба бывшего работника УВД, ныне пенсионера, Абдухамида Каримова и его супруги — секретаря махаллинского комитета Патиляхон Каримовой».

Мы отправились по этому приглашению вместе с Сурмахон Абдуназаровой, заместителем председателя Ферганского горсовета. Сурмахон рассказывала по дороге:

— Махалля у нас — это квартал или несколько улиц. Это — изначальная ячейка общественной жизни города. Сюда возвращаются с работы, здесь проводят воскресные и субботние дни. Здесь влюбляются, женятся, спорят, мирятся. Здесь рождаются добрые отношения между людьми, и тогда махалля — будто одна семья. Если свадьба — помогают все хозяйки.

К дому мы подошли как раз вовремя: в этот момент во дворе Каримовых раздался трубный звук карнаев — глашатаев всех празднеств. Сейчас они созывали гостей на серебряную свадьбу.

А в Доме культуры женщины уже заканчивали свое дело. Столы буквально ломились от угощения. Патыры — большие круглые лепешки пресного хлеба, жареный миндаль, конфеты, всевозможные печенья, алые арбузы, гранаты, блюда винограда, кок-чай в пестрых пиалах... Прямо в мякоть ароматных дынь, ловко вырезанных в форме ваз, достарханщицы поставили розы, гладиолусы, левкои...

По старинному узбекскому обычаю в таких случаях подают только сладкое. Жизнь Патиляхон и Абдухамида прошла у всех на виду. В уважении друг к другу. Честная и добрая жизнь. Потому и свадьба сладкая. Шестеро детей сопровождали родителей от квартиры до праздничного стола в Доме культуры. Хорошие дети: старший сын окончил педагогический институт, дочь — музыкаль-

ное училище, другая девочка — десятилетку, остальные трое — еще учатся в школе.

Вот Каримовы заняли почетные места. Смолкла музыка, и моя знакомая Сурмахон вышла вперед. Она поздравила юбиляров, пожелала им долгой и счастливой жизни, пожелала отпраздновать золотую свадьбу и от имени горисполкома вручила приветственный адрес и подарок — радиоприемник последней марки. Смущенный стоял, слушая ее, Абдухамид Каримов, а его жена даже и не скрывала счастливых слез. Лишь поклонилась низко.

Потом были подарки от женского совета махалли, от соседей, от детей. И началось веселье!

Лишь в одиннадцатом часу ночи стали расходиться гости. На ступенях Дома культуры мы простились с Каримовыми — за ними пришла нарядно украшенная «Волга».

Новый, прекрасный обряд вошел в жизнь старого города.

ПАМЯТНИК

Город Маргелан в старину называли шелковым. Мастера здесь были отменные и художники тонкие, наблюдательные. На свои ткани они переносили узоры света и тени, падающие на дорогу от листвы деревьев в яркий безоблачный день. Всеми цветами радуги сиял хан-атлас, выходивший из их рук. Слава эта дожила и до наших дней. Только теперь в Маргелане не маленькие частные мастерские или отдельные примитивные станки, как прежде, а огромные, оснащенные передовой техникой государственные предприятия — шелковый комбинат, фирма «Атлас», где работают тысячи человек. Овладеть механизацией ткацкого производства помогали маргеланцам москвичи с фабрики «Красная роза».

Маргелан, как все города Ферганской долины, — зеленый, наполненный журчанием бегущей по арыкам воды. Вокруг «старого города» с мечетью на середине площади выросли новые районы с многоэтажными благоустроенными домами, большими красивыми магазинами, густыми парками.

С Рано Кличевой, мастером шелкокомбината, мы разговорились случайно. Гуляя по городу, я остановилась у памятника: стройная девушка, вся порыв, гордо подняв голову, шагнула вперед...

— Это Нурхон,—сказала возле меня женщина. — Наша любимица.

— А почему ей памятник?

— Очень печальная история, — ответила женщина (это и была Рано) и вот что рассказала мне.

Однажды в Маргелан приехали артисты из Ташкента. Закутавшись в паранджу, Нурхон потихоньку пробралась в клуб и спряталась в самом дальнем уголке. То, что девушка увидела на сцене, потрясло ее. В тот вечер она решила во что бы то ни стало стать актрисой. Даже то, что пошла вечером одна в театр, было преступлением религиозных законов, а тут — актрисой! На нее обрушились угрозы отца, плакала мать, но все-таки она сделала, как решила.

Одной из первых в городе сбросила она паранджу и отправилась на учебу в Ташкент. Горьким был ее отъезд. Отец проклял дочь за то, что она нарушила законы, по которым жили предки, законы Аллаха.

Спустя несколько лет, было это в 1929 году, Нурхон, уже актриса, приехала на гастроли в родной город. Маргеланцы дарили ей алые и белые розы. Чуть не на руках вынесли из клуба, где шел спектакль. Но были и такие, что отворачивались и плевали в ее сторону. А ближе к вечеру пришел за ней братишка и пригласил домой: отец зовет. Радостная бежала девушка знакомой улицей. Значит, отец простил! Она увидится с матерью и сестричками.

Ее встретили как почетного гостя. Усадили на ковер. Подали ей чай. Но не знала Нурхон, что ждет ее. Старший брат подкрался сзади и хлопковым ножом перерезал ей горло, как велел ему фанатик-отец.

Преступники были наказаны по советским законам. И тогда соседи решили поставить памятник Нурхон. К ним присоединились вся махалля, а потом и весь город.

Люди, отказавшиеся от старых обычаев, чтят память той, кто в числе первых осмелилась преступить их.

СВЕКРОВИ И НЕВЕСТКИ

В зале одной из маргеланских школ было много народа: пожилые женщины в белых шалях, женщины помоложе—в ярких платках. Здесь была встреча свекровей и невесток, которую организовал женский совет махалли Милтиксоз.

По узбекскому обычаю сын приводит невестку к себе в дом, в новую для нее, часто уже большую семью. В последнее время, правда, некоторые молодые семьи начали селиться отдельно от родителей, но чаще живут все вместе. Нелегко бывает невестке первое время, пока привыкнет, пока найдет общий язык со всеми членами семьи. Да и свекрови бывают порой суровы, не прощают ошибок. Вот и возникают недоразумения. Как избежать этого, чтобы в семье был лад, чтобы не страдала от этого работа? А кое-где еще живы и предрассудки, рожденные религией, когда младшая невестка в доме вообще не имеет никаких прав, не должна, например, говорить в присутствии свекрови. Словом, проблем много, всех они волнуют.

Открыла эту встречу заслуженная учительница республики, директор школы Саодат Фазиева. Она говорила о том, как важно правильно построить взаимоотношения в семье, что вопрос этот — о принципах, на которых строится новая советская семья, — государственный. Саодат говорила не вообще, а конкретно, рассказывала о разных судьбах, разбирала житейские ситуации, знакомые сидящим в зале, похожие на их собственные.

После ее доклада на трибуну пригласили скромную пожилую женщину. Что скажет собравшимся эта свекровь? В первый раз в жизни она вот так, на виду у всех, а уважаемые люди ждут ее слова. Она очень смущается, а из зала ее ободряют:

«Говори! Говори! Мы знаем тебя!» Наконец, решившись, она тихонько сказала:

— Не знаю я, почему мы не ссоримся. Наверное, потому что уступаем друг другу. Там, где мир, там и счастье... Пусть лучше молодые скажут, они умеют...

Ей дружно аплодировали.

За ней на трибуну поднялась красивая молодая женщина в темно-красном бархатном платье.

— Я хочу при всех поблагодарить свою свекровь, — сказала она. — Вот я сейчас говорю с вами, а малыш у нее на руках. Вон там, видите! — она кивнула в ту сторону, где сидели почетные свекрови. — Я учусь на пятом курсе, в педагогическом институте и уже преподаю в школе. И все это благодаря свекрови. Я вышла замуж после десятилетки. Муж велел: «Сиди дома и помогай матери!» Но моя мама, свекровь свою я иначе и не называю, сказала: «Нет, дочка. Иди учись. Так вы с мужем лучше жить будете. А с детьми как-нибудь управимся». У нас в семье три невестки и все работают. И ссориться некогда. А помогает нам мама. Шутка ли — 15 внуков у нее!

Никого не оставил равнодушным этот рассказ. Все восхищались добротой, мужеством и житейской мудростью пожилой женщины, сумевшей перешагнуть через привычные устои.

ПРАЗДНИК

В Коканде была весна.

Коканд — город 60 национальностей, и потому в нем тесно и причудливо переплелись различные уклады жизни. Но издавна все праздновали здесь приход весны в день новруза. Когда-то мусульманские священнослужители пытались поставить этот традиционный праздник на службу религии. Но всегда в нем преобладало истинно народное начало — искреннее веселье, музыка, шутки — то, что чуждо исламу, требующему от человека больше думать о жизни «по ту сторону». В наши дни новруз, совсем освобожденный от религиозного налета, превратился в яркое, веселое народное празднество, на котором прежде всего чествуют людей труда.

Я приехала в Коканд незадолго до назначенной апрельской субботы. Город чистился, украшался, наводил блеск. На домах вывешивали флажки и плакаты, вдоль арыков сажали, как заведено в это время, фруктовые деревья, под окнами — душистые цветы. В 17-й махалле торопились закончить к празднику строительство клуба — его возводили всем кварталом.

И вот настал долгожданный день праздника.

Ясное утро. С центральной площади Коканда под звуки карнаев во все махалли города разъезжаются украшенные стягами, цветами и лозунгами машины. «На праздник! Выходите все на праздник! — зовут с машин любимые кокандцами аскаячи-остсрословы. — Мы хорошо поработали, теперь и повеселиться не грех!» — призывают они. Празднично одетые люди выходят на улицу. У каждого на груди красный мак — знак праздника. А чайханы уже открыли двери, уже задымили мангалы шашлычниц. Во дворах домов, в клубах, в фойе широкоэкранного кинотеатра «Бахор», на стадионе имени Комсомола, прямо на улицах и площадях достарханщицы накрывают столы. За пиалой кок-чая хорошо поговорить о житье-бытье со знакомыми и незнакомыми, послушать беседу врача, педагога, ученого. Самые знатные гости — те, чей труд отмечен городом особо, — собрались в парке имени Фурката. Они знакомятся за пиалой душистого кок-чая, беседуют с молодежью.

А в парках на эстрадах выступали самодеятельные и известные артисты. Но больше всего зрителей собирают сегодня состязания поэтов и острословов.

Два дня веселился Коканд. Два дня звенел песнями и музыкой, дымился аппетитным духом шашлыков и плова. Все, что происходило в эти дни, дышало доброжелательностью людей друг к другу. Закончился праздник массовым танцем «фируза». Танцевали всюду — и в парках, и в садах, и на площадях города, и прямо около домов в своих махаллях. Аксакалы, глядя, как девушки с радостью откликаются на приглашение юношей потанцевать и спешат вместе в общий круг, — только качают головами: «Вот ведь как теперь!» В их молодое время женщины не смели танцевать с мужчинами. Но глаза стариков смеются. Общее веселье передалось и им. Да и как не радоваться, когда так красиво, радостно и дружно живут вокруг!

В колхозном парке культуры выступает самодеятельный ансамбль песни и танца.

ПОДАРИ ЛЮДЯМ

З. ФЕДОРОВА

Фото Г. Киселевой.

В кабинете директора Ленинградского Дома свадебных торжеств Елены Григорьевны Сладкевич каждый день, в любое время года, цветы. Суть подобного внимания становится ясной, когда читаешь записи в Книге отзывов.

«Дорогие друзья! Я называю вас так, потому что вы сегодня были, действительно, нашими друзьями... От имени молодых и всех гостей искреннее вам спасибо за все.

Родители из Туапсе и родители из Выборга».

«Все, что сегодня здесь произошло, похоже на чудесную сказку. Большое спасибо организаторам этого представления. Мы были очень тронуты той семейной обстановкой, которая окружала нас во время всего торжества.

Ивановы. Провоторовы».

«Самую сердечную признательность выражаем всем работникам Дома свадебных торжеств за тот теплый прием, который был нам здесь оказан в день нашей серебряной свадьбы.

Прекрасное впечатление осталось от хорошо продуманного ритуала, исполненного артистами, и по-домашнему организованного застолья.

Большое вам спасибо, дорогие наши! Ждите нас на золотую свадьбу.

Супруги Овчинниковы».

И подобных отзывов, идущих от самого сердца слов благодарности, слов признательности за подаренную радость, за разделенный праздник — уже почти восемь томов. А еще за выдумку, талант и горение его организаторов. Потому что без них праздник не был бы праздником.

Около двух тысяч свадеб сыграно с того памятного 18 октября 1975 года, когда в небольшом современном здании на проспекте Мориса Тореза в Ленинграде с надписью на фронтоне «Зал свадебных торжеств» приветливо распахнулись двери. Но прежде чем хозяева могли сказать «Добро пожаловать!», поработать пришлось немало.

Что греха таить, многое было утеряно в праздновании свадеб. Забытым оказалось многое из того, что превращало свадьбу в увлекательное, запоминающееся действо и где стол был составной частью общего праздника. Программа продумывалась и готовилась загодя, при этом бережно сохранялись традиции прошлого.

Потом все исчезло. Правда, в деревнях еще можно стать свидетелем свадьбы-ритуала, но в городах четко срабатывала схема: загс — ресторан или загс — клуб, столовая, в конце концов, квартира. Стало ясно, что мы обеднили свою жизнь: доброе ушло вместе с этим исчезновением.

Вот почему, когда несколько лет назад в городах стали открываться дворцы бракосочетания, люди обрадовались: наконец-то регистрация брака из чисто канцелярской формальности превратится в действительно большое событие для семьи и главное — для молодых. Дворцы счастья очень быстро завоевали популярность. Они стали открываться

повсюду. В Ленинграде уже сегодня 4 дворца и 17 залов торжественной регистрации, а очереди не иссякают — запись ведется на многие месяцы вперед.

Казалось, все хорошо, но организаторов продолжало беспокоить, что праздничное застолье все еще оставалось хмельным: люди словно соревнуются друг с другом: у кого больше гостей, где пышнее стол, у кого богаче подарки...

Свадьбу надо играть! — решили в Ленинграде и начали готовить ритуал. Стимулом для новых поисков служило и то, что такие события, как посвящение в рабочие, получение паспорта, проводы в армию, уже сформировались, а свадьбы все еще продолжали праздновать «кто во что горазд».

В дело включилась кафедра массовых театрализованных зрелищ Института культуры имени Н. К. Крупской. Заведующий кафедрой Эльмир Викторович Вершковский стал одновременно режиссером Дома. Были привлечены ученые Государственного музея этнографии народов СССР, ленинградского отделения Союза композиторов. Много ценного внесли работники городского загса, дворцов бракосочетания. По крупицам, по старинным книгам, воспоминаниям, описаниям воскрешали опыт прошлого, дополняли и расцвечивали подходящей к случаю музыкой. Наконец стараниями композиторов, сценаристов, поэтов, художников, строителей новый ритуал обрел свою форму, сохранив лучшие традиции старины. Утверждала его комиссия по гражданским обрядам, которую возглавляет секретарь исполкома Ленгорсовета В. А. Березов.

— И все-таки далеко не все верили в эту затею, — говорит Е. Г. Сладкевич. — Даже из объединения «Невские зори», в рамках которого создавался новый «Зал свадебных торжеств» (через полтора года с открытием еще двух залов он стал Домом свадебных торжеств), в канун его открытия мне позвонили с тревогой: «Предусмотрели ли вы пост милиции?» А руководители «скорой помощи», как мне стало известно, откровенно сетовали: «Для нас это будет дополнительной нагрузкой!» Теперь по прошествии почти двух с половиной лет я могу уверенно сказать, что к нашему дому ни разу не подходили ни одна, ни другая машина. В них просто-напросто нет необходимости.

Приветствуют серебряных юбиляров.

Зато постоянно к нему подходят такси. Вот остановилась очередная машина. Из нее вышли молодожены. Проследуем вслед за ними.

Овальные зеркала на стенах, мягкие кресла и диваны, ковры на полу. В холле молодых встречает администратор. В зале все готово к встрече. Звучат слова ведущей:

— Прошу пригласить молодоженов в зал свадебных торжеств.

Свидетель и свидетельница выполняют эту почетную миссию.

Начинается действие. Распилив свое первое общее полено, молодожены «разжигают» свой первый семейный очаг. А потом, уже за столом, ломают каравай: отныне все поровну. И все это сопровождается стихами да шутками, задушевными мелодиями.

Молодых приветствуют литературные герои, среди которых Руслан и Людмила, Данила и Катя из «Малахитовой шкатулки». Они же вручают молодым шкатулку с памятной медалью «В день свадьбы».

Вечер идет своим чередом. Тосты сменяются танцами, концертными номерами, и снова уже весело шумит застолье. Шутки. Импровизации. Стихотворные вставки ведущего. И музыка, музыка...

Увлеченные празднеством, гости редко обращают внимание на невысокую женщину, всегда со вкусом одетую, которая как-то незаметно появляется в зале, долго стоит—смотрит и слушает, а затем так же тихо уходит. Уходит к себе в кабинет, откуда она хорошо слышит, как живет сегодня ее Дом.

Все в порядке. Теперь, по прошествии многих месяцев, Елена Григорьевна уверена в этом. А поначалу было всякое. Народ ведь собрался сюда разный. Всякий искал в этом деле свое.

Елена Григорьевна и сейчас с горечью вспоминает самую первую свадьбу: к концу вечера повара плохо стояли на ногах, не хватило на столе пирожков, в довершение всего не удался торт.

— Да уж, первый блин поистине оказался комом, — говорит она. — Помню, проплакала тогда всю ночь, а утром твердо решила: ни одного случайного человека быть не должно. Начала придирчиво отбирать людей.

Зато сегодня поварами директор может гордиться. Антонина Тимофеевна Привалихина, Галина Павловна Лысенко, Мария Дмитриевна Гурьева, Наталья Алексеевна Демьянова, Евгения Федоровна Полканова, Мария Ефремовна Калинина стряпают такие кушанья, что неизменно вызывают восхищение гостей. Какие тут рулеты с яйцами! До чего хороши ежики из паштета! А салаты! А рыба заливная! Еще не было случая, чтобы что-то здесь не пришлось гостям по вкусу. Стол, как говорится, всегда на высоте. Недаром во многих благодарностях упоминается и об этом.

Недавно даже одна из свадеб стоя аплодировала приглашенным

РАДОСТЬ

в зал поварам Н. А. Демьяновой, Е. Ф. Полкановой — стол в этот день был отменно хорош.

Но больше всего пришлось бороться с желанием некоторых людей, чтобы водка текла рекой. На каждое число гостей здесь есть определенная норма, «перешагивать» которую никто не имеет права.

— Сколько портфелей и даже чемоданов я «арестовала» — не перечесть,— сетует Елена Григорьевна. — Далеко не всегда все было просто. Но проявляла железную волю. Зато теперь, когда к нам приходят заказывать праздничный стол, часто говорят сами: «Насчет вина и водки мы все знаем. Все будет как надо».

Здесь все хорошо помнят случай, когда папа, приехавший из Львова, категорически возражал против Дома свадебных торжеств только потому, что здесь невозможно праздновать три дня. «Мне нужен зал в ресторане, да роскошный, а не ваши ритуалы», — кричал он Елене Григорьевне.

— Помилуйте, это нужно вам или молодым? — пыталась она его урезонить. — Пожалейте вы их, — зачем им такой купеческий размах?

Свадьба прошла на редкость хорошо. Молодые были очень благодарны Елене Григорьевне за помощь. Пришел и отец. Не ожидал, говорит, ничего подобного. Простите.

— Да, откровенно вам сказать, у гостей ведь и времени не остается на чрезмерное употребление спиртного. Такая многообразная программа и так много предлагается всяких развлечений, что стол перестал быть главным содержанием вечеров. Нас радует, что не водка стала источником веселья, а тот каскад свадебных придумок, который мы предлагаем собравшимся. А то ведь печально, но факт, мы в иных случаях разучились веселиться без водки — она стала у нас двигателем веселья.

В иные вечера, сознаюсь, ведущим совсем непросто. Бывает, по ходу дела приходится придумывать массу всяких поворотов, чтобы зажечь гостей, отвлечь их внимание от излишних тостов. Но для Людмилы Петровны Ереминой, Виктории Михайловны Дубровской, Наталии Ивановны Коршуновой, Людмилы Петровны Никитиной, Натэллы Сергеевны Барсеговой и Светланы Васильевны Маркеловой не бывает неожиданностей. Обаятельные и находчивые, все они, в полном смысле этого слова, играют свадьбу на протяжении всего вечера, владеют вниманием приглашенных, развлекают их. Не случайно среди благодарностей — имена всех наших ведущих с такими эпитетами: «очаровательная», «лучезарная», «восхитительная».

В одном из отзывов мне запомнились слова: «Елена Григорьевна! Вы обладаете недюжинным талантом...» А ведь верно это! Создать коллектив единомышленников, чтобы он работал, как часовой механизм, направить усилия всех на достижение единой и важной цели — дарить людям большую радость — это может только по-настоящему талантливый и очень любящий людей человек.

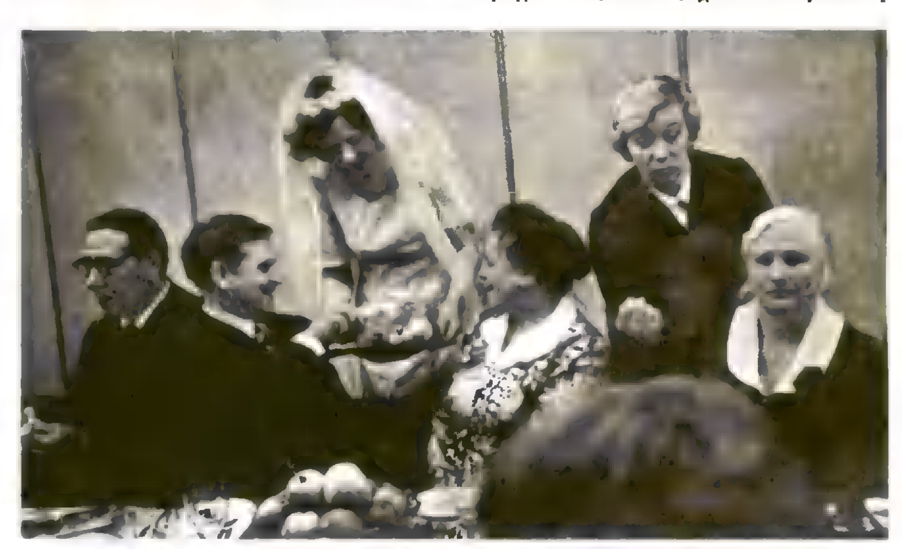
Готовя очередной сценарий, например, серебряной свадьбы, Елена Григорьевна (она еще и сценарист) умеет найти в биографии человека такое, о чем необходимо непременно поведать людям. Вспоминается, какие волнующие чувства пережили сидящие в зале на серебряном торжестве Иды Меркурьевны и Бориса Павловича Ардашевых — семьи ленинградских корабелов! Когда на экране один за другим проплыли корабли, к строительству которых был лично причастен юбиляр, гости зааплодировали.

Бывают тут и слезы радости. Как им не быть, если в зале, звеня орденами, один за другим поднимаются однополчане юбиляров и звучит мелодия песни «День Победы». Они ведь все помнят, бывшие фронтовики, помнят бои, окопы, погибших товарищей. Сколько бы ни прошло лет, вспоминать их будут всегда — и в горе, и в радости.

Надо сказать, что Дом свадебных торжеств богат на встречи с самыми удивительными людьми. Одна золотая свадьба. Ее заказали и организовали дети-ленинградцы (их было пятеро). Сюда на праздник и чуть не прямо с вокзала привезли они родителей, которые, как оказалось, живут в деревне под Горьким. Скромно, но нарядно одетые, оба седые, с натруженными рабочими руками, они сидели, словно патриархи, на этом торжестве. Очень были тронуты, что дети помнят их семейную дату. Ехали и не знали, что ждет их такое большое событие.

Слова благодарности здесь произносятся ежедневно, и не только в адрес Сладкевич, но ее помощниц Веры Васильевны Зубовой, в недавнем прошлом заведующей районным загсом, и Зои Ивановны Бардиной, много лет отдавшей массовой работе с людьми. Обе они коммунистки, в годы войны защищали свой родной город. Совсем недавно мы услышали их от Юлии Ивановны и Виктора Михайловича Гущиных, серебряных юбиляров. Дружная у них семья, ладная. Оба работают на одном заводе — Балтийском судостроительном, оба ударники коммунистического труда. Виктор Михайлович — наладчик электрообору-

Породнение семей свадебным караваем.



Молодые распиливают свое первое бревно.

Так вручается молодым памятная медаль.

дования, его жена — газосварщица. За последнее время ей довелось сваривать трубопроводы знаменитых ледовых богатырей-атомоходов «Арктика» и «Сибирь».

— Об этом Доме узнали случайно, от знакомых, — говорят они. — И очень довольны, что свой юбилей праздновали именно здесь. Уж больно все тут хорошо устроено! И весело, и уютно, как дома.

Так свидетельствуют люди. Но самое яркое свидетельство в пользу Дома свадебных торжеств — очередь, которая не только не убывает, но все время растет. Авторитет ему создает молва человеческая.

Так живет этот небольшой дом на Выборгской стороне, бывшей рабочей окраине Ленинграда. Наверное, есть особый смысл в том, что именно здесь, на проспекте Мориса Тореза, по-соседству с заводскими корпусами, открылся этот дом радости и счастья. И первые гости его — рабочие Выборгской заводской стороны, ее ветераны, ее защитники, ее будущее. Совсем недавно у первого дома появился «младший брат» — еще один Дом свадебных торжеств. Он распахнул свои двери за Московской заставой. Готовят «Невские зори» новоселье и по третьему адресу — за Невской заставой.

Работники же дома на проспекте Мориса Тореза озабочены тем, как еще больше расцветить, украсить обряд. Елена Григорьевна доверительно показывает нам маленькую пилу и умещающийся на ладони хомутик.

—Прислали вот из Рыбинска,— говорит она. — Там эти символические сувениры в ходу на свадьбах. Думаем попробовать и у себя. А еще собираемся завести родословную книгу молодой семьи. Одним словом, поиски продолжаются...

Каждый вечер на проспекте Мориса Тореза — праздник. А в книгах отзывов появляются все новые слова благодарности.

«Многие ленинградцы наслышаны о вашем доме, но действительность превосходит все ожидания. Гости нашего праздника увозят память о нем в Москву, Ростов и Ярославль».

«Пусть всегда ваши двери будут открыты, и сотни людей, которые придут к вам, будут так же довольны, как мы сегодня. Симаевы».

«Постараемся быть достойными этого великолепного вечера, проведенного ради нас. Молодожены Шляпины».

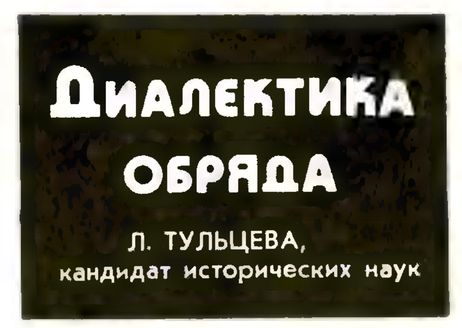
«Здесь каждый день чествуют разных людей. А мне представляется, что главный виновник всех празднеств — коллектив нашего славного, первого в Ленинграде, Дома свадебных торжеств и его директор Елена Григорьевна Сладкевич. Им и поклон наш за радость, которую они дарят людям. За радость, которая помогает жить.

Серебряные юбиляры Недзвецкие»,

Дарить людям радость может только щедрый человек. Елена Григорьевна Сладкевич и таким и принадлежит — богатым душой и щедрым на радость.

Ленинград

Ведущая Наталья Коршунова.



Диалектика обряда

Л. ТУЛЬЦЕВА,
кандидат исторических наук

В социалистической Молдавии, как и во всех союзных республиках нашей страны, прочно утвердился советский образ жизни. А между тем вплоть до 1945 года в духовной жизни основной массы населения здесь немалое место занимали религиозно-бытовые обычаи. Установление Советской власти на территории Молдавии, утверждение социалистического образа жизни дало огромный толчок процессу распространения массового атеизма среди населения республики. Атеистические ценностные ориентации стали естественной составной частью образа жизни населения социалистической Молдавии. Однако в жизни народа сохранились, хотя и в деформированной, переосмысленной форме, а подчас и вовсе утратившие свое содержание, некоторые обычаи и традиции, наполненные в прошлом магико-религиозным смыслом.

Проблема так называемых религиозно-праздничных традиций в современном быту не так проста, как это может показаться на первый взгляд. Ведь их существование самым тесным образом связано со стереотипным поведением и мышлением огромного числа людей. В прошлом календарно-праздничные циклы замыкали и открывали естественные периоды извечного круговорота аграрного года. Являясь неотъемлемой частью образа жизни людей, они занимали, естественно, прочное место в общественно-бытовой сфере. Влияние их ощущается и поныне, что показали, в частности, материалы исследования, проведенного в Молдавии в 1971 и 1975 годах сотрудниками Института этнографии АН СССР: более трети людей, безразлично и даже отрицательно относящихся к религии, заявили, что они регулярно отмечают религиозные праздники.

Естественно возникает вопрос: почему люди, образ жизни которых полностью исключает магико-религиозную символику, тем не менее в сфере семейно-бытовых отношений, хотя и чисто внешне, но все же сохраняют связанные с ней ценностные ориентации? Наряду с другими причинами участие определенной части людей в старых обрядах обосновывается традицией: мол, отцы праздновали и нам велели. Правда, сводится такой праздник, как правило, к приготовлению национальных блюд и приглашению гостей, а также к соблюдению принятых в данный день обычаев: скажем, дома украшают ветками, выстилают травой пол в комнатах на «думиникэ маре» (троицу), угощают фруктами на августовские спасы и т. д.

Естественно, что все эти обычаи, уходящие корнями в старый аграрный календарь, в новых условиях теряют свое былое религиозно-магическое содержание и, более того, наполняются новым, символизирующим советский образ жизни смыслом. Возьмем, к примеру, «мэрцишорул» — один из самых популярных в Молдавии традиционных праздников. В старом быту он был посвящен весеннему плодородию, возрождению природы. С ним были связаны различные магико-аграрные обряды. Сейчас «мэрцишорул» — день поздравлений с наступившей весной. Более того, он открывает в Молдавии Дни культуры и искусства.

Характерен и такой пример. Среди молдаван всегда большой популярностью пользовались народные драматические представления, исполняющиеся, как правило, во время святочного цикла. Их простейшая форма — драматические инсценировки и сюжетные танцы. Они исполнялись на свадьбах, сельских вечеринках, посиделках, а в отдельных районах — даже на похоронах. И в наше время этот жанр популярен. В нем только усилены социально-нравственные, атеистические и другие характерные для советского образа жизни мотивы.

Об отношении людей к традициям можно судить, в частности, по свадебному обряду. Исследователей интересовал вопрос: чему отдается предпочтение — обычному свадебному застолью или свадьбе с традиционным (полным или частичным) ритуалом. Итоги исследования, проведенного среди сельского населения республики, показали, что две трети опрошенных молдаван отдают предпочтение свадьбе с соблюдением полного или частичного национального обряда и лишь чуть более четверти высказались за простое застолье.

Такая приверженность к традиции ни в коей мере не говорит об отсталости во взглядах. Наоборот, обращение к исконным элементам традиционной культуры (а если необходимо — и к их воссозданию) говорит о бережном отношении к национальному культурному фонду, а в целом способствует росту национального самосознания и, следовательно, становлению личности. Например, в селах Пыржолтены и Ходиште резко сократилось число венчаний в церкви после того, как в гражданский свадебный обряд были введены традиционные элементы. И, несомненно, правы молдавские исследователи, когда акцентируют внимание на том, что современный гражданский обряд — это не только поиски и внедрение нового, но и использование того положительного, что несут в себе исконные народные ритуалы: ведь сила любого обряда — прежде всего в его тесной связи с традициями, выработанными в ходе многовековой истории, отвечающими психологии народа.

Возьмем, к примеру, такую важную сторону традиционной обрядности, как связь с народными представлениями о нравственности. В ритуализованной форме обряда воплощены общечеловеческие этические нормы определенного образа жизни людей. Среди них центральное место занимают любовь к труду, чувство взаимопомощи, уважения к старшим, то есть именно те качества, воспитанию которых придается особое значение в нашем обществе. Поэтому вполне своевременно поднимается вопрос о необходимости учитывать диалектику формирования того или иного обряда, помнить, что выработанные в ходе многовековой истории народа этические нормы выполняют определенные соционормативные и социокультурные функции.

Совершенствование межличностных отношений при социализме, общее прогрессирующее развитие социально-культурной активности трудящихся соответствующим образом преобразовывают традиционные ценности, обогащая их новой сутью и значением. Появляются новые праздники, отражающие вехи произ-

водственно-трудовой, общественной и личной жизни человека. В Молдавии, как и в других республиках, стало традицией, например, отмечать юбилеи колхозов, сел, производственных объединений. Большой популярностью пользуются праздники трудовой славы, праздники посвящения в рабочие и хлеборобы. Снискали заслуженную славу проводы на пенсию ветеранов труда, встречи поколений и т. д. И все это способствует формированию качественно нового социально-культурного фонда новой исторической общности — советского народа.

Внимание каждому

В. БЕЛОВ, фельдшер

Большое место в пропаганде атеистических знаний отводится медицинским работникам. Так, у нас в городе Рыбинске во всех лечебных учреждениях созданы советы по научному атеизму. Заслуживает внимания, в частности, деятельность советов объединения городской больницы № 1, где председателем врач-педиатр М. В. Сапожникова, и городской детской больницы, которым руководит врач-отоляринголог Р. Д. Судакова.

Интересные исследования проведены в городской больнице № 1. При изучении мотивов крещения детей выяснилось, что наиболее частой причиной совершения этого религиозного обряда является желание родителей оградить ребенка от заболеваний. Некоторые родители считают, что крещеные дети болеют реже, чем некрещеные. В течение двух лет мы наблюдали 47 детей. Оказалось, что дети, которых крестили, болели 157 раз, а у тех, кого родители не носили в церковь, установлен только 81 случай заболевания. Эти факты были использованы в ходе бесед среди родителей, молодых матерей и беременных женщин, а также опубликованы в санитарных бюллетенях больницы.

Кроме того, научно-атеистическая тематика включена в учебную программу шести университетов и 52 школ здоровья, а также 23 школ для выздоравливающих больных и 51 школы молодых матерей, где, в частности, есть такие темы: «О знахарстве и вреде самолечения», «Новые советские праздники и обряды», «Медицина и религия о жизни, болезнях и смерти» и другие.

Особое внимание медицинские работники уделяют пропаганде атеистических знаний среди молодых матерей и тех, кто готовится ими стать. Для них в поликлиниках, детских учреждениях читаются лекции, выпускаются санитарные бюллетени, оформляются уголки атеиста.

Участковые врачи-педиатры и медицинские сестры пропаганду атеистических знаний начинают в семьях еще до рождения ребенка. Сразу же после выписки из родильного дома новорожденного посещают врач и медицинская сестра. Они вручают родителям малыша открытки, в которых сообщается, кто из врачей будет наблюдать за их ребенком, дают советы по уходу, рассказывают о проводимой в городе торжественной регистрации новорожденных.

Безусловно, медицинские работники ведут атеистическую работу не только в поликлиниках, больницах. Тесная связь существует с детскими садами, яслями, школами, где работают школы здоровья на базе восьмых классов. На промышленных предприятиях, в учебных заведениях и жэках часто выступают врачи. Только за прошлый год они прочитали почти 400 лекций и провели более двух тысяч бесед. Каждый врач, отлично зная свою тему, без труда включает в нее элементы критики религиозного мировоззрения. Так, попутно с пропагандой донорства врачи рассказывают об интересных моментах из истории переливания крови, знакомят слушателей с той борьбой, которую в свое время вели представители различных религиозных направлений против этого эффективного метода лечения, считая его «греховным».

Чтобы медицинские работники лучше разбирались в проблемах научного атеизма, при городском Доме санитарного просвещения организована специальная школа научного атеизма. Более двухсот врачей, медицинских сестер получили здесь знания, которые они сейчас успешно применяют на практике. Активных пропагандистов и организаторов атеистической работы у нас много. Среди них акушерка Р. И. Иванова, отоляринголог Г. Н. Артемова, педиатр А. Д. Носова, онколог П. И. Смирнов, терапевт Р. А. Хабитова, паталогоанатом К. А. Неустроева и другие.

Мы постоянно стремимся совершенствовать медико-атеистическую пропаганду в городе. С этой целью Дом санитарного просвещения совместно с горкомом партии регулярно проводит семинары секретарей первичных партийных организации, руководителей советов по научному атеизму и ответственных за атеистическую работу, председателей лекторских групп, где анализируется уровень медико-атеистической пропаганды в лечебно-профилактических учреждениях города и намечаются пути ее дальнейшего улучшения.

г. Рыбинск
Ярославской области

Встречи, которых ждут

М. КАНАРШ, заведующая научно-методическим отделом областной библиотеки

Районный центр Куркино считается в Тульской области глубинкой. Поселок небольшой, но в нем есть и клуб, и библиотеки. Есть и действующая церковь, в которую ходят немало куркинцев, в основном пожилые. Случается, заглядывает и молодежь, иногда крестят детей, изредка венчаются. Это не могло не встревожить местных атеистов, которые стремятся вести свою работу содержательно и с пользой.

Большим событием в поселке, в частности, стал Праздник книги, организованный куркинской районной библиотекой совместно с активом клуба любителей природы. Прошел он живо и интересно. И как верно считает заведующая абонементом Элеонора Васильевна Сизова, этот праздник является по своей сути и атеистическим.

Подобные совместные мероприятия проводятся не впервые. Особенно всем понравилась встреча, на которой рассказывалось о родном крае. Пришло много народа. Одни делились мыслями о прочитанных книгах, другие смотрели фильмы с видами Куркина. Председатель клуба учительница биологии сред-

ней школы Александра Дмитриевна Челичонкова рассказала, как вместе с учениками они посадили и вырастили школьный сад, жасминную аллею, цветники. Потом все слушали в записи пение соловья и других птиц, музыкальные произведения, прославляющие природу. Все сидели за столами, пили чай, зал утопал в цветах. Было уютно, подомашнему тепло и приятно. Такие вечера охотно посещают и пожилые верующие люди.

Клуб любителей природы очень популярен среди жителей Куркина. У него, как правило, очень интересная программа, заседания проходят в переполненном зале.

г. Тула

Рефераты по атеизму

А. КОЛЕСНИКОВА,
преподаватель медицинского училища

Прозвенел звонок на урок. В коридорах медучилища стало пусто. Я взялась за ручку классной двери, но меня остановил шепот.

— Подождите минуточку, — из-за стойки с плакатами позвала ученица.

Между стойкой и стеной было место, которое мы в шутку называли исповедальней. Девушка стояла там.

— Вот, возьмите,— она вынула из-под халата и протянула мне маленькую книжку в сером переплете, на котором не стояло ни имени автора, ни названия,— карманное издание Нового завета.

— Возьмите,— повторила девушка,— она мне больше не нужна...

В медицинском училище, где я преподаю, учатся в подавляющем большинстве сельские девушки. Их родители зачастую имеют лишь начальное образование. Не удивительно, что именно из таких семей приходят к нам учащиеся с неустойчивым мировоззрением. Поэтому, принимая из школы новое пополнение и приступая к организации воспитательной работы, мы задавали в группах вопрос: велась ли в вашей школе атеистическая работа? Выяснилось, что большинству оказался даже непонятен смысл слова «атеистическая».

Для наших педагогов атеистическое воспитание — один из путей, вырабатывающих у учащихся активную жизненную позицию. Конечно, к пониманию этого мы пришли не сразу. Кое-кому казалось, что атеистическое воспитание — дело надуманное, поскольку-де наша молодежь в большинстве своем в бога не верит.

В общем часть наших педагогов были далеки как от теоретических проблем, так и от практики атеистического воспитания. Однако сильным аргументом в пользу глубокого и постоянного внимания к атеистическому воспитанию стала сама жизнь. Беседы с учащимися, опросы и обсуждение их результатов привели к тому, что атеистический аспект стал в конце концов составной частью воспитательной работы в училище.

Поначалу все преподаватели изучали атеизм в системе политического просвещения, а затем пополняли свои знания самостоятельно. Библиотекари подобрали и продолжают регулярно пополнять книжный фонд по вопросам атеизма. Мировоззренческий аспект стал составной частью большинства уроков как по общеобразовательным, так и специальным дисциплинам.

Изучение научного атеизма в училище занимает сейчас одно из центральных мест. И не потому только, что на него отводятся часы в расписании (часов этих до обидного мало: семь—девять уроков по два часа), а потому, что мы стараемся сделать эти занятия адресованными каждому ученику в отдельности. Свои немногочисленные уроки мы строим так, чтобы учащиеся были активными на уроках. Каждый изучающий атеизм должен впоследствии выступить перед школьниками одной из подшефных школ нашего района, то есть показать свои знания на деле. За группой мы закрепляем определенную школу, с завучем которой составляем план выступлений ребят. В группах выделены ответственные за эту работу.

Чтобы подготовить учащегося к выступлению, к защите реферата (а его написание входит в задачу каждого), мы ставим перед ним такие вопросы: что вы прочитали по теме? К каким выводам пришли? В чем хотите убедить своих слушателей? Какими доказательствами для этого располагаете? Понятно, на эти вопросы не ответишь чужими мыслями. Но главное — впереди, когда юный пропагандист начнет выступать в школе. Это право нужно завоевать отличными знаниями. В течение года наши учащиеся выступают около 500 раз и повторно во время практики. О проведенной работе группы докладывают комитету комсомола.

Будем справедливы. Не всем поначалу нравился такой подход. Раздавались ворчливые голоса: «Разве подготовка рефератов по атеизму предусмотрена программой? И почему обязательно все должны выступать, а если у человека нет ораторских способностей?»

Отвечу на эти вопросы мнением самих учащихся, которые, завершив изучение курса научного атеизма, пишут домашнюю работу. Оценки уже выставлены, поэтому кривить душой нет никакого смысла. Итак, мы просим лишь ответить на единственный вопрос: что вам дало (оговариваем — вам лично) изучение научного атеизма? Число ответов давно перешло за тысячу.

«Научный атеизм — наука интереснейшая. После каждого урока чувствуешь, что узнал новое и нужное».

«Много дало написание реферата. Работа над ним научила меня пользоваться нужной литературой, уметь выбрать главное».

«Я с удовольствием работала над рефератом, потому что было интересно».

А как же насчет ораторских способностей?

«Большое впечатление производит выступление в школе, когда тебя внимательно слушают, задают вопросы. Это не доклад для галочки. Чтобы это понять, надо пойти в школу, прослушать, как спорят в классе после выступления».

г. Воронеж

Нужны простые объяснения

И. СУСЛОВА

Когда началась война, я уже умела читать и познакомилась с религиозной литературой. Конечно, я не знала толком, как называются эти толстые книги с красивыми и страшными картинками, но знакомство с ними вселило в мою душу страх перед богом, веру в его существование. Хозяйка этих книг, наша соседка тетя Тоня, не раз говорила мне тогда,

что мамино безбожие погубило моего отца. Вот если бы мама была верующей, то не получили бы мы «похоронку» с фронта. Может быть, мама и поверила и поэтому повесила в нашей комнате иконы. А я от тети Тони слышала постоянно: «Молись, деточка, о здравии своего папы, бог милостив, и случится чудо». Оно, действительно, случилось. Кончилась война, и мой папа вернулся из плена. Разумеется, не мои молитвы помогли. Ведь все верующие молились о здравии воинов, сражавшихся с супостатом, а многие ли вернулись?

Набожная соседка наша во время войны жила в достатке, семья ее нужды не знала. И все потому, как она говорила, что помогает ей бог за ее веру. Спросила я маму, когда уже выросла, отчего же мы с ней ели не досыта? Я же молилась утром и вечером, а бог давал больше соседям. И услыхала простое объяснение: «Потому что она спекулировала. Вот и жила хорошо». Хотя я уже была неверующая, мне стало обидно за такую божескую несправедливость. Я же все делала так, как велела тетя Тоня, пугая меня геенной огненной. Я очень боялась попасть туда и не смела «беса тешить», то есть петь, танцевать, смеяться. Все это — великий грех, а за каждый грех у бога есть определенная казнь. Кто знает, может быть, настоящая моя жизнь и сложилась бы иначе, если бы я росла общительной, веселой, а то сама себя лишила детства.

Поколебалась моя вера в первый раз уже в техникуме. Сдавали мы экзамены, а кто-то и вспомнил о Николае чудотворце. Пойдемте, мол, девочки, помолимся, авось поможет. Пошли мы с подружкой в церковь, покупаем свечки, чтобы поставить перед иконой чудотворца. Продает их здоровенный детина. Подал он нам свечки, потом показал свой волосатый большой палец, подмигнул и сказал: «Во, девки, сдадите!» И больше я в церковь не пошла. Уж очень бесцеремонно ворвался в мой мир иллюзий этот тип. Возможно, и к лучшему. Будто все, во что я верила с детства, предстало вдруг передо мной в образе этой толстощекой нахально подмигивающей физиономии.

Окончила я библиотечный техникум, уехала работать на село, поступила на заочное отделение библиотечного института. Первый мой обзор, который я подготовила во время практики, был о Вселенной. Много я перечитала, обзор удался, и получила я за него отметку. Теперь уже по долгу службы делаю тематические информации и доклады о литературе, но выбираю то, что интересно самой, — значит будет интересно и моим слушателям. Сейчас я председатель совета атеистов на комбинате, где работаю в технической библиотеке. Однако вижу, что за атеистическую работу нередко берутся молодые люди, не имеющие никакого понятия о психологии веры. Я считаю, что за такую работу надо браться чрезвычайно деликатно, осторожно. Но где научиться этому?

Литературы подобного рода мало, а она нужна, популярная, доходчивая, чтобы атеист-агитатор мог бы ответить на любые вопросы. Например, на такой. Жалуется женщина, что соседка сглазила дочку. Мол, как придет в дом, — так девочка заболеет. А как другая бабка над ней пошепчет, — девочка поправляется. Почему? Здесь нельзя просто ответить, что это все — выдумки, суеверия, надо объяснить как можно понятнее, проще. Давайте, пожалуйста, в «Науке и религии» побольше таких статей, рассчитывайте их на суеверных и верующих людей с невысоким уровнем образования.

г. Киров

А. КОЧЕТОВ

Памятнику-мемориалу героям Отечественной войны — медикам, созданному скульптором Л. Кербелем и архитектором Б. Тхором и установленному на территории 1-го Московского медицинского института.

Умолкнул глас войны. Прошли десятилетья.
В гранита глыбу мастера резец проник
И отчеканил на столетья
Твой сказочно-прекрасный лик.
Визжали мины, грохотали взрывы.
А ты ползла, зажавши в сердце страх,
Чтоб вынести его с кровавой нивы
На ненавистью налитых руках.
К подножью твоему цветы приносят дети.
На них глядишь, торжественно-проста...
Ты всех мадонн священнее на свете,
Ты — Милосердия Сестра!

А. ВЕРБИЦКИЙ,
кандидат психологических наук

СПОСОБНОСТИ И ВОСПИТАНИЕ

Нет, наверное, более беспомощного существа, чем новорожденный ребенок. Крик и сосательный рефлекс — вот и весь арсенал средств, с которыми он вступает в этот нелегкий для него мир. Детеныш животного может, худо ли бедно, передвигаться, чтобы добраться до источника жизни — материнского молока. Ребенок лишен и этой способности.

Трудно ему, трудно матери. Не один месяц пройдет, пока ребенок встанет на ноги, еще больше времени пройдет, прежде чем он скажет: «Я сам!» А вот после этого развитие маленького человека пойдет лавинообразно — успевай только удивляться, откуда что берется. Первые четыре-пять лет в жизни ребенка — решающий этап формирования его как личности. Именно в этот период закладываются характер, способности, отношение к людям.

«Разве не тогда я приобретал все то, чем теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и сотой доли того? От пятилетнего ребенка до меня только один шаг. А от новорожденного до пятилетнего страшное расстояние». Эти слова принадлежат Л. Н. Толстому. Стоит заметить: говоря обо всем, чем он теперь живет (разумеется, и о способностях в том числе), Толстой настойчиво (три раза) употребляет слово «приобретал».

Как же приобретаются, формируются многообразные способности человека? Чем ограничивается, лимитируется это приобретение? Почему один человек оказывается способным, другой менее способным, а третий кажется и вовсе неспособным к тому или иному виду труда, учения, творчества? И вообще, что такое способности, талант, гениальность, призвание?

Эти вопросы серьезно занимают многих — ведь речь идет об очень важном — о той жизненной перспективе, которую видит перед собой человек, оценивая свои силы, способности, те условия для

Человек лишь... там чего-то добивается,
где он верит в свои силы.
Л. Фейербах

ЛИЧНОСТИ

Фотохроника ТАСС и АПН.

развития и плодотворного труда, которые предоставляет ему общество, исходя из оценки способностей каждого.

Стоит ли ему делать основную ставку на то, что способности врождены, что при определенных условиях они обязательно проявятся? Стоит ли ему ограничить свою активность поисками призвания, или же направить усилия на формирование у самого себя пока что отсутствующих, но необходимых для избранного дела способностей, на воспитание себя как творческой личности?

Как относится к этой проблеме религия, какую программу действий намечает?

В романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» герой повествования Макар Девушкин говорит так: «...Всякое состояние определено всевышним на долю человеческую. Тому... быть в генеральских эполетах, этому служить титулярным советником; такому-то повелевать, а такому-то безропотно и в страхе повиноваться. Это уже по способности человека рассчитано; иной на одно способен, а другой на другое, а способности устроены самим богом».

Видите, какая перспектива открывается перед человеком! Зачем куда-то стремиться, работать над собой. Все заранее задано, предопределено, «запрограммировано» богом — быть тебе генералом или безропотно и в страхе подчиняться.

Религиозное понимание способностей и призвания утверждает пассивность человека, узаконивает социальную несправедливость. Действительно, в условиях классового — рабовладельческого, феодального или буржуазного общества — чины и должности наследуются членами богатых семей независимо от их реальных способностей. Религия всегда освящала эту традицию, приписывая ей божественное происхождение.

Есть и другая причина, в силу которой решение вопроса о происхождении способностей отдавалось воле бога, — отсутствие научного знания об их природе. Религиозное представление в этой области,

как, впрочем, и во многих других, постепенно вытеснялось научным. Научные данные о происхождении способностей и закономерностях их формирования в процессе человеческой жизни накапливаются медленно. Еще медленнее такие данные становятся достоянием широкой публики. Не только верующие считают человеческие способности даром божьим, но и в общеупотребительной речи прочно держатся такие выражения, как «дарование», «одаренность», «искра божья» и т. п.

Талант и гениальность — это определенные сочетания способностей особенно высокого уровня. Если человек обладает незаурядными способностями, позволяющими ему успешно решать сложные жизненные задачи, можно сказать, что этот человек талантлив. Что касается гения, то в этом случае речь идет об уникальном сочетании выдающихся способностей.

О способностях можно говорить, лишь связывая их с выполнением какой-либо деятельности. Способности существуют лишь постольку, поскольку они способности к чему-либо, к какой-то деятельности — будь то труд учителя, слесаря, руководителя предприятия и т. п. Другими словами, способности не проявляются вне деятельности. Только в процессе конкретной деятельности человека может быть измерен уровень его способностей. И, следовательно, главным условием проявления способностей является его активное включение в процесс труда.

Людям, которые убеждены в том, что человеческие способности «от бога», можно задать простой вопрос: а как быть с теми профессиями, которые отошли в прошлое или, наоборот, получают права гражданства на наших глазах? Неужели бог следит и за этим, предусмотрительно наделяя некоторых людей способностями к той или иной профессии, которой пока нет, но которой суждено появиться через несколько лет? На самом деле все происходит как раз наоборот: вначале появляется необходимость в какой-то профессии, намечаются ее основные контуры, а уж затем у определенных людей формируются способности, необходимые для того, чтобы этой профессией заниматься. Именно так на наших глазах возникла профессия космонавта. Что касается способностей к работе космонавта, то они формируются в процессе длительной и многотрудной учебы, специальной предполетной подготовки.

Важной составляющей способностей является социальная составляющая. Мы не только говорим, какие способности присущи тому или иному человеку, но и даем им оценку: «хуже — лучше», «быстрее — медленнее», «банально — оригинально», «творчески — нетворчески» и т. п. Таким образом мы, вольно или невольно, сравниваем процесс и результат деятельности каждого отдельного человека с некоторым образцом, в котором отражено наше представление о человеческих возможностях в той или иной области. Способности познаются в сравнении, иначе их нельзя оценить. Критерии такой оценки вырабатываются у человека на основе его собственного опыта или опыта других людей; в любом случае они, во-первых, социально обусловлены (возникают в общественной практике людей), а во-вторых, относительны (мне, например, такой-то актер нравится, а вам — нет). Ничего от бога в оценке способностей одних людей другими людьми нет — они социальны по самому своему происхождению.

Естественно, что критерии оценки изменяются с течением времени. То, что вчера считалось высоким достижением, сегодня перестает быть таким — стоит взглянуть на таблицу мировых спортивных рекордов за последние десятилетия. Следовательно, существует историческая составляющая способностей. Каждый исторический период имеет свои критерии оценки уровня способностей, талантливости, гениальности. Каждая эпоха выдвигает своих гениев. Но далеко не каждый из них получает признание при жизни. Довольно часто люди оказываются неподготовленными к тому перевороту в привычной картине мира, который совершает гений. Поэтому гениальных людей нередко считают чудаками. Это означает только то, что современные критерии оценки способностей отстают от тех, которые требуются. Признание наступает тогда, когда под влиянием общественно-исторического опыта людей критерии эти меняются.

Мы видим, что критерии оценки способностей являются тем основным, без чего нельзя вести речь об их уровне, следовательно, и о способностях как таковых. Очевидно также, что названные критерии непостоянны, изменчивы и эта изменчивость обусловлена изменениями в социальном опыте и представлениях людей. Есть ли в них что-либо от бога? Если отвечать на этот вопрос утвердительно, то нужно будет признать и то, что рукой учителя, ежедневно проставляющего оценки школьникам, движет божественный промысел.

Тут, вероятно, уместно вспомнить, что гений своей деятельностью обычно подрывает самую идею существования бога: Коперник, например, камня на камне не оставил от теологической картины Вселенной, в этом же направлении действовали Галилей, Ньютон, Эйнштейн; революционное учение Маркса, Энгельса, Ленина повернуло весь ход человеческой истории. Труды гениев постоянно и неуклонно приближали людей к научной, материалистической, атеистической картине мира.

Наконец, мы переходим к еще одной составляющей способностей — биологической. Вокруг этого вопроса постоянно кипят страсти. Причем в подавляющем большинстве споров и дискуссий, особенно тех, которые происходят в буржуазных странах, биологическая составляющая способностей предстает едва ли не единственной и уж во всяком случае определяющей. О других составляющих способностей некоторые ученые часто просто не упоминают, а если и упоминают, то без серьезного анализа.

Религиозная позиция в этом вопросе хорошо известна: все способности человека — от бога. Бог решает, кого и за что облагодетельствовать. Но оказывается, дело принципиально не меняется и в том случае, если принять точку зрения, согласно которой способности — дар природы, нечто врожденное. Дальше, мол, все очень просто: достаточно выявиться способности — и можно одних определять в руководители, других в ученые, ну а

неспособные обречены выполнять «черную» работу.

В середине прошлого века известный врач-анатом Ф. Галль, основатель френологии, пришел к выводу, будто управление каждой из способностей человека расположено в определенных областях мозга. Чем выше уровень способностей, тем более развита эта область. Следовательно, достаточно ощупать шишки и впадины на черепе, соотнести их положение со специальной картой — и можно судить о способностях данного человека.

С начала нашего века широкое распространение получила тестология — определение коэффициента умственной одаренности человека по результатам тестовых испытаний. Исходя из убеждения, будто способности носят исключительно врожденный характер, многие приверженцы этого метода пытались судить не только о настоящих, но и о будущих успехах человека — ведь его возможности якобы заложены со дня рождения.

Тестология вызвала обширную критику. Было убедительно доказано, что тесты не могут исчерпывающе определить характер способностей. Они лишь в состоянии показать, какими знаниями, умениями и навыками располагает человек к моменту испытания. Человек, показавший невысокие результаты по тестам, при использовании соответствующих методов и при создании благоприятных условий обучения и воспитания вполне может развить свои способности до необходимого уровня.

Отсюда, однако, вовсе не следует, что тесты сами по себе бесполезны или даже вредны. При строго научном их применении они приносят ощутимую пользу — кому не интересно и не полезно знать, каков уровень его достижений на сегодняшний день, каким делом он может быстрее и легче овладеть.

Каждому очевидно: сколько людей, столько и индивидуальных различий. Каждый человек рождается со своими, отличными от других физическими данными, особенностями органов чувств, типом нервной системы, темпераментом, скоростью протекания нервных процессов, уровнем эмоциональности и другими анатомо-физиологическими особенностями мозга и нервной системы в целом. Эти особенности получили название задатков. На их основе в процессе жизни, обучения, воспитания и трудовой деятельности у человека развиваются способности к тому или иному делу. При этом задатки не определяют ни того, какие именно способности разовьются, ни уровня развития способностей. Так, наличие абсолютного музыкального слуха вовсе не означает, что из человека получится талантливый музыкант. В то же время при наличии такого слуха формирование способностей к музыкальной деятельности будет протекать легче и быстрее. Известно и то, что далеко не все талантливые музыканты обладали абсолютным слухом.

Все это говорит о том, что задатки не являются «причиной» способностей; они выступают лишь в качестве фона и биологической основы, на которых разыгрывается процесс формирования способностей.

Признание задатков в качестве биологической основы способностей было шагом вперед в материалистическом понимании природы способностей. Тем самым способности прочно связывались с их естественной основой — мозгом, нервной системой, со всем организмом человека. В то же время признавалось, что задатки сами по себе — еще не способности. Для формирования способностей необходимо включение человека в процесс той или иной деятельности. Отсюда вытекают три важных положения: способности существуют только в развитии; они не могут возникнуть вне активности самого человека; они формируются в процессе человеческой деятельности. Таким образом, анализ способностей выводился за пределы анализа одних только особенностей данного человека и включался в более широкий контекст — следовало иметь в виду, каким трудом этот человек занимается, какое получил воспитание, чему и как учился, в каком коллективе трудится и т. п.

Нужно сказать, что в обыденном сознании понятие «врожденные задатки» часто отождествляется с понятием «врожденные способности». Впрочем, это смешение порой происходит и в работах некоторых специалистов-психологов. Тому, на мой взгляд, есть две причины. Во-первых, видимо, сильно искушение для каждой способности найти какой-то вполне определенный врожденный задаток, а во-вторых, потому, что и задатки и способности рассматриваются вне анализа деятельности человека и его взаимоотношений с другими людьми в процессе этой деятельности.

Ну, хорошо, задатки музыкальных способностей (хороший слух и т. п.) можно себе представить, и это обычно выступает в качестве главного аргумента в споре о способностях. Но как представить себе анатомо-физиологические задатки таких, например, способностей, как способность хорошего организатора, способность быстро схватывать суть дела, способность к математической абстракции и к быстрому и широкому обобщению математического материала и т. п.? Способы познания и деятельности, выработанные человечеством и так или иначе усвоенные конкретным человеком, нельзя ставить в прямую связь с элементарными мозговыми процессами возбуждения и торможения, индукции, иррадиации и концентрации. В то же время нет никакого сомнения в том, что анатомо-физиологические особенности человека так или иначе влияют на выполнение профессиональной и любой другой деятельности, на ее темп и продуктивность.

Известны факты и другого рода. Мы знаем, что косноязычный Демосфен упорной работой над собой преодолел свой «органический» недостаток и стал великим оратором. Слепоглухонемая Елена Келлер научилась воспринимать музыку. Бетховен создавал гениальные музыкальные произведения и после того, как потерял слух. Клиффорд Уитчер, слепой от рождения, стал крупным ученым в области физической оптики. Алексей Маресьев сумел водить боевой самолет, лишившись обеих ног.

Эти примеры легко продолжить. Они показывают величие человеческого духа, огромные, поистине неисчерпаемые возможности человека. В этой связи понятие «задатки» носит довольно условный характер и употреблять его следует с осторожностью.

Соотношение задатков и способностей можно представить себе, проведя такую аналогию. Анато-

мо-физиологические особенности человека, или задатки, — это почва, а способности — то зерно, которое вносится в эту почву в процессе человеческой деятельности и на ней произрастает. Без почвы никакое зерно способностей не вырастет, в то же время сама почва, будь то чернозем или суглинок, ни в коей мере не предопределяет, вырастут на ней овес, ячмень или баклажаны. Состав почвы влияет на урожайность, но бывает и так, что каменистая почва дает более высокий урожай, чем чернозем, — дело тут решает количество и качество вложенного труда. «Трудности порождают в человеке способности, необходимые для их преодоления»,— этот афоризм Филлипса довольно точно передает суть проблемы.

Способности складываются и развиваются с самого первого дня жизни человека, и этот процесс развития зависит от очень многих факторов, которые трудно даже учесть. Нередко то или иное воздействие на ребенка **мгновенно** как бы «запечатлевается» его мозгом и **становится свойством психики.** Мы же не успеваем его зафиксировать или вовсе о нем не подозреваем, а потом принимаем это новое свойство психики за врожденное.

Посмотрите на маленького ребенка — его активность всецело направлена на познание внешнего мира и самого себя, своих возможностей, на развитие своего двигательного и интеллектуального опыта. Причем этот опыт выступает не только побочным результатом игрового и бытового поведения, но и результатом целенаправленной деятельности. В классическом виде это выступает в форме детских вопросов к взрослым: «Почему?»

Все это происходит не так хаотично, как нам иногда представляется. Активность ребенка в той или иной мере, более или менее методично направляется взрослыми — родителями, учителями в школе, профессиональными наставниками. Всякая организация такой активности, всякий ответ на вопрос ребенка, ориентирование его в каком-то направлении — есть воспитание, формирование способностей. Эти процессы с самого начала протекают в сотрудничестве одного человека с другим: взрослого и ребенка, воспитателя и воспитуемого, учителя и ученика, товарища по работе и отдыху.

Реальная, нерасторжимая и неустранимая связь человека и общества, человека и других людей как представителей этого общества — необходимое условие становления человека, развития его способностей, формирования творческой личности. Если ребенок перестал задавать свои «почему?» — мощный инструмент познания мира через ум взрослого, — значит, видимо, мы не умеем дать содержательные и понятные ребенку ответы. На его вопросы мы часто говорим «отстань» и ссылаемся на свою занятость. Отказываясь отвечать, мы закрываем от него действительность, «консервируем» его познавательный интерес и, сами того не желая, наносим большой ущерб развитию его способностей.

Разговоры о способностях как даре божьем или как неких врожденных образованиях мозга проистекают из того, что мы не прослеживаем, да и не всегда можем проследить путь развития того или иного человека на протяжении всей его жизни, учесть все те влияния, которым он подвергался, не знаем о периодах времени, наиболее благоприятных для формирования способностей, обо всем том, что обусловило такое, а не иное его развитие. Мы рассматриваем и оцениваем результат, достигнутый в тот или иной момент, или, выражаясь специальным языком, — срез психического развития.

Вполне естественно, что при измерении способностей разных людей картина получается самая пестрая, поскольку так же невообразимо различными были пути развития каждого из этих людей до того момента, когда речь зашла об оценках их способностей. Достаточно сказать, что способности примерно одинаковых детей могут развиться совершенно по-разному в зависимости от того, насколько благополучным был их эмоциональный контакт с родителями. Установлено, например, что, если маленький ребенок не имеет положительного эмоционального контакта с матерью, то его психическое и интеллектуальное развитие может сильно пострадать, задержки в развитии могут принять необратимый характер.

Когда человек становится взрослым, подобного рода нюансы развития от него скрыты, он сам о них часто даже не подозревает. Тем более неизвестны они тем, кто дает оценку его способностям. Сложившийся на протяжении всей биографии человека уровень способностей выглядит как заданный организму с самого начала — богом или природой. «По изобретению, доведенному до совершенства, не видно, как оно создавалось», — писал Экзюпери. То же самое можно сказать о человеческих способностях. Однако тайна способностей каждого человека лишь постольку является «тайной», поскольку она не познана. Ничего мистического или божественного в ней нет.

Из сказанного здесь ясно, что создание оптимальных условий обучения, воспитания и самовоспитания, содействующих формированию многообразных творческих способностей, — важнейшая задача нашего общества.

При этом, разумеется, воспитание понимается не как простое декларирование нравственных истин, а как целенаправленное вовлечение каждого человека в активную деятельность, которая осуществляется совместно с другими людьми, регулируется принятыми в обществе нормами. Только таким путем можно сформировать морально и нравственно полноценную творческую личность — человека высокой идейной убежденности, вооруженного обширной системой современных знаний, умений, навыков и обладающего высоким уровнем разнообразных способностей.

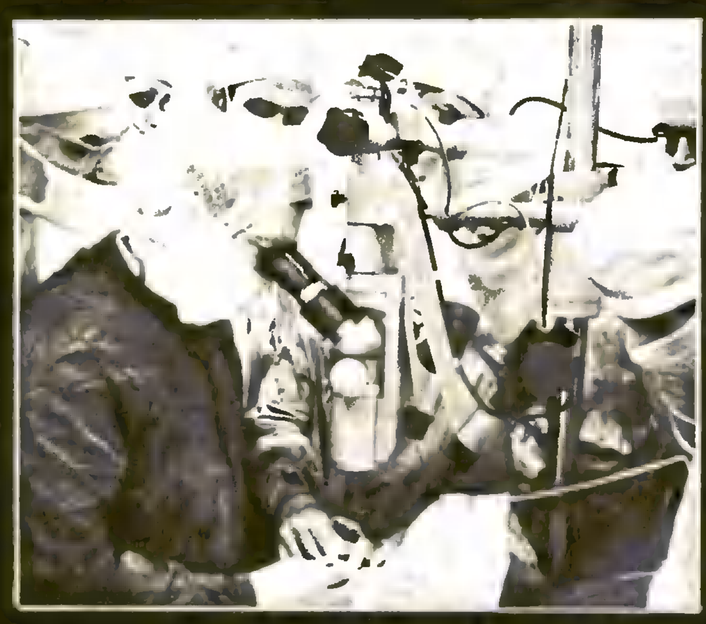
Следовательно, для того чтобы научиться выполнять какую-то работу, нужно в нее включиться. Для большинства людей это может представлять немалые трудности. Заставьте себя преодолеть их, и рано или поздно вы воспитаете у себя необходимые способности. Пусть теперь кто-нибудь попробует вам доказать, что эта способность — от бога!

Избрав какую-то профессию и задавшись целью воспитать у себя необходимые для успешной работы способности, гениальным человеком можно и не стать. Но то, что будет достигнуто в процессе работы над собой, превзойдет ваши самые смелые ожидания.

■

ВИЖУ!..

Н. БИАНКИ



Операцию ведет профессор С. Н. Федоров.

СРЕДИ евангельских рассказов о земной жизни Христа особое место занимают сюжеты, связанные с его исцелительной деятельностью. «И ходил Иисус... проповедуя евангелие царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях», — сказано у Матфея (гл. 4 ст. 23). Он излечил слепого, глухонемого, сухорукого, расслабленного, исцелил 10 прокаженных. Но любого историка медицины постигнет разочарование: он не встретит никаких указаний на конкретную лечебную практику, запечатленную составителями евангелий, а потому интересную для нас как свидетельство конкретного медицинского знания той отдаленной поры. Такая неинформативность новозаветных легенд об исцелениях понятна: в них отразились не факты из медицинской практики, а мечты людей об избавлении от недугов, в те времена несбыточные. Кто мог вернуть глухому звуки мира? Или помочь прокаженному? В реальной жизни не было силы, способной вмешаться в несправедливости природы, облегчить участь ее жертвам. И потому, что не было этой силы в реальном бытии, она стала достоянием легенд о чудесных исцелениях.

Евангельский Христос продолжил собой длинную вереницу предшественников, языческих богов разных народов и духов-целителей. Собственно, и врачевал-то он так же, как они: силой молитвы-заклинания, силой нерассуждающей, горячей веры. Случалось, что подобные врачеватели и помогали больным, — такие единичные факты обрастали легендами, передавались из поколения к поколению. Современная наука объясняет механизм такого рода мгновенного исцеления, в нем нет ничего сверхъестественного — это лечение внушением, воздействие на центральную нервную систему, контролирующую работу внутренних органов человека.

Трудно вообразить, какие беды постигли бы человечество, если бы наука, в том числе и медицинская, осталась на уровне религиозного знания. Недуги, которыми и сегодня страдают люди, остались в основном теми же, зато как изменились возможности борьбы с ними. Наше время щедро на открытия, изобретения, на переосмысление традиционных способов лечения.

Взять хотя бы проблему близорукости, заявившую о себе громким голосом в наш век избыточной информации. Растут нагрузки на глаза, прогрессирует близорукость, все больше людей вынуждены пользоваться очками, но и они не всегда помогают. Как бороться с близорукостью, что противопоставить этому недугу века?

Интересные, нетрадиционные методы ее лечения разработаны в Московской научно-исследовательской лаборатории экспериментальной и клинической хирургии глаза, руководимой профессором С. Н. Федоровым.

О врачах этого коллектива, о том, какие задачи ставят они перед собой и как их решают, рассказывает очерк журналистки Натальи Бианки.

К ВОПРОСУ ОБ ОЧКАХ

У многих научных проблем своя история, дальняя и ближняя. Есть она и у той области офтальмологии, с которой мне довелось столкнуться вначале в качестве пациентки.

Кто изобрел очки — точно неизвестно. Легче выяснить, где и когда они появились, хотя и по этому поводу до нас дошли весьма скудные сведения. Считается, что очки были изобретены в Северной Италии, а точнее в Венеции, в XIII веке. Предполагают, что распространение очков в определенной мере связано с началом книгопечатания — с XV веком. В других странах Европы, а затем в Азии очки стали известны лишь в XVI или же в начале XVII века. Примерно в это же время появились они и на Руси. Диоптрической* нумерацией стекол научились пользоваться значительно позже, только в прошлом веке.

Как и всякое изобретение, очки претерпели существенные изменения. Поначалу к глазу приставляли одно стекло. Оно было в оправе, на длинной ручке. Затем соединили два стекла, оставив ручку, — это знаменитый лорнет пушкинской поры. Впоследствии возник вариант оправы с переносьем и заушинами.

Потребность в очках появилась значительно раньше, чем все эти модификации. В начале первого века нашей эры римляне, читая, пользовались стеклянной колбой, наполненной водой (вода увеличивает предметы). Император Нерон наблюдал бои гладиаторов сквозь шлифованный изумруд.

Кажется, не сохранилось даже упоминания о том впечатлении, которое произвело на людей изобретение очков, хотя событие, скажем прямо, было ошеломляющим. А вот теперь, на исходе нашего века, человечество, чтобы лучше видеть, пробует... снять очки.

Еще в 1508 году Леонардо да Винчи придумал очки-невидимки. Мы такие очки называем контактными линзами. Небольшие, прозрачные, немного выпуклые, с определенными диоптриями, они накладываются прямо на глазное яблоко и внешне незаметны. Контактные линзы можно использо-

* Диоптрия — единица оптической силы линз и других осесимметричных оптических систем.

вать при любых формах роговой оболочки глаза.

Еще более необычное решение проблемы нашел известный офтальмолог профессор Святослав Николаевич Федоров. Очки он запрятал внутрь глаза. Как известно, после удаления катаракты больному предлагают очки с высокой диоптрией. Когда Святослав Николаевич удаляет помутневший хрусталик, вместо него он вставляет линзу величиной буквально с ноготок, 5 миллиметров в диаметре и 0,35—0,40 миллиметра толщиной. Она крепится на радужной оболочке глаза с помощью трех дужек и трех антенок. Дужки заводятся за радужную оболочку, антенки лежат на ней.

«Сооружение простое, как помидор», — любит приговаривать профессор. Но это простое сооружение — новое, оригинальное слово в науке о зрении, метод, каким в клинике, руководимой Федоровым, добиваются многообещающих результатов. Изучение близорукости идет по нескольким направлениям. Непонятны без специального объяснения мудреные медицинские термины, обозначающие разные виды хирургического вмешательства на глазу, — кератотомия, кератомилез, склеропластика. За ними стоит стремление ученых вмешаться в несправедливый приговор природы, изменить судьбу, которую она уготовила человеку, страдающему дефектами зрения.

НАТАША БУДИНА

Давайте уточним, что же происходит с глазом при высокой, прогрессирующей близорукости. Форма глазного яблока — обычно шаровидная — становится овальной за счет растяжения и утончения наиболее пластичной ткани склеры (наружной оболочки глазного яблока). Это может привести к полной потере зрения, так как нарушается питание в заднем отделе глаза. Таково следствие. Какова же первопричина?

По этому поводу существует немало суждений. Скорее всего, основная причина возникновения близорукости — усиленная зрительная нагрузка на близком расстоянии, которая приводит к увеличению внутриглазного давления. А это в свою очередь вызывает растяжение наружной оболочки глаза и его удлинение.

...К Наташе Будиной болезнь подкралась неожиданно, исподтишка, как удар в спину. Ей было десять лет, когда грипп обернулся тяжелейшим осложнением на глаза. Поначалу врач прописал очки — минус 3, а немного погодя — минус 5. С каждым годом близорукость увеличивалась. Недавно Наташе исполнилось тридцать лет, теперь у нее очки с диоптрией 25, такие стекла изготовляют по специальному заказу.

Наташа с трудом справлялась с болезнью. Когда просыпалась, первая мысль — где очки? Куплено было несколько пар, но они, как назло, постоянно куда-то терялись. Без очков она ничего не видела, да и в них-то видела не намного лучше. На ощупь доставала хлеб, сахар. По квартире двигалась сравнительно просто, привычно, а вот вне дома возникало много препятствий. В магазине мучилась оттого, что не могла прочитать цены, а спросить стеснялась. Но самое неприятное — улица. Иногда становилось так страшно, что Наташа не выдерживала и просила кого-нибудь перевести через дорогу.

Она знала, что прогрессирующая близорукость, да еще такая высокая, ведет к слепоте. Знала и гнала прочь такие мысли. И все-таки к очкам, этой единственной палочке-выручалочке, за долгие годы так и не могла привыкнуть. Иногда ей даже казалось, что они ее душат. Решила было носить вместо очков контактные линзы, их приходилось надевать утром и снимать на ночь — процедура не из простых. К тому же линзы быстро изнашивались и в итоге пришлось вернуться к ненавистным очкам.

О своей болезни Наташа Будина прочла уйму книг и журналов. Знала она и об уникальных глазных операциях в клинике профессора С. Н. Федорова. Не так давно там побывала ее сослуживица. Правда, у той близорукость намного меньше — 8 диоптрий, но рассказывает, что уже через два часа после операции была дома. Делали ей на глазах «насечки»...

«СОЛНЫШКО»

Так окрестил операцию кератотомия Святослав Николаевич. Название точное, точнее не придумаешь. Если посмотреть на прооперированный глаз через щелевую лампу, в середине будет виден небольшой кружок с расходящимися от него 16 радиальными лучами (что-то вроде кружевного медальона). Делает эти операции и Федоров, и другой хирург — Валерий Васильевич Дурнев. Кто оперирует, тот сам себе и ассистирует. Никакой подготовки, никаких уколов. Хирург закапывает в глаз обезболивающее вещество, специальным инструментом очерчивает круг в пределах радужной оболочки глаза и от него легонько процарапывает роговицу, как бы делает наметку. В зависимости от степени близорукости намечается диаметр кружочка и длина насечек. Расчет простой: чем выше близорукость, тем меньше диаметр и тем длиннее лучи. По уже сделанным наметкам роговая оболочка глаза прорезается на глубину примерно три четверти миллиметра. Операция на одном глазу длится 5—10 минут. Когда шрамы зарубцуются и роговица станет более плоской, тогда и установится новая оптическая сила глаза. Это происходит на третий-четвертый день.

Для Наташи Будиной этот вариант не годился: слишком высока близорукость. И все-таки она обратилась за советом к профессору Федорову. Он внимательно осмотрел больную, ознакомился с результатами многочисленных измерений, сделанных с помощью современной аппаратуры, — длины глаза, толщины хрусталика, размеров передней камеры.

— Вы будете видеть вдаль без очков. — Святослав Николаевич немного помедлил и добавил: — Но для этого необходимы три операции. Сначала мы займемся левым глазом, он в худшем состоянии, остановим прогрессирование близорукости. Через три месяца — вторая операция. Есть надежда скинуть примерно 22 диоптрии. А когда этот глаз придет в норму, займемся вторым глазом, с ним дело проще: там нет прогрессирующей близорукости.

Операций Наташа не боялась.

Все что угодно — только бы видеть! Смущало другое: видеть без очков. Это при ее-то близорукости? Фантастика какая-то!

ИГРА В ЧЕТЫРЕ РУКИ

Сидя перед операционной, я сразу обратила внимание на очки этой девушки. Не очки, а целые телескопы.

В больнице симпатии возникают быстро. Мы разговорились, и Наташа — это была она — охотно рассказала о себе. Несколько лет назад она поступила на биофак. С ее зрением сдавать вступительные экзамены, учиться было очень трудно. Когда окончила университет, возникли новые сложности. По той же причине не брали в лабораторию, куда она так стремилась. Устроилась на другую работу, вышла замуж, родила дочь. Словом, жизнь шла своим ходом, все вроде бы налаживалось. Одно только плохо — она почти ничего не видела.

...В операционную мы входим вместе, как старые приятели. Наташа укладывается на приготовленное для нее ложе, я устраиваюсь справа от стола, откуда лучше видно.

Операционная сестра закрывает лицо Наташи белой простынкой с круглым окном для глаза. Хирург Нина Васильевна Кагермазова делает два обезболивающих укола.

Удивительно, как белая шапочка и маска меняют выражение лица. Все хирурги становятся похожими друг на друга. И при этом в их облике появляется какая-то значительность, сосредоточенность, отрешенность. Так сейчас и с Ниной Васильевной: больная — и она, ничего больше в этот момент не существует.

Чтобы остановить прогрессирующую близорукость высокой степени, надо укрепить задний отрезок глаза, ставший сильно растянутым и тонким. Укрепить — значит затянуть его как бы в корсет. По сути — идея простая. Но как и из чего сделать корсет? Нужен материал, не чужеродный глазу, такой, который приживается в нем. Наиболее подходящей оказалась лента, вырезанная из склеры умершего человека. Высушенная, законсервированная, она готова к новой службе. Смоченная водой, вновь эластичная, такая лента всегда под руками хирурга.

Прежде всего нужно добраться до мышц. Нина Васильевна делает разрез в конъюнктиве. Если представить глаз в виде циферблата, то, условно говоря, она начинает разрез на 12 часах, а потом ведет его вниз, к 6 часам. Как бы очерчивает полукруг. Даже без микроскопа видно, как движется инструмент по поверхности глазного яблока.

Теперь мышцы освобождены, сначала выделена верхняя наружная мышца, потом нижняя прямая и, наконец, нижняя косая. Особенно много времени уходит на обработку нижней косой мышцы. Она наиболее мощная и широкая. Впрочем, вся операция требует предельного внимания: не сдавить бы сосудисто-нервные образования глазного яблока, не задеть зрительный нерв...

Операция идет своим ходом. Под мышцу продергивается нитка, ее наматывают на специальный зажим. Один, два, три, четыре зажима. Такое впечатление, что на глаз надели «сбрую».

Пациентка не испытывает болевых ощущений, она даже переговаривается с хирургом. И вдруг неожиданное: «Мне плохо».

Как раз в этот момент ассистент натягивает «сбрую», чтобы дать возможность Нине Васильевне протолкнуть ленту под верхнюю наружную мышцу. Руки хирурга и руки ассистента действуют, не сталкиваясь и не мешая друг другу, это как слаженная игра в четыре руки.

Что делать? Остановить операцию нельзя, продолжать тоже опасно: вдруг Наташа потеряет сознание и, что самое худшее, дернется? Медсестра быстро вводит лекарство в вену, и уже через несколько секунд Наташа приходит в себя.

Операция продолжается. Вот уже последний ее этап — «вышивание», хирург зашивает конъюнктиву.

Через несколько месяцев лента приживется, образуется рубец соединительной ткани, он-то и будет укреплять заднюю стенку глаза, препятствуя развитию изменений в его сетчатке.

Наташа в кресле, ее везут в палату. Сейчас ей нужен сон.

ВИЖУ, ВИЖУ!..

На экране показан глаз, увеличенный примерно в пятьдесят раз. Смешной человечек, похожий на Буратино, подходит к нему и огромной пилой срезает верхушку роговицы. Затем он обтачивает ее на станке и возвращает на прежнее место. За несколько минут показа этой схемы уясняется идея операции кератомилеза. Чтобы уменьшить близорукость, надо утоньшить роговицу в центре и тем самым изменить ее кривизну.

Мы сидим в фотолаборатории клиники и смотрим цветной фильм, где та же операция показана более подробно. Ведет ее хирург Виктор Константинович Зуев. Впрочем, его не узнать: белая шапочка, маска, голова замотана марлей — необходимые условия стерильности операции.

Я пришла посмотреть, как Зуев оперирует Наташу. Перед тем как ее отвозили в палату, она успела мне сказать: «Видела вас, Наталья Павловна, видела отчетливо ваши глаза».

Операция кератомилеза не только по-своему красива, но и предельно лаконична. На специально подготовленный глаз устанавливают кольцо с высокой ручкой. В кольце — они бывают разные по диаметру и толщине — рельсы. Острое лезвие вставляется в аппарат, напоминающий электрическую машинку для стрижки волос, только уменьшенную раз в десять. Эта конструкция движется по рельсам кольца, срезая лезвием верхние слои роговицы глаза. Срезанная, она похожа на линзу — белая, прозрачная, диаметром 8 миллиметров и толщиной 0,4—0,5 миллиметра. Зуев укладывает срезанную роговицу в баночку. Значит, полдела сделано. Теперь — станок, к которому переходит Виктор Константинович. Глаз больного закрыт сейчас предохранительной синей крышечкой — по размеру его роговой оболочки.

Для уменьшения близорукости центральную часть роговицы предстоит утончить примерно на одну треть. Специальным инструментом с нее снимают (употребим привычный образ) струж-

ку. Чем выше близорукость, тем толще снимается стружка.

Затем, возвращая линзу — обработанную роговицу — на ее природное место, хирург, как бы приметывая, делает на воображаемом глазном циферблате четыре фиксирующих шва — на 3, 6, 9 и 12 часах, а затем шьет круговым, непрерывным швом, напоминающим мережки белошвеек. С той только разницей, что толщина ниток, равная 23 микронам, в три раза тоньше человеческого волоса. Шьет ювелирно, ровно, нигде не перетягивая...

НАТАША ЧИТАЕТ ЧЕТЫРЕ СТРОЧКИ

Сюда приезжают из разных городов страны. В регистратуре поликлиники не переставая звонит телефон. Около кабинетов больные почему-то не сидят, а стоят. Наверное, когда стоишь, кажется, будто твоя очередь подойдет быстрее. Зуев принимает в кабинете № 5. Это комната с затемненными окнами, с традиционной щелевой лампой офтальмологов. На стене хорошо всем знакомая доска с буквами — от больших плакатных до совсем крохотных, рядом столик с набором стекол.

В потоке больных люди разного возраста. Многих Зуев знает давно, называет их по имени, спрашивает о домашних делах.

Перед кабинетом двое мужчин о чем-то оживленно беседуют. Оба в темных очках. Тот, что повыше, — Александр Владимирович Овсянкин. Его собеседник — Владимир Павлович Барашков. Александр Владимирович не видел 20 лет. Стаж темноты Владимира Павловича много меньше— пять лет. У обоих как результат несчастного случая — ожог глаз. Ожоговые больные — одни из самых сложных. Но здесь исследованием установлено, что не повреждены ни зрительный нерв, ни сетчатка глаза. Как не попробовать! И Виктор Константинович решил использовать все возможности, которые дает современная офтальмология.

Александр Владимирович снимает очки. Глаз кажется немного странным. Нет привычной радужной оболочки, на месте зрачка черная бусинка. Это искусственный зрачок, кератопротез — пластмассовая трубочка с определенными диоптриями. И человек видит.

Вторая половина дня, больные идут не так густо. Пришла снимать швы Наташа Будина. Точно, уверенно действует Виктор Константинович. Наташа пересаживается поближе к доске: проверка зрения. Слышу, как она читает: ШБ, МНК. Первая, вторая строчки. Она умолкает, а мы ждем и волнуемся. Наконец Наташа продолжает. На счету четыре строчки. Результат хороший. Прошло два месяца, можно надеяться, что через какое-то время она будет видеть еще лучше.

После операции Наташа долго не могла привыкнуть, что из ее жизни ушел серый фон. Подчас ловила себя на том, что по-прежнему ходит осторожно и носит себя, как стеклянный сосуд. По-прежнему хотелось все потрогать и пощупать. Иногда казалось, что и операции, и выздоровление ей приснились. Тогда во сне она начинала кричать, звать на помощь. Теперь это случается все реже.

Коридоры опустели, закончился прием. Завтра наступит новый день, придут новые больные. Для них это будет надежда вновь обрести многокрасочный мир — и не с помощью чуда, а силой земной, мудрой и доброй науки.

Фото В. Усачева

ПОВТОРИТЬ ЖИВОЕ

Киевская студия научно-популярных фильмов широко известна своими интересными работами в области популяризации современных научных достижений. Среди них и фильм «Повторить живое?..» *. Он посвящен специфике исследований и первым успехам молодой науки — хемотроники, или жидкостной электроники. Рассказ о работе киевских кинематографистов, о новой науке начнем с некоторого отступления.

Мы привыкли к необыкновенным успехам кибернетики и вычислительной техники (уже обычными стали для нас обсуждения на научных симпозиумах проблем искусственного интеллекта или сообщения о роботах, предназначенных для сложных трудовых операций — вроде сборки часов или транзисторных приемников). Но вот беда — современные роботы пока лишены органов чувств в человеческом понимании этих слов. Они, конечно, воспринимают какие-то внешние сигналы — команды — и реагируют на них, но ни зрения, ни слуха, ни осязания, ни обоняния, ни, тем более, вкуса у них нет.

Уже более полувека исправно работают в автоматических датчиках фотоэлементы — аналоги одной ячейки фасеточного глаза насекомых, отличающие свет от тьмы. Известны и многие автоматические анализаторы, определяющие химический состав газов,— так называемые хроматографы, спектральные анализаторы и другие. Существует немало других приборов, реагирующих на изменение какого-либо одного определенного физического показателя — давления, скорости потока, высоты над уровнем моря и т. п. Однако всем этим устройствам еще далеко до органов чувств живых, даже простейших существ! Ведь при размерах в тысячи раз меньших, чем у искусственных приборов, органы чувств живых существ в тысячи раз чувствительнее. Они неизмеримо специфичнее, избирательнее искусственных датчиков опознают мельчайшую примесь вредного вещества на фоне огромного разнообразия других примесей, обнаруживают «химический след», не отличимый никакими приборами. Наконец, органы чувств живых существ производят так называемую первичную обработку информации: посылают в нервную систему, например в мозг, только необходимые сигналы, отфильтровывают огромное количество ненужных организму сигналов, обычно постоянно поступающих на входы чувствительных элементов.

Это природное свойство имеет первостепенную важность, без него мозг был бы захлестнут волной бесполезной работы, быстро истощившей все его жизненные ресурсы.

Замечательные свойства этих живых «датчиков» можно выразить тремя словами: **высочайшая избирательная чувствительность.**

Вот эта уникальность и дает нередко основание защитникам религии утверждать божественное происхождение живой природы, ее неповторимость, непознаваемость. Однако именно здесь развитие науки в последнее время на-

* Автор сценария А. Ткаченко, научный консультант член-корреспондент АН СССР Н. Лидоренко, режиссер В. Скворцов, оператор Р. Галинский. Киевнаучфильм, 1976 г.

носит довольно чувствительный удар по утверждениям современных теологов. Наука уже доказала теоретически возможность повторения живого искусственным путем. И сегодня ученые мечтают уже на практике наделить искусственных помощников человека—роботов, вычислительные машины и другие кибернетические устройства — органами чувств. Хотя бы отдаленно похожими на живые! Это сейчас одна из главных задач науки. За ее решение взялись представители самых разных областей знания — физики, химии, математики, биологии, электроники, механики, медицины, даже лингвистики. И уже есть некоторые успехи.

Поиск идет широким фронтом. Серьезный вклад в него внесла хемотроника, или жидкостная электроника. Откуда такое название? Дело в том, что эта молодая наука ведет свой поиск на перекрестке электроники и химии жидких ионопроводящих сред, пытаясь позаимствовать у живой природы некоторые ее «патенты».

Почему именно хемотронике удалось сказать новое слово в столь трудной и важной области? Потому что она с первых шагов пошла по пути, избранному самой природой на заре эволюции, — по пути объединения химических и электрических процессов преобразования энергии и информации на границах фаз. Вот об этом триединстве — энергии, информации, фазовых границах, об использовании их в практике человека рассказывает фильм. Чтобы понять, о чем речь, остановимся подробнее на самих «триединствах».

Науке сегодня известны четыре основных типа взаимодействий в природе. Гравитационное — управляет некоторыми видами движения в Космосе, в галактиках, на звездах, движением планет. Электромагнитное, по существу, ответственно за все разнообразие атомов и молекул, за химию газов, жидкостей, твердых тел, в частности за жизнь во всех ее видах. Есть так называемое сильное взаимодействие, работающее внутри атомных ядер и элементарных частиц, и слабое, «ответственное» за радиоактивный бета-распад и некоторые другие процессы.

Как известно, на Земле гравитация играла и играет важную роль в эволюции нашей планеты; без тяготения, например, не было бы у нас ни атмосферы, ни морей, ни океанов. Но в первую очередь вся эволюция обязана электромагнитным взаимодействиям. Ведь, в конечном счете, вся химия — это их проявление на уровне атомов, молекул, ионов и электронов. Сегодня ученые все больше убеждаются: и живая природа буквально на все 100 процентов использует великие преимущества своего электромагнитного происхождения — величайшую скорость, величайшую точность и величайшее разнообразие. А ведь любой микроскопический электромагнитный процесс может быть использован для получения макроскопического электромагнитного процесса — взаимного преобразования видов энергии друг в друга: химической в электрическую и обратно, механической в химическую, механической — в электрическую, световой (то есть энергии электромагнитного поля) — в химическую, электростатическую...

В стоматологическом кабинете идет обследование больного с помощью хемотронного измерителя биопотенциалов.

Прибор, который «дышит» растворенным в воде кислородом.

Перед спуском для установки прибора.

Где осуществляются такие преобразования? В подавляющем большинстве случаев на границах фаз: твердых и жидких, двух несмешивающихся жидких, студнеобразных и жидких, — короче, на фазовых границах. Именно тут в живой природе создаются наиболее благоприятные условия для быстрого протекания высокоспецифичных процессов благодаря наличию разнообразных природных катализаторов — ферментов. Ферментативный катализ — основа всех жизненных процессов. В результате его осуществления и регулируются химические и электрические процессы во всем живом на Земле.

А что же такое сами ферменты? Это гигантские макромолекулы, молекулярный вес которых достигает сотен тысяч и миллионов единиц. Но ведь тогда их поверхность не столь уж сильно отличается от поверхности раздела фаз, без которых, как мы уже знаем, живой природе не обойтись. Любой процесс, происходящий на их границе, извещает каждую фазу обо всех происходящих здесь изменениях, а стало быть, и об изменениях в соседней фазе.

Теперь — о самом фильме.

Вот с экрана уплывает полупрозрачная голубоватая медуза. Моряки знают: если медузы уходят в открытое море, быть шторму. Органы чувств медузы улавливают малейшие колебания давления, сопровождающие еще очень далекую бурю. А вот творение рук человека: аквалангист опускает в море хемотронный датчик микроколебаний давления. Его чувствительность уже сегодня соперничает с прославленными медузами — из морской глубины он подаст сигнал о надвигающемся шторме с точностью, не уступающей их органам чувств.

Мы видим, как действует хемотронный датчик примеси газа — его «способности» рекордны, живая природа здесь даже отстает. В лабораториях разрабатывают хемотронные зонды для измерения полей биопотенциалов. Они отличаются тем, что практически не вносят никаких изменений в среду, где проводят измерения. Это очень важное обстоятельство — любое постороннее тело вызывает реакцию организма и вместо нужных нам сведений, скажем о состоянии данной клетки или ткани, мы получим нечто другое — реакцию среды на чужеродного пришельца. Когда с помощью хемотронных зондов измерили поле потенциалов в полости рта, оказалось, что новый метод дает информацию о ранних стадиях заболевания, это позволило стоматологам своевременно принимать меры.

Хемотронные зонды успешно применяются и в изучении такой животрепещущей проблемы медицины, как тромбообразование в кровеносных сосудах человека. Кадры фильма рассказывают, как измеряется поле потенциалов живого, работающего сосуда — артерии, вены. Зрители видят также набор хемотронных преобразователей — интеграторов блуждающих токов, предназначенных для удлинения срока службы рельсов, трубопроводов, для предотвращения коррозии, гибели металлов.

Над цветком кружит пчела, она безошибочно находит нектар, руководствуясь не только особенностями цветка, но и малейшим изменением влажности воздуха внутри него самого. А рукотворный хемотронный мембранный датчик влажности воздуха отзывается на слабый человеческий выдох резким отклонением стрелки прибора и способен почувствовать разницу во влажности не хуже, чем сама пчела. Или другой пример: наподобие рыбы, дышащей жабрами, создан прибор, чутко отмечающий малейшее изменение концентрации кислорода в воде.

Кинематографисты приоткрыли нам дверь в хемотронику — в новую науку, помогающую искусственно воспроизводить некоторые функции живых органов. Сделали они это не только изобретательно, но и так, что зритель убеждается: непознаваемого, сверхъестественного в мире нет и быть не может. Человеческое познание способно проникать в самые, казалось бы, непостижимые тайны природы.

Ю. ЗИМИН,
доктор технических наук

ЦВЕТОК МОРФЕЯ

В. АСТАХОВА

Рисунки Р. Авотина.

КОГДА-ТО на побережье Черного моря появился дивный цветок: алый, с трепещущими, тонкими, как папиросная бумага, лепестками, сизовато-зелеными, словно изрезанными листьями. Когда цветок сбрасывал лепестки, на конце стебля оказывалась коробочка, напоминавшая собой человеческую голову...

Постепенно, через греческие и римские колонии, мак расселился и по северным странам. Назван он по имени города Мекона, откуда был впервые привезен. Греки же предпочитали называть его «коденион» — голова — и посвятили нескольким богам. Братья: Гипнос — бог сна и Танатос — бог смерти изображались не иначе, как с венками из цветков мака. Одевалась в гирлянды из маковых цветов и богиня ночи Нюкта. И римляне жилище своего бога сновидений Морфея тоже засеяли маками: прикосновением этого цветка бог навевал приятные грезы.

А сколько легенд слагали о маке другие народы! Ведь цвет лепестков так схож с цветом крови...

Некогда во Франции праздновался день прекращения военных действий — День мака. «В полях Фландрии между крестами красные маки цветут рядами...» — писал английский поэт Маккрэ. После сражения при Нёрдлингене (1634 г.) — одного из самых кровопролитных в 30-летней войне в Германии — все поле битвы на следующий год покрылось множеством алых маков. Это породило рассказы о чуде, будто земля возвратила умерших. Рассказывали, что и у Ватерлоо земля тоже алела маками.

Мак — одно из древнейших растений, культивировавшихся человеком. Находки археологов на территории Швейцарии свидетельствуют, что еще люди каменного века употребляли в пищу его семена. У вавилонян и ассирийцев мак служил возбуждающим средством, у древних египтян — успокаивающим.

Недаром этому растению еще в древности уделяли внимание столь многие ученые и поэты. Гомер писал о том, что Елена Прекрасная облегчала страдания воинов, раненных во время Троянской войны, маковым соком. Теофраст, которого называют отцом ботаники, дал весьма четкое описание мака, а о его целебных свойствах сказал, что это... хорошее слабительное. Гиппократ говорил, что маковый сок может служить питательным и укрепляющим средством. Вергилий назвал мак «lathean» — «дающий забвение». Диоскорид же предупреждал, что сок мака может убить, если его выпить слишком много.

Статьи этого цикла см. в № 7 за 1975 г., в № 5, 9 за 1976 г., в № 9 за 1977 г.

В древних медицинских рукописях маковый сок упоминается как напиток, погружающий человека в сон на время хирургических операций. В средние века лекарства из мака приобрели столь большое значение, что Карл Великий (742—814 гг.) приказал крестьянам выращивать его в каждом саду. При сборе податей с их дворов взимали по четверику мака. Из-за этого участились случаи отравлений, и в XVI веке появилась первая предостерегающая книга ботаника и врача Табернемонтануса (Якоба Теодоруса) — «Сок маковых семян», в которой говорилось об опасности чрезмерного его употребления.

Читающих эти строки, видимо, сопровождают устойчивые ассоциации: цветки, алеющие среди колосьев ржи, на грядках в палисадниках, букетики, завернутые в целлофан... Но не о том маке сейчас идет речь. То мак полукультурный, а мы говорим о маке снотворном. Его ботаническое название — Papaver somniferum (семейство маковых), плод — многосемянная, не открывающаяся после созревания семян коробочка (у полукультурных самосеек коробочки открываются). Окраска цветка мака снотворного бывает не только алой, но и белой, слегка розоватой, пурпурной, светло-фиолетовой или ярко-красной с темно-фиолетовым или темно-красным пятном при основании.

Ядовит белый млечный сок мака, которого нет в зрелых семенах. Но стоит им прорасти, как уже через несколько дней после появления корешка на его срезе в микроскоп видны вытянутые клетки с зернистым содержимым, из которых несколько позже разовьются млечники и пронижут все растение. Больше всего их будет в завязи цветка, а потом — в незрелых коробочках. В зрелых, пожелтевших и сухих коробочках сока нет. Из сочных и зеленых коробочек сок при надрезе вытекает, густеет и застывает на их поверхности, коричневея на воздухе. Это и есть опиум. Морфин — важнейший алкалоид опиума, появляется в его млечном соке лишь на 30—35-й день после всходов. Количество его постепенно нарастает, особенно в сухую и теплую погоду. Ученые заметили, что дождь и роса могут вымывать алкалоиды из растений.

Как известно, морфин может вызвать тяжелейшую морфиноманию, ведущую к распаду личности и смерти. Как это происходит? Об этом с мрачным юмором говорится в старой индийской легенде.

Давным-давно в Индии, на берегу Ганга, жил бенгальский пророк. У него была любимая мышка, которую он превратил в кошку из страха, что какая-нибудь кошка может ее съесть. Кошка затем превращалась в целый ряд других животных — собаку, кабана, обезьяну, чтобы каждый раз она могла удрать от враждебного ей животного. На-

конец, она была превращена в царственную принцессу Маковое семя, в которую влюбился король. Король женился на ней, но принцесса вскоре погибла, свалившись в колодец, когда поливала растения в своем саду. Тогда пророк засыпал колодец землей, и там вырос мак. Пророк сказал, что те, кто станет употреблять опиум, будут иметь качества животных, в которых превращалась мышь. Вначале они будут резвыми и игривыми, как она, затем — любящими молоко, как кошка, дерущимися, как собака, яростными, как кабан, кривляющимися, как обезьяна, величественными, как королева, но кончат свою жизнь падением на самое дно. Так оно и бывает с морфинистами.

Существует ошибочное мнение, что морфиномания распространилась по всему миру из Китая. В XVII веке в Китае было запрещено курение табака, и многие люди начали курить опиум. Тысячи его ящиков стали поступать в Китай на кораблях под флагами разных стран. Вскоре император Юнг-Чанг запретил продажу и курение опиума, но было уже поздно. Британские колонии, в частности Индия, продолжали поставлять опиум в Китай, несмотря на запрет, так как там он пользовался громадным спросом. Правительство Китая оказало сопротивление Англии, и началась «опиумная» война (1840—1842 гг.). Окончилась она тем, что Китай был вынужден согласиться на легальный импорт опиума. Но употребление опиума в качестве наркотика впервые появилось не в Китае, а в Древнем Египте, позже — у арабов. Основными поставщиками его на мировом рынке были Индия, Иран и Турция, а с 1853 года — уже и Китай. В царскую Россию опиум ввозили из Турции. И в Турции, и в Иране его ели в виде маленьких шариков (от 0,05 до 0,1 г), которые хранили в специальных коробочках. Опиум уменьшает ощущение голода, поэтому больше всего его применяли во время поста рамазан, когда есть и пить разрешается только ночью. В течение дня постившиеся спасались от голода пилюлями опиума, употребляя их иногда до 3 граммов в сутки. Это нередко приводило не только к наркомании, но и к хроническим отравлениям.

С начала XIX века опиум все чаще упоминают в западноевропейской литературе. Уже в 1821 году английский писатель Томас де Квинси в своей книге «Исповедь англичанина, употребляющего опиум» концентрирует внимание на опасности привыкания к этому наркотику. Он подробно описывает, как создавалась и развивалась его злосчастная привычка, какое мертвящее действие на умственную деятельность, психику оказывает в итоге недолгое блаженство опьянения.

В наше время наркомания — одна из самых распространенных язв капиталистического общества. Масштабы подпольной торговли наркотиками, распространение наркомании приобрели там зловещие размеры. Стремление как-то уйти от страшной действительности капиталистического мира, от стрессов повседневной жизни, страха безработицы и т. п. осуществляется таким вот пассивным, пагубным для человека способом. И недаром классическое определение Маркса — «Религия есть опиум народа» — содержит именно это сравнение.

ИНТЕРПРЕССФОТО 77

Неограниченна потребность людей в общении, в обмене сокровенными мыслями, чувствами, переживаниями. Фотографии — подлинные документы жизни, и, может быть, это объясняет необычайный интерес людей к проходившей в Москве выставке Интерпрессфото-77.

1200 мгновенных отпечатков человеческого бытия, человеческой веры, любви и надежды. 1200 свидетельств радости и горя, побед и поражений, жизнь, отраженная без прикрас и рассказанная языком высокого искусства. Внимательный взгляд в прошлое, настоящее и будущее людей разных стран и убеждений.

Для всех людей во всем мире есть непреходящие темы, вечные проявления жизни — стремительная юность и мудрая старость, ожидание ребенка и счастье матери, мир детской простоты — все то, во имя чего люди всех стран протягивают друг другу руки в борьбе за мир и взаимопонимание, за гуманизм и социальный прогресс. Таков девиз этой выставки.

Предлагаем вниманию читателей фотографии с этой выставки, посвященные женщинам.

Л. Устинов. День Победы.

Н. Свиридова. Дм. Воздвиженский. Темперамент.

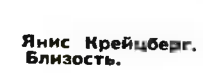
Манфред Шольц. ФРГ. Борьба за права человека в ФРГ.

Петер - Хайнц Юнге. ГДР. Семинратное счастье рабочей семьи.

В. Якобсон. Народная сказительница Анисья Ватчиева.

Н. Свиридова. Дм. Воздвиженский. Хорошее настроение.

Л. Ассанов. Восемнадцать лет.



Янис Крейцберг. Близость.

Барна Денис. Венгрия. Я устала.

Б. Кавашкин. В музее.

В. Сварчевский. Народный скульптор Хамро Рахимова.

Ю. Куйдин. Медсестра.

Л. Балодис. После концерта.

АДВЕНТИСТЫ И АДВЕНТИЗМ

Они называют себя адвентистами (от латинского «адвентус» — «пришествие»), самим названием подчеркивая, что суть их вероучения составляет вера в пришествие Иисуса Христа. Но, в отличие от приверженцев других христианских течений, они убеждены в том, что второе пришествие сына божьего на землю состоится не в отдаленном будущем, а в самые ближайшие времена, и постоянно готовятся к встрече Христа, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох.

Однако вера в близкое второе пришествие лишь отправная точка, от которой ведет свое начало очень тонкая и гибкая система духовного воздействия на людей. И именно она помогает адвентизму даже в условиях кризиса религии в известной степени сохранять позиции и даже расширять свои ряды в некоторых странах мира.

В нашей стране имеются последователи наиболее значительного течения в адвентизме — так называемые адвентисты седьмого дня. Вместе с тем сохраняются и локальные группы адвентистов-реформистов. Атеистическая работа среди приверженцев этих направлений имеет свою специфику и в первую очередь требует знания особенностей их веры, тех подчас противоречивых процессов, которые протекают сегодня в общинах адвентизма. Именно эту цель преследуют публикуемые материалы, которые, как мы думаем, дадут возможность читателям в какой-то степени составить представление о сегодняшнем дне адвентизма.

В молитвенном доме адвентистов седьмого дня звучит проповедь. Проповедник, ссылаясь на «священные» тексты, говорит о близком втором пришествии Иисуса Христа, о различных «знамениях», свидетельствующих о том, что близки страшный суд и конец мира, о тысячелетнем царстве на небе, куда будут взяты те, кто уверовал во второе пришествие и посвятил свою жизнь подготовке к нему. Верующие внимательно слушают. Ведь именно эти «истины» легли в основу их взглядов, их жизни, их дел.

Не раз и не два идеологи адвентизма назначали «точные» даты второго пришествия Христа и призывали готовиться к ним. Пророчества терпели крах, и это, казалось бы, должно было убедить приверженцев этой веры в ее несостоятельности. Но всякий раз адвентизм, пережив тяжелые потрясения, вновь обретал последователей, веривших несмотря ни на что в то, что пророчества рано или поздно сбудутся.

21 марта 1843 года. Многие тысячи жителей Северо-Американских Соединенных Штатов встречали этот день с трепетом. Они посвятили годы подготовке к тому, чтобы стать свидетелями второго пришествия и вознестись вместе с Иисусом Христом в тысячелетнее царство божье. Многие распрощались с близкими, облачились в белые одежды, поднялись на вершины холмов и гор, чтобы первыми встретить приход Христа. Но не раздался звук трубы архангела. Пришествие не состоялось.

В истории было много пророчеств о втором пришествии. В разных странах появлялись люди, назначавшие время страшного суда и конца мира. Но, пожалуй, впервые родившийся на североамериканской земле «пророк» сумел увлечь верующих не даром красноречия или эмоциональным накалом, а претендующей на научность схемой выводов из «священных» текстов, выводов, которые казались убедительными.

Основатель адвентизма, небогатый фермер Вильям Миллер, проповедник баптистской общины, обуреваемый идеей обнаружить в Библии указание на время второго пришествия, после многолетнего тщательного ее изучения решил, что нашел его в главе восьмой книги пророка Даниила и, прежде всего, в упоминании о том, что святилище очистится через «две тысячи триста вечеров и утр» (ст. 14). Посчитав, что здесь подразумевается, будто второе пришествие состоится через 2300 лет, Миллер должен был найти лишь точку

отсчета. И он якобы нашел ее. «Вникнув в смысл» пророчеств Даниила, он повел отсчет от 457 года до нашей эры, когда персидский царь Артаксеркс дал разрешение на возобновление богослужений в Иерусалимском храме. В результате выходило, что второе пришествие Христа должно произойти в 1843 году.

Не будем подробно останавливаться на расчетах Миллера, на весьма произвольном толковании библейских текстов и нарушений правил элементарной логики. Это уже сделано в нашей литературе[1]. Но многим американцам в ту пору расчеты Миллера казались подлинным открытием. Его призыв нести повсюду спасительную весть был подхвачен множеством верующих.

Пророчество Миллера нашло отзвук среди тех слоев населения, которые особенно остро ощущали неуверенность в эпоху бурного развития капиталистического способа производства, сопровождавшегося усилением эксплуатации, кризисами перепроизводства, разорением мелкой буржуазии. Небогатые фермеры, ремесленники, торговцы, не имевшие возможности разобраться в происходящем, понять причины промышленного переворота, несшего неисчислимые страдания миллионам людей, живо восприняли проповедь о близком конце света и грядущем тысячелетнем царстве; они увидели в нем возможность избавления от земных бедствий.

В тот период учение о близком втором пришествии еще не обрело четких форм, не было и речи о создании какой-то определенной организации. Движение миллеритов первоначально протекало в недрах ранее существовавших религиозных общин. Да и о более или менее логически стройном вероучении не было речи. Религиозный порыв полностью покоился на пророчестве Миллера и тех знамениях второго пришествия, которые в устах «пророка» выглядели убедительными для его приверженцев.

Естественно, ожидания оказались напрасными. Второе пришествие не состоялось ни 21 марта 1843 года, как предсказывал Миллер, ни в последующие годы, хотя идеологи движения несколько раз вносили поправки в расчеты. Они никак не хотели признаться в ошибочности своих предсказаний. Была выдвинута версия, будто второе пришествие все-таки... состоялось. Но Христос пока явился для того, чтобы прежде всего очистить небесное святилище, после чего он прибудет на землю, дабы очистить святилище земное.

Однако снять горечь разочарования у людей, поверивших Миллеру, было уже невозможно. Большинство из них порвало с движением, в недрах которого выделилось несколько течений, по-разному толковавших библейское предсказание второго пришествия. Одно из этих течений связано с именем Елены Уайт. По сути дела, она и явилась создательницей и идеологом церкви адвентистов седьмого дня.

Елена Уайт (урожденная Гасмон) была женой одного из ярых приверженцев миллеризма. Выступив с проповедью своих идей, она прежде всего позаботилась о том, чтобы для верующих они звучали не как ее собственное изобретение, а как свидетельство божественного откровения. По ее словам, все, что она говорила, было внушено ей во время постоянно возникавших у нее видений и являлось таким образом словом божьим, переданным людям через свою избранницу.

Любопытно, что видения Елены Уайт неоднократно были предметом полемики даже в адвентистской среде. Чтобы убедить верующих в том, что это действительно знамения свыше, последователи пророчицы несколько раз публиковали заключения медиков, наблюдавших за ней во время ее экстатических состояний. Медики приходили к выводу, что «причина этих видений божественная».

Однако кое-кто из непредубежденных лиц пытался объективно оценить эти заключения. В частности, в изданной около двух десятилетий назад в Штутгарте книге западногерманского автора Курта Хюттена «Провидцы, мечтатели, энтузиасты» прямо ставится вопрос: «Была ли Елена Уайт пророчицей?» Автор, серьезно анализируя многочисленные свидетельства нейтральных наблюдателей и ее собственные сочинения, отмечает, что все заключения о «божественном характере» видений Елены Уайт, как правило, делались комиссиями, составленными из тенденциозно подобранных лиц. Кроме того, видения, которые пророчица описывала в своих сочинениях, при переиздании этих сочинений постоянно изменялись, а некоторые просто изымались из текстов по мере того, как эволюционировали взгляды и представления самой Уайт.

Но, пожалуй, наиболее весомо то, что Хюттену удалось уличить пророчицу в плагиате. Ряд ее видений попросту заимствован из сочинений других авторов. А ведь она писала верующим: «Если я вам посылаю свидетельства, предупреждения и указания, то многие из вас их расценивают как мнение сестры Уайт, тем самым вы оскорбляете дух божий. Вы знаете, что господь открывает себя через дух прорицаний, и я смогла видеть прошлое, настоящее, будущее».

Однако как согласовать это с тем, что в ее книгах «Патриархи и пророки», «Жизнь Павла», да и в других писаниях буквально десятки мест переписаны из чужих сочинений?

Можно предположить, что психически неуравновешенная, мистически настроенная женщина действительно впадала в экстатическое состояние, сопровождавшееся галлюцинациями религиозного содержания. И на эти галлюцинации, воспринимаемые адвентистами седьмого дня как «божественные указания», они и поныне ссылаются в своих предписаниях, так же как на Библию.

Елена Уайт — духовный вождь адвентистов седьмого дня — стала основательницей этой церкви (которая формально ведет свое начало с 1863 года), хотя сама никогда не занимала в ней какого-либо официального положения. Она сформулировала основные принципы вероучения, положила начало широкой миссионерской, а также издательской деятельности. Название «адвентисты седьмого дня» впервые было принято на съезде субботствующих адвентистов в Бетль-Крике (США) в 1860 году. А в мае 1863 года в этом же городе открылась первая Генеральная конференция адвентистов, выработавшая устав церкви и ее организационную структуру.

Адвентизм в короткое время получил сравнительно широкое распространение — прежде всего в результате активной миссионерской работы. В разные страны мира были направлены проповедники нести спасительную весть «всем народам и языкам». Создается сеть организаций с явной целью превратить адвентизм в международную церковь. Уже в конце прошлого века адвентисты седьмого дня распространяли свою литературу на 91 языке. В то же время появляются адвентистские миссионеры в России, вначале в немецких поселениях на юге страны, а затем и в других местах. Их проповедь пользуется успехом в крестьянской среде, прежде всего у бедноты, связавшей учение о близком втором пришествии со своими чаяниями на избавление от нищеты, тяжкого подневольного труда, невыносимого существования. Характерно, что в адвентистские общины устремляются главным образом приверженцы православия, в глазах которых русская православная церковь — верная прислужница самодержавия. Среди адвентистов седьмого дня в России в 1912 году выходцы из православия составляли 64 процента. Уместно в данном случае вспомнить слова В. И. Ленина: «Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс»[2].

Современные адвентистские авторы, воскрешая страницы истории своего течения в России, акцентируют внимание на преследованиях, которым подвергались первые миссионеры со стороны самодержавия. Такие случаи действительно были. Это объяснялось в первую очередь тем, что господствовавшая в то время русская православная церковь не терпела соперничества в своем влиянии на умы людей. Враждебно восприняла она и адвентизм.

Руководители адвентистских общин стремились заверить самодержавие в своей лояльности. И когда в апреле 1905 года царизм вынужден был разрешить свободный переход из православной веры в «инославные», среди тех объединений, которые признавались лояльными к государственной власти, были названы и адвентисты седьмого дня. Характерно, что в циркуляре всем губернаторам Российской империи министр внутренних дел Столыпин отмечал: «Учение адвентистов представляется сходным с учением баптистов и может быть рассматриваемо как один из видов последнего, а так как баптистам... разрешено свободно исповедовать их вероучение, то нет достаточных оснований к отказу в том же и адвентистам».

Таким образом, утверждения о конфликтах адвентистов седьмого дня с самодержавной властью явно преувеличены. А вот то, что руководители адвентистских общин не раз выражали верноподданнические чувства государю императору, что некоторые из них враждебно, а другие — настороженно встретили Октябрьскую революцию, — это

[1] См.: Э. Бартошевич и Е. Борисоглебский. Они ждут конца мира. М., 1963; А. Белов. Адвентизм. М., 1973.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 21.

факты, о которых нынешние историки адвентизма предпочитают умалчивать.

Время внесло серьезные коррективы и в политическую ориентацию адвентистов седьмого дня, и в их социальную доктрину, заставило пересмотреть некоторые догматические установки. Все это прошло небезболезненно. В среде адвентистских идеологов были страстные споры, жаркая полемика, столкновение различных точек зрения на те или иные проблемы. На V съезде адвентистов седьмого дня, проходившем в 1924 году и провозгласившем в качестве основополагающего принципа политической ориентации лояльность по отношению к Советской власти, произошел раскол. Часть членов объединения не приняла эту позицию и отделилась, предприняв попытку создать собственную организацию с экстремистской ориентацией. Они примкнули к течению так называемых адвентистов-реформистов, возникшему во время первой мировой войны в Германии и составившему оппозицию объединению адвентистов седьмого дня.

Явление это в общем обычное для объединений сектантского типа. Обусловлено оно было неуверенностью, различным отношением разных социальных групп в религиозных общинах к Советской власти, поисками способов сохранить и упрочить свое положение. Подобные процессы происходили и в баптизме, и в евангелизме.

Следует признать, что значительная часть руководства объединения адвентистов седьмого дня сумела реалистично оценить положение и даже попытаться использовать его в целях активизации миссионерской деятельности. Один из видных деятелей адвентизма писал в первом номере «Голоса истины» за 1925 год: «В наши дни, после Великой русской революции, когда исчезла многовековая история ссылок, преследований за религиозные убеждения, наш народ освободился из подполья, угнетенного состояния теперь более, чем когда-либо, своевременно и нам совершить духовный сдвиг в деле проповеди троекратной ангельской вести по обширному СССР».

Естественно, в условиях социализма адвентизм переживает кризис. Это сказывается в первую очередь в размывании традиционных религиозных представлений, в значительном изменении психологии верующих. В их сознании все больше места занимает «мирское» и ослабевает «божественное». И хотя в мире наблюдается численный рост членов этого объединения, в основном опять-таки за счет чрезвычайно активной миссионерской работы, перед Всемирным союзом адвентистов седьмого дня стоит много трудных проблем.

В условиях общего кризиса религии, повсеместного падения религиозности даже адвентизму с его гибкостью, утонченными методами духовного влияния на людей приходится постоянно изыскивать новые приемы, дабы поддерживать у своих приверженцев огонек веры. Все это вызывает озабоченность у руководства церкви, принуждает к активности.

У нас в стране адвентистов седьмого дня сравнительно немного. Внешне современное адвентистское вероучение сохраняет все свои основные, традиционно сложившиеся черты. Это вера в тысячелетнее царство Христа, в его суд над живыми и мертвыми. Это убежденность в том, что адвентисты избраны богом для возвещения спасительной вести во всех уголках земного шара. Это вера в необходимость внутреннего обновления для того, чтобы заслужить право войти в тысячелетнее царство, что в первую очередь связано с неукоснительным соблюдением заповедей господних. Не случайно адвентистские проповедники постоянно напоминают верующим евангельское изречение: «Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди» (Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 17).

Специфическим для адвентизма является учение о смертности души, которое как будто не вяжется с общехристианскими представлениями. Но своеобразное толкование догмата о душе отнюдь не затрагивает веры в загробную жизнь. Отрицая бессмертие души, адвентистские идеологи не упускают случая подчеркнуть, что это, дескать, согласуется с последними данными науки. Сама смерть, в их понимании, это как бы «сон без сознания». И по «оживляющему зову Иисуса» душа пробудится от этого сна.

Такое толкование — лишь своеобразная интерпретация ортодоксального христианского представления о душе. Но оно дает идеологам адвентизма возможность отрицать культ святых, являющихся будто бы небесными заступниками людей. С молитвами можно обращаться лишь к богу, он один способен их услышать.

Характерная особенность адвентистов седьмого дня — требование непременного исполнения четвертой заповеди, которую они считают главной. Елена Уайт в своем труде «Свидетельство для общины» писала: «Из десяти заповедей только четвертая заповедь имеет печать великого законодателя, творца неба и земли. Тот, который послушен этой заповеди, берет на себя имя бога и уверен таким образом во всех благословениях, которые ему это имя приносит». Четвертая заповедь требует святить день субботний. Адвентисты и считают его, а не воскресенье «святым» днем.

Вопрос как будто в принципе несущественный. Однако идеологи адвентизма возвели его чуть ли не в высший принцип. Выступая как ревнители первоначального христианства, они потребовали восстановить и ветхозаветные традиции, избрав одним из объектов борьбы с «отступниками» четвертую заповедь и подчеркивая тем самым еще раз свою «богоизбранность».

На практике субботний день используется для усиления «молитвенного труда». Этот день, требуют проповедники адвентизма, следует посвящать только богу. В общинах проводятся молитвенные собрания, «разбирается слово божье», что принимает часто характер библейского урока. Субботу верующим рекомендуется начинать и заканчивать молитвой, обращаться к библейским текстам. А так как в году 52 субботы, то значит 52 дня, помимо прочих, служат всемерному укреплению религиозности людей. Ну и нельзя не обратить внимания на то, что соблюдение четвертой заповеди подчас приводит верующих к нарушению их гражданских обязанностей. Некоторые из них, не считаясь ни с чем, не выходят в этот день на работу. А все потому, что религиозные обязанности они ставят выше гражданских.

Еще одна особенность адвентистов седьмого дня — плата верующими десятины (десятой части всех доходов) в церковную кассу. И это, конечно, обосновывается ветхозаветным обычаем, в частности ссылкой на то, как Аврам, возвращаясь после победы над четырьмя царями, передал священнику бога всевышнего Мелхиседеку «десятую часть из всего» (книга Бытие, гл. 14, ст. 19—20). Десятина приносит адвентистской церкви немалые доходы. По данным 52-й Генеральной конференции адвентистов седьмого дня, в 1974 году она составила во всемирном масштабе 211 436 464 доллара.

Обрядность адвентизма хотя и значительно упрощена по сравнению с католической и православной (как и в других протестантских течениях), но тем не менее играет весьма значительную роль. В адвентизме не признаются монашество, поклонение мощам, реликвиям, многие христианские обряды и таинства. Сохранились лишь крещение и причащение, но толкуются они как обряды.

Крещение совершается не над младенцами, а над людьми, достигшими совершеннолетия и «испытанными церковью». Причащение совершается четыре раза в год как обряд «святого хлебопреломления». Перед этим верующие омывают друг другу ноги. Этот акт подчеркивает равенство всех перед богом, так сказать демократичность адвентистской церкви.

Культ адвентистов седьмого дня тщательно разработан. Генеральной конференцией в 1932 году установлен порядок субботних богослужений. В последующие годы разрабатывались другие ритуалы, которые рассматриваются как важнейший элемент в духовном и эмоциональном влиянии на верующих. Разумеется, в каждой стране в адвентистских общинах в общий порядок богослужения вносятся определенные коррективы в зависимости от конкретных условий.

Особого внимания заслуживает учение о внутреннем обновлении. Это адвентистская интерпретация христианского представления о самосовершенствовании с дополнением требования непрерывно молиться, возрастать в вере, подавлять возникающие сомнения, каяться, «приближаться к Христу». Еще не столь давно руководители адвентистских общин требовали «самопожертвования», под которым понимали отказ от «мирских соблазнов». В «Молитвеных чтениях» на 1961 год можно было найти такие строки: «Ежедневно изгоняйте из своего сердца все мирское!.. Приготовьтесь к суду, чтобы, когда он придет и все верующие преклонятся перед ним, вы также могли быть среди тех, которые встретят его».

В «Молитвенных чтениях» последних лет столь откровенных призывов нет. Жизнь меняется изо дня в день. Иными становятся и верующие: они не могут изолироваться от общества, полностью замкнуться в узком мирке сугубо религиозных переживаний. Это вынуждает современных проповедников адвентизма искать другие слова, иной подход к верующим. В «Молитвенных чтениях» на 1976 год можно прочитать следующее: «Будем молиться о том, чтобы мы могли вести правильный образ жизни и

быть истинными христианами, достойными членами общества и верными гражданами своей страны — своей земной отчизны».

Постоянно подчеркивая, что пришествие Христа близко, проповедники призывают верующих использовать оставшееся время для подготовки к встрече «спасителя человечества». «Адвентистская весть, — заявляют они, — призывает людей приготовиться к грядущим событиям, исправить свой характер и упорядочить свою жизнь в соответствии с библейскими принципами и с волей божьей. Эта весть дает нам также уверенность и непоколебимую надежду на вечную жизнь в царстве небесном».

Духовные пастыри постоянно настаивают на необходимости всецело отдаться богу, посвящать ему все свои стремления и помыслы, задуматься в «последние дни», ибо можно лишиться тысячелетнего царства.

Но вряд ли одни поучения и наставления принесли бы идеологам адвентизма то, чего им зачастую удается добиться. Существенную роль играет здесь система духовного влияния на людей, которую используют адвентисты седьмого дня.

Например, так называемая «санитарная реформа». Адвентисты открыли в разных странах мира больницы, санатории, разработали свод правил, как заботиться о здоровье. Заметим, что санитарная реформа сразу же была поставлена на службу миссионерству: лечебные заведения адвентистов превратились в очаги распространения веры, а медицинский персонал — в проповедников «спасительной вести».

В настоящее время в руках зарубежной церкви адвентистов седьмого дня 141 санаторий, 221 диспансер и множество других медицинских учреждений, в которых работает около 3 тысяч человек старшего и среднего медицинского персонала. Эти лечебные заведения за последние годы обслужили около пяти миллионов больных.

Такая забота о здоровье верующих связывается в глазах непосвященных людей с гуманностью. Адвентистские проповедники подчеркивают, что «важнейшей составной частью адвентистской вести является также весть преобразования здоровья, весть о здоровом образе жизни, в котором очень нуждаются люди». В «Молитвенных чтениях» даются советы о режиме питания, труда и отдыха. Некоторые из них почерпнуты из медицинских источников, другие — не соответствуют уровню современной медицины. Такого рода советы являются составной частью вероучения. Бесспорно, верующих привлекают, например, требования не употреблять спиртного, не курить, не применять наркотиков. Но все дело в том, что эта забота о здоровье людей объективно является одним из утонченных средств укрепления религиозности, приверженности адвентистской вере, ибо, по замыслу идеологов церкви, она должна каждодневно убеждать ее приверженцев в особой гуманности этой веры. Собственно, в этом и состоит существо санитарной реформы.

Чтобы подчеркнуть «гуманизм» адвентизма, современные проповедники акцентируют внимание верующих и на тех проблемах, которых они не касались еще несколько десятилетий назад. Они провозглашают мир между народами, говорят о праве всех людей на равенство и свободу и т. п. Это — веяние времени, ибо социальная доктрина адвентистов никогда не выходила за рамки чисто эсхатологических и хилиастических представлений. Елена Уайт поучала в своей работе «Служителям Евангелия»: «Господь желает, чтобы его народ умалчивал о политических вопросах... Вы, работающие как воспитатели, проповедники или работники в какой-либо из отраслей дела божьего, не должны сражаться в политическом мире. Вы должны существовать как подданные царства Христова».

Однако ныне духовные пастыри не могут уклоняться от вопросов, волнующих всех людей. Волей-неволей они вынуждены касаться проблем, лежащих далеко за пределами адвентистской эсхатологии и религии вообще.

Как отмечалось, адвентизм требует от верующих активной миссионерской деятельности. Следуя принципу «всеобщего священства», каждый верующий должен нести «спасительную весть» о втором пришествии всюду. В памятках «Проповеднику Евангелия», «Служителям Евангелия» говорится: «Каждый адвентист седьмого дня — миссионер», обязанность каждого «приобретать души для Христа».

Верующих наставляют, как воспитывать детей, чтобы они выросли «истинными христианами», учат, как вести беседы с непосвященными, как подводить их к пониманию сути «божественной истины». Предлагается обращать особое внимание на людей, которые оказались в сложной жизненной ситуации, нуждаются в помощи и поддержке. Здесь широко используется иллюзия человечности, которая порой играет решающую роль в возникновении доверия к миссионерам адвентизма со стороны людей, попавших в трудное положение.

Когда сталкиваешься с подобными случаями, становится ясно, что адвентисты достигают успеха там, где мы, атеисты, проявляем равнодушие к человеку, не протягиваем ему в трудную минуту руку помощи. И как важно противопоставить иллюзорной человечности религиозных проповедников истинную человечность, истинный гуманизм нашего общества.

Справедливости ради следует признать, что пополнение адвентистских общин идет в основном за счет членов семей самих адвентистов и верующих других вероисповеданий. Но подобные данные не дают оснований для самоуспокоенности. Еще немало людей находится во власти несбыточных мечтаний о втором пришествии Христа. Они следуют всем предписаниям своих духовных наставников, ведут миссионерскую работу, воспитывают детей в вере. Они не в силах разобраться в своих заблуждениях, не в силах взглянуть на мир непредубежденным взглядом, чтобы увидеть всю нереальность, беспочвенность своих чаяний. В этом им нужно помочь.

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

С. ОРЛОВ, кандидат философских наук

Наиболее характерной особенностью современного адвентизма в нашей стране является углубление кризисных явлений, охвативших различные аспекты деятельности этой разновидности протестантизма. Причины кризиса коренятся в тех огромных социальных преобразованиях, в результате которых атеистическое мировоззрение стало достоянием большинства населения СССР.

Кризис в адвентизме находит свое проявление в самых различных формах. Одна из них — междоусобная борьба отдельных группировок за влияние на религиозные объединения, за право утвердить свой путь выхода из кризиса.

Период после Великой Отечественной войны в церкви адвентистов седьмого дня ознаменовался попытками некоторых ее руководителей оживить затухающую деятельность религиозных объединений с помощью активного миссионерства и благотворительности, путем превращения молитвенных собраний в учебные классы по изучению Библии, проведения специальной работы среди детей и подростков — то есть всех тех видов религиозной деятельности, которая не допускается законодательством о религиозных культах, в частности статьей 17 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» с изменениями и дополнениями, внесенными указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 года.

В середине 60-х годов в адвентистской церкви произошел раскол, а образовавшиеся в его результате две крупные группировки, обвиняя друг друга в нарушении церковных установлений, вступили в непримиримую борьбу между собой за руководство церковью.

Одна из группировок, возглавляемая П. Мацановым (наиболее реакционная часть расколовшегося адвентизма), провела в начале 1965 года так называемое киевское совещание с участием значительного числа адвентистских авторитетов, на котором был создан духовный центр, названный «советом старших братьев», или «корпусом проповедников».

Под предлогом необходимости разъяснения решений киевского совещания «корпус проповедников» начал рукополагать своих сторонников в сан служителей культа и направлять их в качестве эмиссаров в различные религиозные объединения, приступил к распространению рукописных брошюр и писем, стал открыто вмешиваться в деятельность общин другой группировки, которые не признают руководства этого самозванного духовного центра. Проповедники «корпуса» создавали параллельные общества адвентистов седьмого дня, смещали и назначали пресвитеров и т. д.

Оценивая раскол, его причины и последствия, один адвентистский авторитет писал: «В результате ошибочных действий некоторых видных служителей культа в общинах произошли разделения и адвентистская церковь в стране оказалась разбитой на отдельные группы. Попытки одной группировки установить любыми средствами свой контроль над всеми остальными оказались безуспешными в течение ряда лет по той простой причине, что они основывались на чуждых христианскому духу и церковному порядку стремлениях. Недуховная борьба, проводимая под различными благовидными предлогами и лозунгами, принесла неисчислимые страдания общинам и поношение имени божьему».

В настоящее время раскол в адвентизме расширился и углубился. Попытки сблизить точки зрения на ряде консультативных встреч не увенчались успехом. Борьба за власть продолжается. Мотивы и побуждения, выдвигаемые противоборствующими сторонами, вращаются вокруг одной стержневой проблемы: отношение к окружающему миру, к социальной среде, к законодательству о религиозных культах. С ним вступают в противоречие такие установления адвентистов, как отказ трудиться и запрещение детям посещать школу в субботний день, принудительное взимание «десятины» с заработка верующего в пользу церкви и некоторые другие.

Сторонники Мацанова провозгласили себя «верными последователями адвентизма», заявив при этом, что они отстаивают чистоту и неизменность принципов вероучения в противовес тем, кто ими пожертвовал. Один из сторонников этой группировки заявил, что «обязательное присутствие детей на молитвенных собраниях, исполнение ими религиозных гимнов и стихов, «десятина» и благотворительность — главное, в чем расходятся последователи Мацанова с «отступниками», взявшими обязательство соблюдать законодательство о культах». Таким образом, мацановская группировка сблизилась с реформизмом — этим крайне реакционным течением адвентизма, возникшим во время первой мировой войны в Германии.

Противостоящая мацановцам более умеренная группировка отрицает экстремистский путь преодоления кризиса церкви, призывает к преодолению раскола и укреплению единства всех верующих. Ее руководители обвиняют мацановцев в том, что те хотят достигнуть своих целей «административным», «приказным» путем, принимают по отношению к несогласным с их мнением «суровые решения».

Основной выход из кризиса, охватившего церковь, большая часть адвентистских проповедников обеих группировок видит в отказе от общения с миром, в неуклонном следовании пресловутой концепции «отделения от мира». Утверждается, что это «принципиальное дело, дело большой важности, дело всей церкви адвентистов седьмого дня» и от отношения к этому «принципиальному» делу зависит участь церкви.

Что же это за «дело», столь серьезным образом влияющее на судьбу адвентистской церкви? Ответ мы находим в ряде рукописных брошюр. В них содержится недвусмысленная альтернатива: «Либо церковь очистится от всего человеческого и мирского, которое широким потоком вливается в ее ряды, или мирской дух и его влияние будут узаконены в церкви». Адвентистам седьмого дня предъявляются требования, согласно которым они «должны в своей жизни, планах, принципах, вере, надежде полностью отделиться от мира, окружающего их».

Таким образом, независимо от противоречий внутри самого адвентизма, его руководителей больше всего пугает усиливающееся влияние на их церковь окружающего мира, где дуют свежие ветры социальных перемен, ведущих к полной секуляризации общественной жизни. Предохранить свои общины от воздействия социальной среды, особенно в нашей стране, где программной задачей общества является воспитание гармонически развитого человека, свободного от пережитков прошлого,— вот главная цель обеих адвентистских группировок. Вместе с тем они понимают бесперспективность этой цели, чувствуют, что ее достижение им не под силу. «На нас наступает влияние мира, которому мы поддаемся. Это не значит, что мы не защищаемся от него; но меры, предпринимаемые нами, недостаточны, и мы шаг за шагом отступаем, и это должно нас сильно насторожить»,— говорят руководители адвентизма.

Адвентистских проповедников беспокоит возрастающий интерес к мирским проблемам всех верующих, которые понимают противоестественность изоляции от всего того, чем живет современное общество. «В наших рядах начала возрастать любовь к миру, а наша борьба против этого пагубного влияния и наше сопротивление — ослабели»; многие верующие «предпочитают мирские пути и средства для достижения божественных идеалов, в то время как пути божии отвергнуты»,— с печалью констатируют адвентистские проповедники.

Однако не все руководство адвентистской церкви разделяет концепцию «отделения от мира». Реалистично настроенные и дальновидные руководители более умеренной группировки адвентизма, проявляя разумный подход к оценке реальной обстановки, видят выход из кризисного состояния церкви в социальной активности верующих, в связи с «окружающим миром», в неуклонном исполнении советских законов. Они понимают, что путь «отделения от мира», «противоборства с миром», отказ верующих от исполнения своего гражданского долга, каким бы религиозным мотивом он ни обосновывался, ставит адвентистскую церковь в трудное положение.

Основную причину экстремизма в адвентизме они видят в том, что носители этих настроений не понимают, что между желаемым и возможным всегда существует известная дистанция и что всегда были и будут вопросы, при решении которых следует проявлять благоразумие.

Четко формулирует кредо этой части более умеренной группировки адвентистов один из ее идеологов в следующих рассуждениях: «Как же быть? Идти на полную ликвидацию адвентизма, принять ли реформизм и уйти из единой церкви божией? Или же «держать, что имеешь», и среди всех и всяческих перипетий, сохраняя знамя народа божия, искать новые пути и для сосуществования и главное — для выполнения порученного нам дела — быть «светом мира и солью земли».

Следуя этому принципу, ряд реалистично настроенных адвентистских проповедников призывают верующих обратить внимание на свое отношение к окружающему миру, в котором они живут, преодолеть бытующую у некоторой части верующих тенденцию сузить круг своих обязанностей по отношению к обществу и государству. От правильной постановки и решения этой проблемы, по их мнению, зависит очень многое в жизни и деятельности адвентистов в нашей стране.

Подобный здравый подход к проблеме раскрыт в реферате одного из видных современных адвентистских авторитетов «Христианин в обществе и государстве».

Исходный тезис реферата: у адвентистов не может быть безразличного отношения к обществу, в котором они живут, и к стране, гражданами которой они являются. «У нас, адвентистов, живущих в СССР,— пишет автор,— есть все основания с особой теплотой и удовлетворением относиться к нашему социалистическому государству. Мы не можем проводить знака равенства между социализмом и Евангелием, однако принципы, на которых построено Советское государство, значительно ближе евангельскому духу заботы о человеке, чем принципы капиталистического общества. Быть гражданином этой страны мы считаем большим преимуществом».

С чувством большого удовлетворения реферат повествует о преобразованиях в нашей стране после Октябрьской революции. Особенно важным достижением нашего строя, в чем, по мнению автора реферата, невозможно умолчать, является «огромнейшее положительное значение закона об отделении церкви от государства, принятого в стране в первые же дни после революции. Если кто-то может не знать этого, то мы, адвентисты, хорошо знаем по опыту наших отцов и дедов», «сектан-

тов», живших в царской России, что такое государственная церковь».

Вот достойный ответ верующих людей нашей страны тем зарубежным подстрекателям, которые денно и нощно вещают миру, будто в СССР отсутствует свобода совести, ущемляются права церквей, христиане преследуются за веру.

Автор реферата выражает удовлетворение тем, что верующие участвуют в общем труде нашего народа на благо Родины: «Для нас, адвентистов седьмого дня, является большой радостью то, что наш скромный созидательный труд соединяется с усилиями миллионов людей нашей страны в достижении прогресса. Таким образом, непосредственно участвуя в коллективном труде, радуясь общим успехам, переживая за трудности и недостатки, мы сознаем себя членами огромнейшего общества, которое поставило перед собой и успешно выполняет немало добрых и возвышенных целей».

Несомненно, нельзя игнорировать положительное значение подобных высказываний, в основе которых лежит разумная, без предвзятости оценка объективных процессов. Они воспитывают у верующих чувство патриотизма, глубокое понимание долга и обязанностей перед своей земной отчизной.

Руководство Генеральной конференцией информировано о расколе и междоусобной борьбе в адвентистской церкви нашей страны. Вначале оно стремилось примирить враждующие группировки. Однако, видя, что призывы их «руководствоваться христианскими принципами в устранении недружелюбной критики, взаимных обвинений» не дают желаемого результата, руководители Генеральной конференции высказали свое неодобрение деятельностью экстремистской мацановской группировки при решении внутрицерковных проблем и поддержали умеренную часть проповедников, которые пытаются преодолеть раскол и укрепить единство верующих.

На очередной 52-й сессии всемирного центра адвентистов седьмого дня, проходившей в Вене летом 1975 года, президент Генеральной конференции Р. Пирсон сказал: «В программе завоевания душ за последние пять лет... нам нечем похвастаться... Движение вперед измеряется дюймами там, где нам хотелось бы видеть мили духовного продвижения». Эти слова убедительно свидетельствуют о трудностях пополнения рядов мирового адвентизма, связанных с общим кризисом религии.

Один из путей преодоления этих трудностей Р. Пирсон видит в том, чтобы не отставать от современности: «Нам грозит величайшая опасность, если мы зароем головы в песок и будем игнорировать знаменательные перемены, происходящие в окружающем нас мире». Таким образом, взгляды руководства всемирного центра адвентистов седьмого дня и некоторых видных авторитетов адвентизма в СССР по вопросу об отношении к современной действительности совпадают.

В нашей стране до настоящего времени продолжают также действовать небольшие группы адвентистов-реформистов, известных своими реакционными взглядами и антиобщественным характером деятельности. Под воздействием фанатично настроенных вожаков адвентисты-реформисты отказываются от регистрации своих объединений в органах власти, запрещают детям вступать в пионеры и комсомол, подстрекают молодежь призывного возраста отказываться от службы в армии, изготовляют и распространяют литературу, содержащую клевету на наш общественный строй.

Главари адвентистов-реформистов стремятся совершенно изолировать своих сторонников от жизни. «Мы живем в мирской век, — пишут они в рукописной брошюре «Отделение от мира», — когда наше физическое отношение с миром теперь гораздо ближе, чем в былые времена. Автомашины, радио и телевидение и другая современная техника совершенно изменили обстоятельства, в которых мы живем, и затруднили гораздо больше, чем когда-либо раньше, наше отделение от мира и сохранение наших нравов в чистоте».

Утверждая, что радиоприемники и телевизоры превращают квартиры верующих «в театры и другие неприличные для святых места», руководители адвентистов-реформистов стараются предотвратить воздействие средств массовой информации на сознание верующих. «Мы ничего не должны делать, ни слушать, ни смотреть, ни читать и ни говорить ни при каких обстоятельствах того, что было запрещено божественным правилом», — призывают они.

Общеадвентистскому догматическому принципу соблюдения субботнего дня реформисты придают особое значение. В этот день решительно запрещается заниматься какими-либо делами, кроме молитвенных. Даже «покупка газет, продуктов питания, разговоры на обыденные темы, общественные посещения не должны допускаться в этот день». Верующим предписывается: «Встречайте субботу с молитвой и пением и заканчивайте ее тоже с молитвой и хвалебными гимнами, не допускайте в этот день никакого мирского урока, музыки, мирского занятия, мирских бесед». Детям по субботам категорически запрещается посещение школы. При этом напоминают высказывание Е. Уайт: адвентисты не могут рассчитывать на признательность божью, если они посылают своих детей туда, где те не могут исполнять четвертую заповедь.

Но как бы ни стремились наиболее реакционные, экстремистски настроенные проводники реформистских взглядов в адвентизме отделить своих единоверцев от мира, они не в силах противостоять веяниям времени. Жизнь берет свое. Все больше реформистов порывают с реформистскими установками, втягиваются в различные сферы общественной жизни, вступают в профсоюзы.

Таковы в общих чертах процессы, происходящие в адвентизме в нашей стране. Их необходимо учитывать в воспитательной работе с верующими и при осуществлении контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах.

●

ЭТОТ ТИХИЙ СУББОТНИЙ МИР...

В. ФРАНЮК,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Накануне в Караганде выпал снег, и по утоптанной тропке было видно, что немало людей прошло недавно этим тихим окраинным переулком со звучным именем — переулок Энтузиастов. Сплошь застроенный маленькими, словно притаившимися за оградами палисадников домиками, он скорее олицетворяет застывший покой, неподвижность, хотя отзвуки большого города доходят и сюда. Рядом пролегает автострада с мостом. За садами и огородами по железнодорожной насыпи грохочут поезда.

В конце каждой недели в переулке Энтузиастов группками и поодиночке появляются люди. Как и сегодняшним субботним утром, все они направляются к внушительному по здешним масштабам дому.

Новый, добротно сработанный забор, железные ворота, тяжелая калитка. Открытые ставни широких окон. За калиткой — порядок и опрятность музейной усадьбы. Молоденькие ухоженные яблоньки, залитая бетоном дорожка.

Хозяин — 27-летний плотник Виталий Евгеньевич Снытко. Официальная семья его состоит из жены и двух детей. Но Виталий Евгеньевич считает себя членом

полуторасотенной семьи местной общины адвентистов седьмого дня. Она-то и арендует дом Снытко.

Каждую субботу — этот день у «братьев» и «сестер» начинается после заката солнца в пятницу и оканчивается заходом его на следующий день — тут проводится три молитвенных собрания. К утреннему пришел сюда и я.

Прихожая с длинной вешалкой. Старинного производства орган. Из проходной комнаты, где на покрытых узорчатой тканью скамьях негромко разговаривают члены общины, одна дверь ведет в гостиную со столом и диваном, другая — в зал.

Там между рядами скамей постелена ковровая дорожка. На стенах в потемневшей от древности раме «Закон божий» и современные часы. Рядом с кафедрой электромузыкальный инструмент, места для хора. Семь широких окон занавешены шторами. На потолке светильники, плафоны, решетчатое вытяжное отверстие, длиннолопастный вентилятор.

В доме центральное отопление. Тепло. Полы, скамьи поблескивают светло-коричневой краской. Тишина. Входящие «братья» располагаются строго впереди справа, «сестры»—произвольно. Прежде чем сесть, и те и другие, опустив голову и сложив над животом руки, на несколько секунд замирают — «беседуют с богом». Есть дети.

Входит молодой мужчина. Очки в желтой оправе, черный костюм, галстук, белая рубашка, в руках папка. Это Снытко. Он по-хозяйски подводит стрелки отставших часов, замирает в беседе с богом, садится возле кафедры.

Помолившись таким же образом, занимает место за музыкальным инструментом молодая женщина — руководительница хора.

Часы бьют десять. По ковровой дорожке неслышно проходят трое, опускаются за кафедрой на колени. Все в зале встают. Наступает непродолжительная пауза тихой молитвы. Когда служители поднимаются, прихожане садятся. Ведущий собрание объявляет:

— Прославим нашего господа субботним псалмом.

Наблюдая за моленьем, открываю интересную особенность: ведется оно по принципу семинарских занятий — закрепление темы, опросы, уточнения.

— Кто имеет желание сказать, чем руководствовался Иисус Христос в своих деяниях? — спрашивает ведущий собрание.

Встают сразу две женщины.

— Любовью к ближнему, — отвечают они одновременно.

— У кого есть побуждение высказаться? — спрашивает проповедник.

В передних рядах встает пожилой мужчина и задает прямо-таки каверзный вопрос. Не берусь привести его дословно, но смысл в следующем: как же, мол, так получается, существует много вероисповеданий, каждое гарантирует спасение, а другую веру считает заблуждением. Кто же, дескать, прав?

Спрашивающий несомненно верующий, место занимает среди не первый день знакомых ему «братьев». Но сам вопрос звучит вызывающе.

Проповедник выкликает желающих ответить на вопрос. Такие нашлись. Но ни их объяснения, ни толкование Нового завета проповедником, видимо, не достигают желаемой цели. Пожилой мужчина укоризненно качает головой. Между «братьями» шелестит шепот.

Руководительница хора, став на невысокую, окрашенную под цвет пола скамеечку, запевает. Вступает хор. Двум мужчинам не под силу вытягивать басовую партию, женские голоса преобладают, и все же пение производит впечатление.

После очередной общей молитвы женский дуэт исполнил под гитару религиозное песнопение. Говоря о том, что заповеди господни являются жизненным компасом, проповедник обратился к примеру из художественной литературы:

— Французский писатель Жюль Верн написал роман «Дети капитана Гранта». В нем есть эпизод, где рассказывается, как на судне компас стал показывать ложное направление от умышленно подложенного железа, из-за чего мореплаватели уклонились от избранного пути. Так и всякое посягательство на учение Христа отворачивает стрелку нашего жизненного компаса.

Это уже относилось к тому, кто задал каверзный вопрос.

После окончания службы проводивший собрание представился председателем исполнительного комитета общины Василием Васильевичем Новосадом. Не помню уж, каким образом, но буквально с первых слов разговора выяснилось, что и проповедник и я в прошлом были коллеги: ходили когда-то в Северную Атлантику. Естественно, мы оба начали с удовольствием вспоминать уютные в штормовую погоду проливы Фарерских островов, белые склоны гор Исландии, туманы у побережья Британии.

Воспоминания о море выветрили у моего собеседника молитвенное настроение. Василий Васильевич увлеченно перечислял знакомые названия судов, помянул добрым словом родной траулер «Михаил Калинин».

Новосаду 33 года. Работает механиком по лифтам. Женат, двое детей. Рос в семье адвентистов, однако требований веры не придерживался. Период жизни, связанный с морем, по словам Новосада, преисполнен был греховностью: после нескольких месяцев беспрерывной болтанки, чередования вахт, подвахт оказался на берегу с крупной суммой денег в кармане, почувствовал под ногами твердую землю — и, как говорится, понеслась душа в рай.

— Раз сошел так на берег, другой. И всегда одинаково не оставалось иного пути, как снова уходить на долгие месяцы в море, опять начинать все сначала: вахты, подвахты, работа с тралом, шкерка рыбы... Тогда я спросил себя: в чем же заключается смысл человеческой жизни?

— И нашли ответ на этот извечный вопрос?

— Да, нашел с помощью веры. Смысл жизни — в приобщении к богу.

Разошлись до вечерней молитвы «братья» и «сестры», опустел адвентистский молитвенный дом, а мы, теперь уже втроем (к нам присоединился хозяин), продолжали разговор. Хозяин дома Снытко, в отличие от бывшего моряка Новосада, предпочитал все время ссылаться на Библию. Он так и сыпал цитатами.

Его путь к богу, сказал Виталий Евгеньевич, начался с детских лет под руководством родителей. А в двенадцать к нему самому, мол, снизошло разумение. Вдумчивый мальчишка, подобно многим сверстникам, задавался вопросами о возникновении жизни. Однажды он спросил после урока учителя зоологии, жива ли природа?

Учитель сказал, что природа, конечно, не организм с присущими всему живому функциями, это они будут проходить позже. А дотошный ученик логически сделал вывод: если природа не жива, то она не смогла создать живую клетку. И дальше: если так, то кто-то же ее создал. И еще дальше: если неизвестно, кто,— значит, остается бог.

Представления Библии о мироздании были доступны пониманию подростка. Уверовав в миф, он принял и все остальное. А утверждение взрослых о том, что именно адвентизм отстаивает истиннейшее учение Христа, придало штудированию священного писания высокий смысл подвижничества.

После школы Виталий Снытко закончил курсы фотографов, начал ездить от быткомбината по району, делать для заказчиков снимки. Но здесь требовалось обязательно работать по субботам — в дни, которые адвентист обязан посвящать молитвам. Пришлось сменить профессию, стать строителем.

Приверженность к религии Снытко пронес и через армейскую службу.

По-человечески, не в обиду им будь сказано, и Новосад, и Снытко оставили какое-то тягостное чувство. И не только потому, что и тот и другой отдают немало времени подготовке к грядущему суду божьему. И даже не потому, что свою жизненную энергию тратят они на псевдоглубокомысленное толкование свода древних легенд и мифов.

Тягостно другое. Двое молодых, полных сил, стремления утвердить себя в глазах единоверцев мужчин с удручающей настойчивостью, почти обреченностью отрекаются от логических рассуждений, аргументов, сопоставлений.

— Логика для истинной веры бессмысленна, — утверждает Новосад.

— Учение Христа не нуждается в переосмыслении, — вторит ему Снытко.— Оно вечно и незыблемо.

И ведь соглашаются, что прогрессом в окружающей нас действительности движет именно человеческий разум, стремление познать новое, подвергнуть сомнению отжившее... Возникает некий духовный тупик. Человеческая вера в лучшее будущее, этот великий движущий стимул борьбы, созидания, превращается в обреченное ожидание страшного суда над грешниками.

Временами казалось, что эти двое сами мучаются противоречиями. Тот же Новосад, твердо придерживающийся порядка не работать в субботу, допускает возможность исключения, хотя и считает это тяжким грехом. Снытко свободные часы проводит за чтением Библии, постигает ее смысл. Жена водит детей на молитвенные собрания. Но супругов тревожит, что дети могут вырасти чуждыми обществу.

Разнообразие мира ежедневно захлестывает впечатлениями, рождает мысли, чувства — и многому необходимо противостоять. Трудно, наверное. Особенно

если учесть, что одной Библии недостаточно для подготовки к проповедям. Надо читать, слушать, смотреть — иначе безнадежно отстанешь в развитии даже от младших «братьев».

Поэтому и Новосад и Снытко могут позволить себе сходить в кино, не выключать телевизор, когда начинается не подходящая с точки зрения религии передача. Но рядовые члены общины, как правило, строго придерживаются запретов. Те, с кем мне удалось встретиться, подтверждают, что светской литературы не читают, кино не смотрят, в театр не ходят, спортом не занимаются. Рассказывали о себе эти люди охотно, хотя и просили не публиковать их имен. Вот один из них.

П. — слесарь одного из учреждений. 34 года, образование среднее, женат. На молитвенном собрании внимание привлек прочувствованностью обращения с кафедры при разборе главы Библии. Потом занял место в хоре. При общей молитве вытирал слезы. Мы встретились у него на работе, в мастерской. Я уже знал, что он здесь самый добросовестный рабочий, обязательнейший человек. При мне к нему подходили люди, и каждый уважительно обращался к слесарю, просил что-то срочно отремонтировать или забирал исправленную вещь.

История П. драматична. В детстве жил при железнодорожной станции, в среде адвентистов. Девяти лет попал под колесо, потерял ногу. Восемнадцати — заблудился во вьюжной степи. Отчаявшись, обратился к богу с обещанием принять веру, если останется жив. Пошел наугад сквозь пургу и в конце концов набрел на жилье. Глаза у него добрые, руки загрубелые. Типичный умелец-мечтатель. Такие вечно что-нибудь бескорыстно мастерят, изобретают. Может быть, не попади П. в тот злосчастный буран, и судьба его сложилась бы иначе.

Многих из встреченных мной здесь людей привлекла в этот причудливый мир воспринятая с детских лет религиозность, породившая нравственную пассивность. Каждый закономерно встретил на жизненном пути трудности, и каждый одинаково не сумел противостоять им, а с готовностью спрятался в хрупкое убежище религиозной веры.

После молитвенного собрания мы вышли вместе с Новосадом. Снег таял. С железной дороги доносился шум проходившего поезда. Василий Васильевич предложил подвезти меня до центра на машине.

Неподалеку в маленьком домике живут его родители. Новосад вывел со двора подержанную, старого выпуска «Волгу» — память о незабываемой моряцкой поре. На заднем сиденье разместились его жена с грудным ребенком — руководительница общинного хора — и восьмилетний, со щербатым смеющимся ртом Вовка.

Супруга Василия Васильевича некогда окончила музыкальную школу, но по настоянию родных стала медсестрой. В семье адвентистов воля старших — закон. А музыка так и осталась для нее единственным любимым делом.

Невольно подумалось о непоседливом Вовке, которого родители привозили на утреннюю молитву. Как-то сложится его судьба?..

●

В ОЖИДАНИИ «ПОЗДНЕГО ДОЖДЯ»

Д. КОРЕЦКИЙ

В молитвенном доме адвентистов седьмого дня города Черновцы горестно звучат слова проповеди: «Мы живем в скорбное время. Внутри церкви идет борьба за власть, за первенство. Верующие перестали доверять друг другу, и кажется, что слова пророка Иеремии написаны прямо для наших дней: «Берегитесь каждый своего друга, и не доверяйте ни одному из своих братьев...» Сатана сумел занять внимание народа божия второстепенными вопросами. Более того, многие из нас сомневаются в опасности греха. А есть личности, которые идут навстречу искушению, как безумные навстречу ударам...»

Можно было бы, конечно, цитировать и далее, но нет смысла, ибо далее все о том же и примерно теми же словами. Краткое содержание проповеди таково: в адвентистской церкви кризис и упадок — пастыри борются за власть, верующие все менее верны заветам Христа и все более прельщаются соблазнами мирской жизни. Но в мире тоже «мерзость запустения», так как стремительный темп современной жизни (имеется в виду научно-технический прогресс) порождает растерянность, страх, волнения среди народов (то есть классовую борьбу в капиталистических странах и национально-освободительные движения).

Мы еще вернемся к этой проповеди, а пока заглянем в Донецкую область в молитвенный дом города Горловка. Здесь речь идет вроде бы о других материях — о землетрясениях и иных стихийных бедствиях — и голос проповедника звучит иначе — уверенно и чуть ли не пророчески: «И будут люди вздыхать от страха или падать в обморок, лишаясь чувств...»

Но и первая проповедь — об упадке церкви адвентистов седьмого дня и «мерзости запустения» в мире и вторая — о грозных явлениях природы и стихийных бедствиях — посвящены одной и той же цели: убедить верующих в близости второго пришествия Христа. «Уж скоро господь изольет поздний дождь на свой народ»,—предрекает проповедник в Черновцах. «Сегодня знамения времени свидетельствуют, что мы стоим на пороге великих событий. Все объято тревогой. На наших глазах исполняются пророчества... Берегитесь, иначе вы окажетесь на царском пире без брачной одежды», — вторит ему коллега из Горловки.

Что это — случайное совпадение? Безусловно, нет. Почти полтора столетия проповедники адвентизма ухитряются обнаруживать в окружающей действительности якобы предсказанные Библией приметы того, что Христос со дня на день придет на землю. За этот период изменилась жизнь людей, изменился их мир, даже облик нашей планеты изменился, а неутомимые проповедники по-прежнему ищут и находят свои приметы, словно и не было у них тысяч предшественников, оказавшихся — все, как один, — лжепророками.

И самое удивительное во всем этом, что, не умея и не желая смотреть на мир непредубежденным взглядом, проповедники адвентизма даже в кризисе собственной церкви умудрились увидеть подтверждение своих убеждений! В брошюре «Просевание» прямо говорится, что «замешательство» среди приверженцев адвентизма «заранее запрограммировано в божьем плане будущих событий»!

Кризисные явления настолько сильны, процесс размывания религиозности идет столь интенсивно, что отрицать это невозможно. Священнослужителям остается единственный выход — взывать к сознанию верующих, делать вид, что все это предусмотрено свыше и что этот упадок и есть один из убедительнейших признаков скорого, со дня на день, второго пришествия. Конечно, ликвидировать кризис веры такими мерами нельзя, можно лишь в какой-то степени ослабить его.

В городе Ирпень Киевской области

произошла размолвка между проповедником местной общины К. и его женой. Размолвка между супругами — дело житейское. Однако она приняла размеры, выходящие за рамки несогласия двух христиан по какому-то вопросу. Как явствует из милицейского протокола, «К. избил свою супругу...». Ситуация, прямо скажем, весьма далекая от христианских идеалов. Тут, конечно, читатель может сказать, что поступок этот безусловно заслуживает осуждения, но разве среди неверующих нет подобных хулиганов? И читатель будет прав. Среди неверующих они тоже есть. Но не в этом суть. Небезынтересно, что явилось причиной столь нехристианского поведения проповедника христианства? Выяснилось, что «размолвка» произошла из-за того, что супруга К. пошла на богослужение в ту группу единоверцев, которую муж не одобрял!

Таким образом, этот, на первый взгляд внутрисемейный, инцидент приобретает смысл симптома внутрицерковной борьбы и кризиса религиозной веры.

Процесс размывания религиозности проявляется и в отходе верующих от адвентизма. Показательна в этом смысле жизнь одного из влиятельнейших адвентистских авторитетов А. Ф. Парасея. Вся она посвящена проповеди адвентизма и миссионерству. И тут ему нельзя отказать в искренности и твердости убеждений, в опыте и мастерстве проповедника и организатора общин. И тем не менее из общин, опекаемых А. Ф. Парасеем, уходят люди и отрекаются не только от адвентизма, но и от религии вообще. Более того, отрекается ближайший его помощник, его заместитель, пресвитер и организатор первой адвентистской общины Бессарабии М. П. Карагяур, человек, которому прочили блестящее церковное будущее *. Сын А. Ф. Парасея Владимир выбирает иную жизнь, иное служение — не богу, а людям.

Вспомнилась мне и судьба Анны Людвиковны Леуты из города Ирпень. Она была убежденным приверженцем адвентизма добрых пятьдесят лет. Все эти годы старшие «братья» неизменно хвалили ее и ставили в пример. Когда Анна Людвиковна овдовела (детей у нее не было), она пригласила жить к себе в дом «сестру». Вера Ивановна Медведенко недавно приехала из Мордовии, своего жилья не имела, и Анна Людвиковна рассудила, что долг христианина помочь ближнему своему. В общине поступок Леуты вызвал одобрение. Медведенко прописалась у Анны Людвиковны и заняла в общине должность секретаря. Она заверила Анну Людвиковну, что отныне все радости и горести будут у них на двоих, что она будет ухаживать за Леутой до самой ее смерти. Растроганная Анна Людвиковна завещала ей дом и участок. Однако стоило оформить эти документы, как идиллия окончилась. Медведенко не только перестала заботиться о старой женщине, больной тяжелой формой астмы, но просто издевалась над ней. А вскоре в доме Анны Людвиковны, не спрашивая ее согласия, поселился брат Медведенко с женой и детьми. И оказалось, что для Леуты в ее собственном доме нет отдельной комнаты. Теперь, когда она болела, продукты ей приносили соседи. Кстати, в большинстве своем неверующие.

Вся эта неприглядная история происходила на глазах пресвитера общины, который жил на одной из соседних улиц. Однако обращения Анны Людвиковны к его авторитету и общественному мнению единоверцев не дали никаких результатов.

— Терпите, сестра, — сказали ей, — мы всегда должны быть готовы к страданиям...

В конце концов справедливость, конечно же, восторжествовала. Но не с помощью общины, а после вмешательства народного суда, куда после множества бессонных ночей и душевных переживаний обратилась Анна Людвиковна.

Узнав о заявлении в суд, община всполошилась. Вы думаете, потому, что единоверцы осознали допущенную несправедливость? Отнюдь! В общине потребовали, чтобы Леута забрала свое заявление, а когда Анна Людвиковна не согласилась, то ее «взяли на замечание».

Поведение единоверцев до того поразило Анну Людвиковну, что после мучительных раздумий и осмыслений происшедшего она покинула общину.

— Я долго думала о «знамениях предстоящего позднего дождя», о заповедях Христа и о жизни общины, — рассказывала мне Анна Людвиковна, — и пришла к выводу, что все это слова, слова. Ничего, кроме слов...

На прощание она подарила мне несколько адвентистских книг. Теперь они уже мало интересовали ее.

Я не случайно столь подробно рассказал об истории А. Л. Леуты. Эта история иллюстрирует еще одну тенденцию, проявляющуюся в адвентизме. Почему убежденной верующей с полувековым стажем предпочли молодую, но энергичную женщину с далеко не христианскими замашками и ради этого предпочтения община пошла на явное попрание не только справедливости и морали, но и собственных принципов? Дело в том, что в продолжающейся внутрицерковной борьбе молодой, энергичный человек, конечно же, может быть гораздо полезнее, чем старая больная женщина, пусть даже и с полувековым стажем пребывания в общине.

Поскольку все это происходит на глазах у верующих, то нет ничего удивительного, что те делают из этого свои выводы и зачастую уходят из общин, да еще и не по одному. В качестве примера можно упомянуть хотя бы жителей села Санковцы Хотинского района Черновицкой области Д. Кривова, А. Григорец, А. Доник, Е. Доник, Н. Аксенчук или жителей села Пожарки Рожищенского района Волынской области, где за последние пять лет из общины адвентистов седьмого дня вышли 36 человек.

Будучи не в состоянии скрыть все эти факты и процессы от верующих, проповедники адвентизма объявляют кризис адвентистской церкви специально «запланированным свыше мероприятием» и вновь и вновь убеждают верующих, что «уж скоро господь изольет поздний дождь на свой народ».

г. Киев

* См. в № 11 нашего журнала за 1977 год очерк В. Харазова «Третья весть» Михаила Карагяура».

НАСТОЯЩАЯ ВЕРА — ЭТО ВЕРА В СВОИ СИЛЫ

Б. СЕНЧИЛО

Дина Антоновна Плосконос стала адвентисткой седьмого дня под влиянием родителей. Все молодые годы она старательно молилась, исполняла все заповеди и готовилась к скорому пришествию Христа.

Находясь в среде адвентистов более 10 лет, подробно изучив их вероучение, внимательно присмотревшись к внутренней жизни общины, Дина Антоновна засомневалась, по тому ли пути она идет. Уходу из-под влияния «братьев и сестер во Христе» способствовали два обстоятельства. Первое — чуткость врачей и товарищей по работе. Дина Антоновна заболела, обратилась за помощью к богу. Усердно молилась, но здоровье становилось все хуже и хуже. «Вижу, инвалидом становлюсь, а бог все не помогает...» «Господь бог покарал, он и исцелит», — учили ее адвентисты. Но здоровье изо дня в день становилось все хуже, и она все-таки пошла в поликлинику. Ей оказали помощь, но сказали, что болезнь запущена и для излечения понадобится много времени.

Второе обстоятельство, которое способствовало ее отходу от религии, — лицемерие верующих. В общине утверждали, что крепкой семья может быть только в том случае, если муж и жена — единоверцы. Дина по настоянию родителей вышла замуж за «брата во Христе». Но семейного счастья так и не увидела. Сколько слез пролила, сколько просила бога о помощи. Ждала ее, но так и не дождалась.

Хотя и постепенно, не сразу, но вернули врачи Дине Антоновне утраченное здоровье, а заодно и подарили ей иную веру — в человеческий разум и людскую доброту. И она перестала посещать молитвенный дом. «Братья» и «сестры» уговаривали ее, а порой и угрожали божьими карами. Но возврата к прошлому не было.

После выхода из общины Дина Антоновна стала уделять больше внимания воспитанию своих детей, которые успешно окончили школу. Тамара — выпускница торгового института. Сын окончил техникум пищевой промышленности. Галина — педагогическое училище. Таисия — профтехучилище.

Сама Дина Антоновна окончила заочно кооперативный техникум. «Настоящая вера — это вера в свои силы, — говорит она, — вера в земное, человеческое счастье».

г. Умань

О чем писали русские газеты и журналы в марте 1878 года

Недавно один педагогический журнал закончил свои рассуждения о телесных наказаниях в училищах следующим восклицанием: «Слава богу, что наша нарождающаяся русская народная школа свободна хоть от этого остатка средневекового варварства!..» Как ни отрадно подобное заключение о нашей школе, но поступки священника села Кищевки отца Василия Станиславского не позволяют признать такой вывод за абсолютно истинный. Судите сами: «Законоучитель, священник Василий Станиславский во время занятий в школе очень жестоко обращается с учениками: употребляет розги и другие насильственные меры. Подобного рода обращение законоучителя совершенно отбило охоту у учеников посещать школу, а у родителей посылать туда своих детей». Я дословно цитирую заявление, присланное на днях местному училищному совету Кишиневского народного училища.

«Неделя»

Первые восемь номеров «Церковного вестника» за эти два месяца, каждый в три, иной и в четыре печатных листа,— вместе взятые, составляют почтенную цифру — более 25 печатных листов. Бумаги много, пользы мало. «Церковный вестник» не высказал ни одной мысли, не выдвинул ни одного вопроса, не подметил в народе ни одного выдающегося факта. Беспечность представительного органа, его безличность и безгласность не может остаться без дурных последствий для будущего.

«Странник»

...Чтение нашими причетниками бывает до того невнятно, что нельзя расслышать слов; произношение не имеет никакой выразительности: чтец с начала до конца держит свой голос на одной ноте, в движении его голоса нет тех обычных человеческой речи повышений и понижений голоса, его напряженности и смягчения, соответствующих ходу мыслей и преобладающему чувству. Нечего говорить, что такое чтение всегда производит неприятное впечатление на слушателей, да и мало дает им назидания. Теми же недостатками обладает и церковное чтение в наших сельских церквах: и здесь при неособенной даровитости певца не разберешь даже и самых слов церковной песни. Спрашивается: какое назидание при такой постановке дела может вынести крестьянин из церковного богослужения?..

«Странник»

Чем жестче были истребительные меры против раскола, тем шире и упорнее становилось его противодействие. Сосланные по делам веры ссылкою не только не исправлялись, но даже приводимы были в еще большее ожесточение и упорство. В этом отношении замечательно, что ссыльные люди в Сибири были первыми проповедниками и насадителями раскола. Крутые меры и резкие требования не только не останавливали дело раскола, но еще больше способствовали его распространению. Раскол в этих случаях вместо того, чтобы выходить наружу, скрывался вглубь и еще с большим успехом вел свою подпольную фанатическую пропаганду среди православного населения.

«Отечественные записки»

Скрытничество и отшельничество в начале поставлено было основным догматом николаевских сектантов. Многие из них по целым неделям проводили время в своих погребах, морили себя непомерным постом, долговременной молитвой, босиком ходили по льду верст за десять в деревню Константиновку, куда впервые из Николаева было брошено семя аскетического сектантства. Этот мрачный аскетизм был неосмысленным протестом против современного ему общества.

«Отечественные записки»

В Екатеринодарском окружном суде приступлено к разбору весьма интересного дела о сжигании на кострах в 1874 году ведьм и колдунов жителями аула Натырбовского (Майкопского уезда).

«Кубанские областные ведомости»

Из Финляндии сообщают, что в новой церкви в Йокиерви колокол заменен по экономическим соображениям треугольником. Это в Финляндии первая церковь, которая будет пользоваться таким инструментом для звона до богослужения и после него.

«Голос»

Читайте в следующем номере:

День памяти
В. И. ЛЕНИНА
Статьи и очерки о ленинском идейном наследии

Л. АЙЗЕРМАН
«ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ ПОДНЯТЬСЯ ВЫШЕ»

У нас в гостях
«ЗЕМЛЯ И ВСЕЛЕННАЯ»
Байконур. Космонавтов готовят на Земле. Философские проблемы космонавтики. Метеоритный кратер в Антарктиде?

В. ЯНИН
О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ НОВГОРОДСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ

В. ХАРАЗОВ
«ОДИССЕЯ» БЫВШЕГО ВЕРУЮЩЕГО

И. ГРИГУЛЕВИЧ
ПИЙ XI — ПАПА-АНТИКОММУНИСТ

С. САЛЛОМОН
ПАРСЫ БОМБЕЯ

Н. П. Огарев и А. И. Герцен. С фотографии 1861 г.

125 лет со времени основания Вольной русской типографии

"Без вольной речи — нет вольного человека"

В. ПАНОВА,
кандидат философских наук

В один из майских дней 1859 года в Петербурге собрались на очередное заседание члены святейшего синода. Сначала оно шло как обычно, обсуждались текущие дела духовного ведомства. И вдруг митрополит петербургский Григорий (Постников) внес неожиданное предложение — предать анафеме богохульного писателя Александра Герцена. Опешившие было епископы быстро пришли в себя и дружно, за малым исключением, поддержали Григория.

Православной церкви было не впервой принимать такое решение: в свое время анафему возглашали «бунтовщикам» Степану Разину и Емельяну Пугачеву. Ради такой компании, как шутливо писал впоследствии Герцен, стоило подвергнуться церковному проклятию. Однако так дружно принятое синодом решение не было осуществлено. Видимо, Александр II не захотел стать посмешищем из-за чрезмерного усердия духовных пастырей и, по словам английской газеты «Дейли телеграф», «упрекнул церковных сановников в таких выражениях, которые никоим образом не содействовали укреплению достоинства их сана».

В том же 1859 году в Берлине вышла книга чиновника особых поручений при Главном управлении цензуры Н. В. Елагина «Искандер Герцен». Митрополит петербургский Григорий лично правил корректуру, которую специально присылали в Петербург. Книга была наполнена клеветой и ругательствами в адрес Герцена, автор называл его «богоотступником, врагом христианской веры».

У иерархов русской православной церкви были основательные причины так ненавидеть Герцена. Публикуемые им и Н. П. Огаревым на страницах вольной русской прессы материалы раскрывали реакционную роль религии и церкви в жизни России, показывали истинное лицо многих духовных пастырей.

Первая Вольная русская типография начала свою работу в феврале 1853 года в Лондоне. «Открытая вольная речь — великое дело, без вольной речи — нет вольного человека» [1], — считал А. И. Герцен. Он печатал свои работы, начал выпускать альманах «Полярная звезда», публиковал «Голоса из России». Впервые о российских делах заговорили не эзоповским языком, а в полный голос. Поток материалов из России не иссякал. В 1856 году, вырвавшись из-под полицейского надзора, приехал в Лондон и Н. П. Огарев. Он сразу же предложил издавать газету, которая регулярно откликалась бы на различные события в России. 1 июля 1857 года вышел первый номер «Колокола». **«Колокол,** — писал Герцен, — посвященный исключительно русским интересам, будет **звонить,** чем бы ни был затронут, — нелепым указом или глупым гонением раскольников, воровством сановников или невежеством сената. Смешное и преступное, злонамеренное и невежественное — все идет под **Колокол»** (т. 13, стр. 8). Здесь же он определил и направление нового издания: «Везде, во всем, всегда быть со стороны воли — против насилия, со стороны разума —

[1] А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. 13. М., 1958, стр. 9 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

против предрассудков, со стороны науки — против изуверства, со стороны развивающихся народов — против отстающих правительств» (т. 13, стр. 7—8).

«Колокол» выходил в течение 10 лет. Невзирая на все кордоны он проникал в Россию и распространялся по стране. Сановники, помещики, иерархи церкви со страхом ждали очередного номера, боясь увидеть на его страницах свои имена. И хотя за связь с «лондонскими пропагандистами» грозили жестокие кары, в Лондон постоянно шел поток корреспонденций; Герцен получал и секретные документы.

Освобождение крестьян от крепостного права в России — вот вопрос, который обсуждался из номера в номер. Издатели «Колокола» следили за подготовкой крестьянской реформы, анализировали ее проекты. Все русское общество было занято обсуждением вопроса о путях отмены крепостного права, однако православная церковь проявила «каменное равнодушие к народному делу, то возмутительное, преступное бездушие, с которым она два века смотрела из-под клобуков своих, перебирая четки, на злодейства помещиков...» (т. 15, стр. 136). Духовенство не сказало «ни одного сильного слова в пользу освобождения крестьян», а вот в защиту крепостного права такие слова у него нашлись.

Царское правительство, опасаясь бунтов в ответ на «освобождение», задолго до обнародования реформы держало наготове армию. В боевую готовность привели и духовное воинство: председатель редакционных комиссий, где составлялись документы об отмене крепостного права, граф В. Н. Панин «с высочайшего разрешения» обратился к обер-прокурору синода графу А. П. Толстому с просьбой разослать священникам текст особого обращения к прихожанам, призывавшего их по-прежнему повиноваться царю и помещикам.

Когда «Положения 19 февраля 1861 года» были получены в Лондоне, Огарев дал в «Колоколе» подробный анализ реформы. Его вывод был таков: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право **не отменено. Народ царем обманут!»** [2]

Чтобы отвлечь внимание крестьян от грабительского характера реформы, правительство и церковь как раз в это время подняли шумиху по поводу «нетленных мощей» воронежского епископа Тихона Задонского. И потекли к гробнице новоявленного святого сотни людей, надеясь найти здесь исцеление от своих бед. «...И этим телом и этой ракой его (крестьянина. — **В. П.**) обманут, его утешат, чтоб он не попал на иные утешения» (т. 15, стр. 134), — писал Герцен в «Колоколе» в статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ», под «иными утешениями» имея в виду революционно-освободительную борьбу.

«Колокол» разоблачал действия православной церкви, помогавшей царскому правительству вести борьбу против прогрессивной русской общественной мысли. В ряде заметок рассказывалось о преследованиях, которым подверг синод историка А. П. Щапова за речь на демонстрации-панихиде, устроенной казанскими студентами по крестьянам, убитым в селе Бездна [3]. А когда московский митрополит Филарет публично высказался за сохранение в России телесных наказаний, Герцен писал, что церковь всегда шла «рука в руку, с палачом, истязателем, грабителем и всею спирою (церк.: отряд воинов. — **В. П.**) кесаревою триединого отделения...» (т. 16, стр. 284).

Герцен и Огарев в «Колоколе» и других изданиях показывали, что царское правительство ратует за сохранение и распространение религии в своих собственных интересах. Герцен опубликовал рескрипт Александра II председателю комитета министров П. П. Гагарину, в котором религия оценивалась как важнейшее средство охраны земельной собственности, как противоядие против революционных идей. Поэтому воспитание юношества должно быть «направляемо в духе истин религии». В связи с этим министр внутренних дел Валуев рекомендовал полицейским начальникам, сообщал своим читателям Герцен, «обнаруживать особую заботливость о православной церкви» (т. 19, стр. 111).

Многочисленные факты, приведенные на страницах вольной русской прессы, не оставляли ни малейшего сомнения в истинной роли церкви — той роли, которую современные апологеты православия стараются приукрасить и видоизменить.

«Архипастырское рвение о мраке» — так называлась статья Герцена, в которой рассказывалось о действиях митрополита Григория, пытавшегося запретить учебные лекции и публичные чтения геолога Роде на том основании, что этот геолог ничего не говорит о сотворении мира богом за шесть дней. На попытку митрополита запретить продажу газет на улицах города Герцен отозвался статьей «Распространение иезуитизма в Петербурге». «Ревность о господе раба божия Григория, митрополита с.-петербургского, — писал он, — все более и более выступает из пределов храма божия. Успешно поставив плотины злохульственному распространению геологических сведений, усердие архипастыря ныне бросилось на торжища, изгоняя из оных продавцев повремяннищ светского гнилословного содержания». Старания митрополита, сообщал далее Герцен, привели к тому, что полицейские власти, вняв гласу пастыря, воспретили продажу журналов.

Разоблачение на страницах «Колокола» обскурантистских действий петербургского митрополита вызвало упрек некоторых корреспондентов. В письме в редакцию они требовали «совершенного молчания о **духовенстве»** (т. 14, стр. 87). Но на каком

[2] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952, стр. 478 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

[3] Подробнее об этом см: А. Шамаро. Антоний воронежский и Антон бездниский. «Наука и религия», 1969, № 5.

основании, писал в ответ Герцен, мы «будем смиренно молчать, когда выживший из ума монах выползет из сырой кельи своей для того, чтоб мешать науке, чтоб стеснять нашу маленькую волю?.. Всякий раз, когда архипастырский жезл ударит по живому мясу нашей начинающейся свободы, как полицейская палка, — мы закричим!» (т. 14, стр. 88).

В 1866 году обер-прокурор синода граф Д. А. Толстой был назначен одновременно и министром народного просвещения. Это был дальнейший шаг царского правительства по пути реакции в ответ на выстрел Д. Каракозова.

Не раз писал затем Герцен в «Колоколе» о деятельности нового министра. В статье «Грязь» он привел «иезуитскую речь» Толстого, в которой тот говорил, что не допустит распространения «разрушительных идей» учителями.

С гневом писали Герцен и Огарев в «Колоколе» о «полицейском вмешательстве православного духовенства» в работу учебных заведений, о том, что Толстой посылает священнослужителей ревизовать деятельность учителей.

Когда в России стали открываться светские воскресные школы, церковные иерархи явно противодействовали этому. И вскоре воскресные школы были закрыты. Правительство всецело отдавало народное образование на попечение духовенства. Главное внимание уделялось преподаванию закона божьего. «Как можно больше привести обучение народа к одному знаменателю, т. е. к богословскому! Пусть его себе поет на клиросе с дьячками, а в остальном ничего не смыслит», — так писал Огарев о политике царского правительства в вопросах просвещения народа. Ведь если народ выучится «настоящей грамоте, да еще каким-нибудь реальным (т. е. точным, опытным, наблюдением доказанным) научным понятиям», «тогда мало ли что ему в голову взойдет действительно человеческого» (т. 2, стр. 203—204).

Развитию науки и просвещения в России препятствовала церковная цензура. Статьей «Цензурный бред» Герцен откликнулся на историю, о которой рассказала петербургская газета «Голос». Литератор Гайдебуров, сделав сокращенный перевод второго тома книги В. Вундта «Душа человека и животных», представил отпечатанный экземпляр книги в цензурный комитет до пуска в продажу всего тиража, как и полагалось делать. Однако книга была передана в духовную цензуру, устав которой предписывал представлять не отпечатанный экземпляр, а рукопись. Гайдебуров был отдан под суд, который обвинил его в попытке «обойти представление книги в духовную цензуру» и приговорил к недельному заключению в тюрьме и денежному штрафу. «Голос», рассказывая об этом происшествии, делал вывод о необходимости упрощения и унификации законодательства о печати. Герцен же пришел к гораздо более решительному заключению: «...Ненужные учреждения подлежат прекращению». Если же правительство не может уничтожить духовную цензуру, «то пусть оно ограничит ее власть ее районом, т. е. церковной литературой, а науку оставит от нее свободною. Духовная цензура — если за ней будет признана такая власть — может запретить всякий учебник астрономии, потому что **по религии** солнце останавливалось с приказа Иисуса Навина, **а по математике** оно останавливаться не могло. После этого ни одной научной книги нельзя будет ни переводить, ни писать» (т. 19, стр. 295).

В 1859 году Герцен получил письмо от мистически настроенной русской поэтессы Авдотьи Петровны Глинки. Она убеждала его обратиться к христианской вере. Очень спокойно, тактично Герцен отвечал своей корреспондентке, что в бога он не верит, что человеку, который дорожит истиной, стать верующим невозможно. «Ответ русской даме», не называя имени корреспондентки, Герцен поместил на страницах «Колокола».

О несостоятельности религиозных догм, их противоположности науке Герцен неоднократно писал и в других статьях. «Что общего у академии и церкви?.. Что общего у астронома, вычисляющего будущие явления, и попа, молящегося о дожде?» — спрашивал он. И в другом месте: «...Наука делается прямо и открыто **антиидеализмом,** сводя на естественное и историческое все богословское и таинственное» (т. 15, стр. 146; т. 13, стр. 95).

Герцен и Огарев на страницах изданий Вольной русской типографии показывали роль религии в социальной борьбе. В статье «Prolegomena», опубликованной в первом номере «Колокола» за 1868 год (в течение этого года он выходил на французском языке), Герцен писал, что религия «это только крепкая узда для масс, самое страшное пугало для простаков, высокая ширма, которая мешает народу ясно видеть то, что происходит **на земле,** заставляя его возводить взор к небесам» (т. 20, кн. 1).

Герцен задумал цикл научно-популярных статей для молодежи. Написаны были лишь две: «Опыт бесед с молодыми людьми» и «Разговоры с детьми». Обе они опубликованы в «Полярной звезде». В первой статье Герцен в доходчивой форме на конкретных примерах раскрыл существо закона сохранения материи и движения. Из его объяснений читатели легко могли сделать вывод, что догмы религии о «творении» мира и «конце света» несостоятельны. Герцен прямо подчеркнул противоположность своего объяснения явлений природы религиозному: «Одного желал бы я безмерно — чтоб вы заметили коренную **разницу** этого приема с обыкновенным риторико-теологическим» (т. 13, стр. 61).

В статье «Разговоры с детьми» Герцен писал, что развитие науки дает человеку понимание явлений природы и тем самым власть над ними, освобождает от пустых страхов перед неизвестными явлениями. «...Чем больше вещей человек знает и чем короче, подробнее он их знает, — говорит Герцен, — тем больше у него власти над ними» (т. 14, стр. 206).

Выступления против религии на страницах изданий Вольной русской типографии сравнительно немногочисленны. Главное внимание Герцен и Огарев уделяли вопросам общественно-политического развития России, освобождению крестьян от крепостного права. Герцен писал по этому поводу: «Мы сколько могли отстраняли все вопросы, не находившиеся на череду, как, например, вопрос семейный, рели-

гиозный». А в примечании пояснял: «Если мы говорили много о старообрядцах, то это вовсе не с религиозной точки зрения, а с точки зрения социальной и политической» (т. 19, стр. 195).

Герцен и Огарев вскрывали социально-политическую подоплеку преследований, которым подвергались в царской России старообрядцы, духоборы, молокане. «Русское правительство, — писал Огарев, — полагает, что ему, для поддержания самого себя, выгодно поддерживать особую религию, казенную и преследовать полицейским образом, запрещением церквей, молелень... а подчас ссылкой и наказанием — всякое другое христианское вероисповедание...» [4].

Огарев считал, что вопросы веры должны решаться борьбой мнений, обсуждением, убеждением, а не насилием. Православие же отстаивает себя «посредством полицейской власти и палачей». В статье «Частные письма об общем вопросе» он доказывал, что только в свободной борьбе мнений человек может убедиться в истинности той или иной точки зрения — в том числе и точки зрения атеизма.

И религия и наука «равно должны сделаться достоянием свободного убеждения, а не государственного принуждения. Только тогда и та и другая могут иметь значение нравственной силы, а не полицейской власти. Если государство предписывает такую-то религию или такую-то науку, то эта религия и эта наука принимаются по необходимости, а не по убеждению и потому лишены всякой внутренней человеческой чистоты и нравственного значения... Не только чистота науки, но чистота религии, для верующих, требует невмешательства государственной власти в религиозные дела» (т. 1, стр. 731).

В. И. Ленин дал высокую оценку всей деятельности Герцена и Огарева за границей. Создание ими бесцензурной русской прессы было великой заслугой перед русской революцией. Герцен, писал Ленин, «первый поднял великое знамя борьбы» против царской монархии «путем обращения к массам с **вольным русским словом**» [5].

---

[4] «Колокол», л. 206 от 15 октября 1865 г., стр. 1691.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 262.

Л. Шайдуллина,
кандидат
исторических наук

СВЯТЫЕ ЖЕНЩИНЫ В ИСЛАМЕ

На мусульманском кладбище в Казани есть почитаемая могила семи дев. Сюда приходят помолиться в основном старушки, но, бывает, увидишь и молодых женщин, которых приводит наивная вера в то, что семь дев помогут им в их многочисленных женских заботах, в семейной жизни, избавят детей от болезней... Если спросить у тех, кто приходит к могиле, что же это за девы такие, можно услышать несколько легенд. Одна из них, например, рассказывает, что этих дев заставляли принять христианство, но они не желали отступиться от своей веры и покончили с собой — за это Аллах их сделал святыми. По другой версии, эти девы при жизни были обращены в прекрасных белых лебедей, незадолго до смерти их освободили от злых чар, и люди узнали в них семь благочестивых сестер. Непонятно, правда, почему в этом случае они считаются святыми. Но, как бы то ни было, нет никаких документальных свидетельств о могиле, которую называют могилой семи дев. Святые девы выдуманы. Это одно из проявлений культа святых женщин в исламе, который существует с давних пор и несет в себе явные следы прежних верований тех народов, которые стали мусульманами. Ему посвящена обширная апокрифическая литература.

На первый взгляд, само существование святых женщин невозможно в этой религии, ставящей женщину весьма низко — и в семье, и в обществе, узаконившей ее неравноправное, униженное положение.

Первоначальный ислам, возникший в период становления классовых отношений у арабов-кочевников, регламентировал положение женщины, закрепив патриархат. Женщину могли купить, ислам это разрешал. А купленная вещь должна быть без изъяна и служить своему хозяину. Женщина же не могла сама выбрать себе мужа. Не ей принадлежало и право развода — и здесь инициатива находилась целиком в руках мужчины. Детей у брошенной жены попросту отбирали.

Известно, что в законоположениях ислама разрешено многоженство. Мусульманские легенды превозносят гуманность и мудрость этого обычая. Рассказывают, например, что сам пророк брал себе много жен исключительно из сострадания к женщинам, оставшимся без мужей, погибших за веру. Впрочем, закон этот имел отношение лишь к богатым и знатным, бедняки же нередко вообще оставались одинокими. Ущемлена была женщина и в наследственных правах. С ее личностью, достоинством считались мало.

Обычай, предписывающий женщине быть закутанной с ног до головы в присутствии посторонних, полное затворничество, беспрекословная покорность мужу — все это воспитывало в ней психологию рабыни.

И вот при таком отношении ислама к женщине — как к существу второсортному — в этой религии возникает и развивается культ святых женщин. Он по сути своей противоречит ортодоксальному исламу. Французский исламовед Перрон писал: «На путь святости в исламе редко вступают женщины. Этот путь слишком труден для них, так, по крайней мере, думают мужчины. Последние всюду впереди. Весь блеск, все заслуги, весь почет существует только для мужчин. Они использовали все для своей выгоды и преимущества. Они все себе присвоили, все монополизировали, даже святость, даже рай». Отметим, кстати, что первоначальный ислам выступал вообще против культа святых. В Коране превозносятся мужчины и женщины, которые отказываются от земных благ и готовы пожертвовать жизнью ради укрепления веры, им принадлежат первые места в раю. Но в земной жизни они не могут претендовать на какое-либо особое положение. Как и все остальные люди, они помимо воли Аллаха не могут ни в чем приносить ни пользу, ни вред.

Огромная пропасть отделяет это представление начального ислама от той роли, которую получают вскоре после распространения новой религии почитание святых и обращение верующих к ним за помощью в своих земных делах. Здесь проявилось влияние домусульманских культов тех народов, которые подверглись исламизации. Не случайно культ святых содержит в себе религиозную интерпретацию многих произведений индийской и персидской литературы. И среди мусульманских святых было немало местных божеств, которым мусульмане поклонялись раньше. «Свои» святые делали более понятными установления Корана и шариата, они выступали посредниками между Аллахом и верующими. В некоторых местностях только имамы да муллы были знакомы с тонкостями религии, а основная масса верующих поклонялась единому богу — Аллаху, порой не зная даже самой простейшей молитвы ислама. Не случайно в мусульманском богословии скоро возник тезис о том, что содержание Корана имеет тайный смысл, доступный только избранным.

Каким же образом в сонм мусульманских святых попали женщины?

На первых порах новая религия не устанавливала ограничений для женщин. В арабской классической литературе присутствует образ героической женщины, которая участвует наравне с мужчинами в набегах на другие племена, есть и образы участниц политической жизни в молодой мусульманской общине. Одна из жен пророка Мухаммеда Айша играла немалую роль в распрях различных политических группировок. В то время еще не столь строго было требование затворничества, не стало пока обязательным и ношение покрывала.

Сохранились рассказы об активном участии мусульманок в столкновениях шиитов и суннитов, боровшихся за власть в Арабском халифате. Умм-Вахб — жена одного из сторонников Али — выдернула из земли кол, к которому прикреплялась палатка, и дала его мужу со словами: «Заклинаю тебя моим отцом и матерью, ступай и борись за права потомства Мухаммеда и Али».

Другая женщина — Асма, дочь Абу-Бекра, первого халифа после смерти Мухаммеда, — не хотела примириться с тем, что ее сын, отправляясь на войну, надевал панцирь, ибо подобная осторожность казалась ей недостойной мужчины, идущего в бой за справедливое дело.

Кулейба бинт Саид из племени аслам во время сражения при Хейбаре организовала полевой лазарет в мечети, самоотверженно ухаживала за ранеными.

Мусульманское предание сохранило до наших дней образы арабских женщин, которые делили со своими мужьями все тяготы кочевой жизни, участвовали в боевых походах.

Однако не эти черты женщин позволили им сделаться объектами поклонения в исламе. Не героизм, не энергия, не умение разбираться в обстановке, не ум и сообразительность и даже не доброта и сострадание.

Уже в первоначальном исламе, в почитании Марии (Мариам) — матери Иисуса Христа (Исы), Амины — матери Мухаммеда, его дочери Фатимы была заложена основа для дальнейшего развития культа святых женщин. Поэтому легенды о святых женщинах в исламе превозносят их благочестие, скромность, покорность, терпение, усердие в молитвах и т. п.

В некоторых мусульманских странах в период средневековья возникают женские монастыри, в которых находили приют и женщины, изгнанные из дома мужьями. Они оставались там (для сохранения своей доброй репутации), пока не вступали в новый брак.

С развитием и укреплением феодализма в странах Востока вначале разрозненные представления о святых женщинах все бо-

лее приобретают черты хорошо разработанного учения.

Одним из главных атрибутов святой становится, наряду с перечисленными качествами, знание религиозных наук и догматов. Мухаммеду приписываются слова: каждый мусульманин и мусульманка должны стремиться к знаниям (знания имеются в виду, конечно, религиозные). Соблюдение этой заповеди пророка и способность творить чудеса — вот необходимые качества святой.

В Каире долгое время была известна могила святой Ситты Нафисы. Она была правнучкой халифа Хасана и снохой имама Джафара ас-Садика и, как гласит легенда, прославилась своим благочестием и ревностным исполнением религиозных обрядов; паломничество в Мекку совершала 30 раз. Она много постилась, «оживляла ночи» — проводила их в беспрестанной молитве. Ела один раз в три дня. Коран и толкования к нему она знала наизусть и была настолько сведуща в религиозных науках, что ее современник — основатель шафиитского мазхаба в шариате имам аш-Шафии глубоко почитал ее великую ученость. Она сама себе вырыла могилу и, сидя около нее, сто девяносто раз прочитала Коран. Лишь только она произнесла слово «милосердие», ее душа вознеслась к «господину милосердия». Бесчисленны сотворенные ею чудеса. Одно из них она совершила, когда переселялась из Аравии в Египет. В семье жившего по соседству зиммия (раба христианского или иудейского вероисповедания) была девушка, разбитая параличом. Святая не могла равнодушно отнестись к судьбе несчастной больной. Она совершила ритуальное омовение и обратилась к Аллаху с горячей молитвой об исцелении девушки. Не успела она закончить молитву, как больная встала на ноги. Ситта Нафиса отдала свою чадру в жертву Нилу, когда стране грозила страшная засуха, и Нил разлился, принеся людям изобилие.

Легенды о Ситте Нафисе типичны для культа святых.

Чем дальше уходила мусульманская община от первоначального ислама, тем пышнее и цветистее становились легенды о святых, их образы обрастали все новыми сказочными чертами. В Мекке «открывают» все новые погребения святых. Между черным камнем в стене Каабы и колодцем Земзем их насчитали 99. Здесь почитают и камень, на котором пророк отдыхал. Предметом поклонения стал камень в доме Абу-Бекра: он якобы приветствовал Мухаммеда в отсутствие хозяина. В большом почете водоемы, вода которых стала пресной и годной для питья благодаря плевку пророка, и т. д. и т. п.

Мусульмане начинают посещать могилы святых как священные места, а там, где не было мусульманских захоронений, за них выдаются старые языческие святилища.

Иногда святой могилой становилось захоронение богатого купца или феодала, внезапно скончавшегося в пути. А если это произошло у ручья или у горы, то и ключ, и гора объявлялись священными. Местные мусульманские служители были заинтересованы в том, чтобы у них было святое место, — посещение верующими могилы давало им изрядный доход и поднимало авторитет местного купца или бая.

Могилы святых считались неприкосновенным убежищем для всех, кто попросил у святого заступничества, будь то благочестивый человек или преступник. В более позднее время посещение могилы определенного святого стало приравниваться к совершению паломничества в Мекку и Медину. Увеличивается и число святых женских могил.

У народов Северной Африки сохранилась легенда о бедной и бездетной женщине Туадже, которая горячо мечтала посетить перед смертью Мекку. Бедность оставила неосуществленным это самое страстное желание ее сердца. Она не имела средств даже на то, чтобы купить четки. Тогда Туаджа стала собирать финиковые косточки, просверливала их, нанизывала на нитку и таким образом у нее получились четки. С ними она молилась, просила у Аллаха прощения за свою бедность и умоляла засчитать ей дни, проведенные у могилы святого Сиди Абд аль-Кадра, как дни паломничества. Когда эта женщина умерла, четки — ее единственную собственность положили в могилу. Пророк, прослышав о необыкновенном благочестии нищей, посетил ее могилу, и слезы, которые у него пролились при этом, оплодотворили сухие финиковые косточки ее четок, из них выросли деревья, которые дают самые сладкие плоды.

В житиях святых женщин появляется все больше рассказов, в которых в качестве назидания рядовым верующим восхваляются их преклонение перед авторитетом и имуществом богатых и знатных господ.

Чем, например, прославилась святая Разийя? * Однажды эта старая бедная вдова при свете луны пряла пряжу. В тот момент, когда месяц скрылся за огромной тучей, мимо ее дома прошел халиф с фонарем в руке, и Разийя успела спрясть еще две нитки. Но потом Разийю обуяли сомнения: правильно ли она сделала, воспользовавшись светом чужого фонаря? Ведь он ей не принадлежал, значит, и эти две нитки, которые спрядены ее руками, ее трудом, тоже не принадлежат ей? Со своими сомнениями Разийя обратилась к основателю одного из четырех шариатских мазхабов Ахмеду ибн Ханбалю. Богослов объявил, что эти две нитки являются греховными, ибо в них заключена частная собственность в виде света фонаря халифа, незаконно использованного вдовой.

Именно такие моменты из житий святых женщин были призваны воспитывать у бедных мусульман мысль о неприкосновенности и божественном происхождении частной собственности.

Характерно, что все эти жития святых женщин рассчитаны на бедные, малоимущие слои населения, поэтому в них сплошь и рядом описываются такие же бедные люди, славятся их благочестие, терпение и покорность.

Истории известны случаи, когда женщины, превосходившие своим умом и талантом правителей-мужчин, занимали престол и правили успешно и мудро. Среди мусульманок было немало и ученых женщин, поэтесс, музыкантш, но не их славят в своих речах мусульманские проповедники. Чаще

* Легенду о ней приводит Л. И. Климович в своей книге «Ислам», изд. 2-е. М., 1965, стр. 308—309.

всего эти женщины приходили в столкновение с исламом, что нередко кончалось для них трагически, как это произошло, например в XII веке в Гяндже, где по приказанию местных мусульманских владык была казнена поэтесса Мехсети-ханум, осмелившаяся воспеть любовь.

Что касается истинно народных преданий всех мусульманских народов, то в каждом из них видно, как высоко ценились прекрасные качества женщин во все времена. Они прославляют женщину-мать за светлый ум, сноровку, способности, трудолюбие. Бывало, что мусульманка предпочитала смерть гаремной жизни, и это было не только выражением отчаяния и безысходности, но и протестом. Немало женщин Востока вместе с передовыми современниками боролись за свои права, за свое человеческое достоинство.

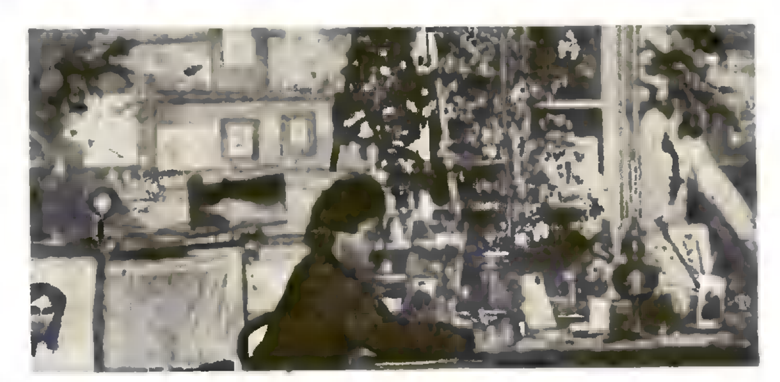
Представители мусульманского духовенства и за рубежом, и в нашей стране прилагают немало усилий, чтобы удержать женщину в плену религиозных представлений и религиозной морали. И прежде всего они воздействуют на ее разум и чувства силой традиции, в частности усиленно пропагандируя жития святых женщин, их благочестие, верность и преданность религии. Правда, созданное в эпоху средневековья учение о святых женщинах явно устарело, и, сознавая это, мусульманские проповедники подновляют его, приписывая святым женщинам уже иные свойства — как раз те, что ценятся в нашем обществе и отнюдь не прославляются исламом. Некоторые проповедники сегодня специально обращаются к мужьям: дескать, уважайте жену, мать ваших детей, от нее зависит, какими они вырастут, будут ли в старости оберегать вас и почитать ваш авторитет. Конечно, они заботятся прежде всего о том, чтобы женщина оставалась хранительницей религиозных традиций в семье, воспитывала бы и детей в духе верности этим традициям.

Среди верующих сегодня еще не изжит культ святых женщин. Правильное объяснение сущности этого пережитка — задача пропагандистов научного атеизма.

г. Казань

ЕГО ГЛАВНОЕ

100 лет со дня рождения Емельяна Ярославского



В якутской ссылке. 1914 г.

Напечатанная на серой, самой дешевой бумаге брошюра называлась «Катехизис солдатский» и составлена была, как и положено катехизису, из вопросов и ответов. Вопросы были знакомые: «Что есть воинская присяга?», «Кто такие враги внутренние и внешние?» Но вот ответы заставляли призадуматься... 1907 год, первая русская революция шла на убыль. Правда, еще пылали пожары крестьянских восстаний, да и в городах продолжались выступления рабочих. Многим из тех, кто сейчас в казарме слушал «Катехизис», самим приходилось стрелять в «бунтовщиков»: ведь они-то — учили солдат — и были врагами внутренними. Иной солдат и рад бы не стрелять, но страшно было присягу нарушить — на кресте клялся служить царю и отечеству.

А в «Катехизисе» говорилось: «Наше отечество — это мы сами, наши отцы и матери, братья и сестры, друзья и товарищи-рабочие, городская и деревенская беднота. Наше отечество — это наш труд... вся бесправная Россия, Россия ограбленная, разоренная — вот отечество наше...» И дальше: «Верующего солдата запугивают, ежели клятву-присягу нарушишь, в геенне огненной денно и нощно на огне жарить будут... Да ведь присяга-то не добровольно дана, поди откажись, значит, и нарушить ее не грех».

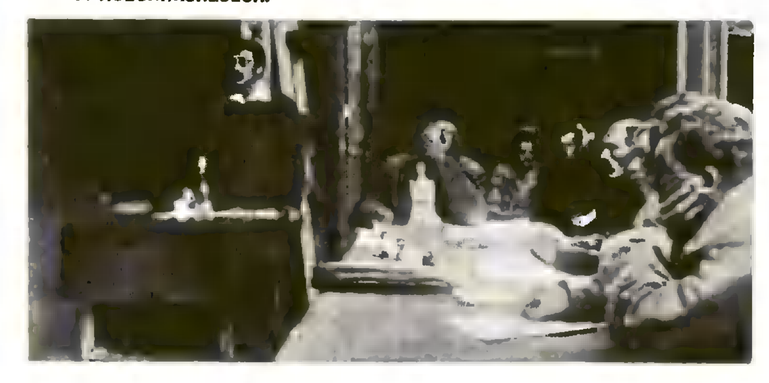
Попадали и раньше в казармы листовки и брошюры, призывали солдат не нарушать библейскую заповедь «не убий», но эта была особенно доходчивой и сразу все ставила на свои места. И получалось, что враги внутренние — совсем и не враги, а братья, «идут на войну все одинаково, какой бы веры ни был, и умирают одинаково — пуля и штык не разбирают, какой веры солдат». Выходит, что отечество — это одно, царское правительство — другое, и служить им одновременно — все равно, что сразу господу и Сатане.

Дочитывали брошюру до конца, до подписи «Солдат социал-демократ Володя».

В течение нескольких дней «Катехизис солдатский» красовался на витринах книжного магазина на Невском. Название вполне благонамеренное,

Фотографии взяты из фондов Центрального Музея Революции СССР.

Суд над Унгерном. Выступает государственный обвинитель Ем. Ярославский. 15 сентября 1921 года. г. Новониколаевск.



ДЕЛО

Б. МИХЕЛЕВА

книжка напечатана в Киеве в типографии И. И. Чоколова, как указывалось на обложке. Однако когда полиция узнала, о чем в нем говорится, да оказалось, что нет в Киеве никакой типографии Чоколова, а напечатана брошюра нелегально, все непроданные экземпляры были конфискованы.

А через некоторое время попал за решетку и «солдат Володя» — профессиональный революционер Миней Губельман, только что вернувшийся из Лондона с V съезда РСДРП. У властей к нему был большой счет, и «катехизис» в нем — капля в море.

Постоянный корреспондент ленинской «Искры», активный участник социал-демократических организаций Читы, член Петербургского комитета РСДРП М. Губельман и прежде не раз попадал в руки царских ищеек. Сидел в печально знаменитых «Крестах» в Петербурге, объявлял голодовку в одесской тюрьме; сделав пролом в стене, бежал из Сущевского полицейского дома в Москве. И всякий раз, как только удавалось вырваться на свободу, продолжал революционную работу. Он организовал бойкот выборов в Булыгинскую думу в промышленных центрах Поволжья, вел революционную работу в Туле, Костроме, Ярославле. Создавал военную организацию при Московском комитете РСДРП. Принял участие в московском вооруженном восстании в декабре 1905 года.

И вот в 1907 году снова арест, опять «Кресты». Впереди годы каторги — так определил суд. Однако заключенный не теряет бодрости духа, и в этом ему помогают товарищи по революционной борьбе. Неожиданно он получает привет от ярославских рабочих и скромный подарок — небольшую сумму денег, чтобы облегчить ему пребывание в тюрьме.

С Ярославлем у Губельмана связано многое. Он прибыл туда 17 октября 1905 года, когда был обнародован царский манифест. Вместе с В. Р. Менжинским и Н. И. Подвойским руководил общей забастовкой, устраивал массовые митинги. Здесь он начал пропаганду среди солдат Фанагорийского полка, того самого, который в 1895 году получил личную благодарность Николая II за расстрел бастующих рабочих. «Молодцы, фанагорийцы!»—эти слова венценосного погромщика легли на полк несмываемым пятном. М. Губельман в свое время сам служил рядовым 18-го Сибирского стрелкового полка, он хорошо знал солдатский быт, солдатские заботы. Да и само время работало на него. Осенью 1905 года армия уже не была тупой однородной массой, безропотно подчиняющейся приказу начальства. Слова агитаторов об общности интересов солдат, рабочих и крестьян получали отклик в казармах. И когда «черная сотня» решила устроить в Ярославле погром, фанагорийцы опубликовали в местной газете заявление о том, что будут с оружием в руках охранять порядок.

Жизнь заставляла профессиональных революционеров менять имена, выступать под псевдонимами. Немало их было и у М. Губельмана. Именно здесь, в революционном Ярославле, он назвал себя Емельяном Ярославским и под этим именем позже стал известен всей стране.

Круг его интересов, как и у большинства профессиональных революционеров, был необычайно широк. Этому способствовали и внешние обстоятельства — необходимость менять род занятий, а порой даже облик, но прежде всего, конечно, это было обусловлено повышенным интересом к жизни, к самым различным областям знаний. Ярославский был самоучкой. Тем не менее он знал несколько языков, в тюрьме изучал философию, естествознание. Живо интересовался авиацией, написал статьи «Аэроплан в будущей войне», «Аэропланы и их применение во флоте» (спустя много лет он первым поставил вопрос о широкой государственной помощи К. Э. Циолковскому). С юных лет увлекался ботаникой, с 1897 года в течение пяти лет переписывался с ботаническими садами Вены и Тарту (Юрьева), находясь в Забайкалье, изучал местную флору. Попав перед первой мировой войной на вольное поселение в Якутию (после Нерчинской каторги и Горного Зерентуя), он продолжал занятия ботаникой, нашел лекарственное растение эфедру. Оно и другие открытые им растения вошли в Ботанический атлас Академии наук. В Якутии Ярославский занимался краеведением, работал хранителем местного музея, принимал участие в экспедиции по реке Олекме.

Партия направляла Ярославского на самые различные участки работы. Он был и военным комиссаром, и редактором газет, участником революции и ее историком. Однако самым главным делом его жизни стал атеизм. Мы знаем его прежде всего как виднейшего организатора атеистического движения в стране, одного из создателей Союза воинствующих безбожников и бессменного его председателя, автора многих книг по атеизму.

К главному делу своей жизни он пришел не случайно. Ему, революционеру-пропагандисту с огромным опытом работы в массах, было очевидно, что народ — рабочие, крестьяне, солдаты — запуган и придавлен не только материально, но и духовно, и в этом были повинны его пастыри. Однако в годы первой русской революции начинать с разоблачения самой религии было еще нельзя — это могло многих отпугнуть от политической революционной борьбы. И поэтому в уже упомянутом «Катехизисе солдатском» Ярославский, по его собственному вы-

ражению, сделал попытку «стать на точку зрения верующего солдата», что не помешало ему достаточно четко выявить социальную роль религии.

В Петербурге 9 января 1905 года Ярославский был среди рабочих в колоннах, шедших с петицией к царю. Вместе с другими большевиками он пытался отговорить рабочих от участия в безумной затее Гапона[1]. Позднее в статье «Роль духовенства в 1905 г.» Ярославский писал: «Накануне 9 января Гапон говорил рабочим: не берите с собой оружия, берите с собой булок, потому что, может быть, придется ждать и вы проголодаетесь». Ярославский предупреждал: «Не булки надо брать с собой, а хороший револьвер. Вас кормить будут не булками, а свинцом».

Февральская революция застала Ярославского в Якутии. В марте — апреле 1917 года здесь проходил съезд якутов и русских крестьян. По предложению Ярославского была принята специальная резолюция: свобода совести и свобода вероисповедания — неотъемлемое право каждого; церковноприходские школы должны быть преобразованы в светские, государство должно прекратить материальную поддержку православной церкви.

В июле 1917 года Емельян Ярославский принял участие в вооруженном восстании в Москве. Он был первым военным комиссаром Кремля, помощником, а затем военным комиссаром Московского военного округа, создавал первые соединения Красной Армии.

В дни революции и в гражданской войне отчетливо проявилась контрреволюционная позиция церкви и ее иерархов. Ярославский разоблачал связь религиозных организаций с белогвардейцами и интервентами. С 1919 года он ведет большую партийную работу сначала в Перми, затем в Сибири, в Сибирском бюро ЦК РКП(б) и в Омском комитете партии. Но и здесь в самых сложных условиях, в разгар гражданской войны он продолжает целенаправленную атеистическую работу. Его курс лекций «Церковь и государство в прошлом и настоящем» собирал огромные аудитории, так как Ярославский умело связывал критику религии и церкви с насущными задачами политической борьбы.

В сентябре 1921 года в Новониколаевске (ныне Новосибирск) проходил открытый суд над белогвардейским бароном Унгерном. Государственный обвинитель Ярославский в своей речи красноречиво показал, как бандит Унгерн прикрывал свою разбойничью деятельность религиозными идеями[2].

Воинствующий атеизм Емельяна Ярославского возник и сформировался не на пустом месте. Понадобилась не только суровая жизненная школа революционера, но и углубленный взгляд историка, осознавшего необходимость крутого переворота в сознании и мировоззрении людей, совершивших революцию. Ярославский стал пропагандистом ленинского атеистического наследия, проводником линии партии в деле атеистического воспитания.

Среди богатого творческого наследия Емельяна Ярославского особое место занимает «Библия для верующих и неверующих». Первые ее главы печатались в газете «Безбожник». Отдельным изданием книга была выпущена в 1925 году. С тех пор она неоднократно переиздавалась, была переведена на многие языки. Ярославский осуществил смелый и своевременный замысел — в иронической форме раскрыл самому широкому читателю жизненные истоки священного писания, дал научную критику Библии. Книга шла нарасхват. Для многих именно она послужила первым толчком к отказу от религиозных взглядов. Попытки церковников опорочить автора (они предпринимались неоднократно; в Ярославле, например, ходило по рукам письмо, якобы присланное схимнику Амвросию из Афонского монастыря архиепископом Гавриилом, где говорилось, что «действует на земле антихрист — имя же ему Емельян») только увеличивали читательский интерес к «Библии для верующих и неверующих». Всю жизнь Ем. Ярославский трудился на своем посту как преданный солдат революции. Последняя его статья «Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне» была опубликована в «Правде» 2 декабря 1943 года — за два дня до его смерти.

[1] Подробнее об этом см.: А. Шамаро. 9-е января. «Наука и религия», 1975, № 1.

[2] Подробнее об этом см.: Б. Вампилов. Барон в павлиньих перьях. «Наука и религия», 1977, № 2.

100 лет со дня смерти Мирзы Фатали Ахундова

„Я друг своему народу..."

Шукюфа МИРЗОЕВА,
доктор философских наук

По древней восточной традиции, тот, кто первый сообщал отцу о рождении сына, получал муштулуг — подарок. Чем счастливее был отец, тем ценнее муштулуг. Неизвестно, как одарил житель азербайджанского города Шеки торговец Мирза Мамед Таги вестника, который сообщил в один из летних дней 1812 года, что вторая жена родила ему сына. Думаем, что подарок не был особенно дорогим. Уставший от раздоров между женами, от семейных скандалов, Мирза Мамед Таги довольно спокойно отнесся к прибавлению семейства, так же как и к тому, что вскоре вторая жена вместе с сыном Фатали вернулась под кров своего дяди Гаджи Алескера. Так маленький Фатали оказался на попечении одного из образованнейших людей своего времени. Судьба улыбнулась мальчику: вместо щелкания счетов и перебранки в лавке отца в доме деда он слышит фарсидскую и арабскую речь. Дед заботливо готовил внука к поступлению в религиозную школу — медресе, где он будет изучать фарси и арабский, восточную юриспруденцию, логику, Коран. 13-летний Фатали начал свое образование в древнем культурном центре Азербайджана Гяндже

(ныне Кировабад) и через год продолжил его уже в Шеки, куда семья Гаджи Алескера возвратилась из-за русско-иранской войны, разразившейся в 1826 году.

Только в 20-летнем возрасте Мирза Фатали снова попадает в Гянджу. Образование его еще не завершено: по тогдашним нормам ему не хватало мастерства каллиграфии. Этот пробел он восполняет в келье Гянджинской мечети, где живет прославленный поэт-вольнодумец Мирза Шафи Вазех, автор стихов, воспевающих земную красоту, любовь. С жалостью и удивлением слышит Вазех, что юноша Фатали, обучающийся у него секретам почерка «насталик», хочет посвятить себя служению религии: «Значит, ты хочешь стать мошенником и шарлатаном?» Немало озадачив ученика этим вопросом, учитель сказал еще: «Мирза Фатали, свою жизнь не проводи среди этих отвратительных людей, выбирай для себя другую профессию». С этого дня Мирза Шафи раскрывал перед юношей не только секреты искусства каллиграфии.

Мечте деда Гаджи Алескера не суждено было осуществиться. Вместо того чтобы читать проповеди с минбара, Мирза Фатали, к великому удивлению своих земляков — шекинцев, изучает русский язык в первой русской школе, открывшейся в городе,— без этого он не может считать себя образованным человеком.

С 1834 года Мирза Фатали живет и работает в Тифлисе. Помощник переводчика с восточных языков в канцелярии главного управляющего гражданской части на Кавказе, он встречается с представителями различных слоев общества. Именно в эту пору знакомится он с прогрессивными представителями грузинской и армянской интеллигенции Акакием Церетели, Хачатуром Абовяном, с отбывающим ссылку русским писателем А. Бестужевым-Марлинским. Здесь, в Тифлисе, тогдашнем культурном центре Закавказья, формируется мировоззрение Мирзы Фатали Ахундова — философа-материалиста, писателя-реалиста, одного из ярких атеистов в истории азербайджанской прогрессивной социально-политической и философской мысли.

Огромное влияние на него оказало знакомство с сокровищницей русской литературы, с произведениями русских революционных демократов. Русский язык открывает Ахундову и окно в Европу. Он изучает труды представителей европейского просвещения, происходит его знакомство с Шекспиром, Гюго, Мольером. Мировоззрение Ахундова — философа и писателя формировалось в условиях, исторически важных для дальнейшей судьбы азербайджанского народа. Втянутый в сферу влияния российского капитала, Азербайджан испытывал влияние и прогрессивной культуры русского народа, которое мы ясно видим в творчестве азербайджанских поэтов, философов и прогрессивных деятелей того времени.

В лице Мирзы Фатали Ахундова азербайджанская философия приобретает новый тип мыслителя и демократа: воспитанный на прогрессивных традициях культуры Востока, он органически проникся и лучшими идеями прогрессивной культуры России и Запада. На основе этого синтеза он создает свою философскую систему, направленную против мусульманской схоластики и фанатизма, против восточного деспотизма и религиозного мистицизма.

В философских взглядах Ахундова нет места сверхъестественному творцу. Природа, по его теории, — и творец и творимое. Здесь Ахундов подходит к объяснению происхождения бытия как философ-материалист. Природа — как субстанция и сущность всех вещей — не имеет причины и не нуждается в ней, пишет Ахундов. Он убежден также, что объективный мир, существующий, изменяющийся и развивающийся только по своим внутренним законам, познаваем.

В истории философии Азербайджана Ахундов занимает особое место как один из блестящих критиков идеологии ислама и религиозной идеологии вообще. Наиболее ярко и последовательно взгляд его на религию выражен в знаменитом философском трактате «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ на них сего последнего». Сам Ахундов так писал об этом: «Кемал-уд-Довле» является таким произведением, которое до сих пор не имеет себе равного в своих доказательствах, в открытом разоблачении мусульманской религии». Он считал, что религия является продуктом определенной ступени исторического развития общества. А раз так, то она должна и исчезнуть на определенном этапе истории. «Религия — это выдумка, обман и ложь», — смело заявлял он, рискуя навлечь на себя гнев сильных тогдашнего общества, одним из надежных устоев которого была именно религия.

Воинствующий атеизм Ахундова наглядно выразился в его критике священной книги мусульман — Корана. Книга эта не раз до Мирзы Фатали Ахундова была объектом критики представителей прогрессивной философской мысли Востока. В средневековье философ аль-Кинди отмечал множество противоречий в тексте Корана, а прославленный среднеазиатский мудрец аль-Бируни требовал размежевания науки и религии, тем самым отвергая догмы Корана. Разумеется, критика эта в то время не могла быть последовательной, исчерпывающей.

Ахундов подошел к Корану с позиций материализма и воинствующего атеизма. Прежде всего он доказывал, что Коран — никак не «откровение» самого Аллаха, а обычный продукт творчества людей, в частности Мухаммеда — основателя мусульманской религии. Мухаммед — умный, энергичный и ловкий человек, исходил совсем не из божественных предписаний, а из вполне земных, политических и экономических целей. Ахундов считал, что легенда Корана о боге как творце мира — самая вредная из всех мусульманских легенд. Материальный мир, существующий во времени и пространстве на основе законов, присущих самой материи, возник без вмешательства сверхъестественных сил, доказывает философ.

Коран приписывает Аллаху, хотя и в превосходной степени, то, чем обладают люди: бог обладает зрением, осязанием, памятью, умом и т. д. и т. п. Если это так, иронизирует Ахундов, то бог и человек тождественны, следовательно, и человек может быть творцом природы? А ведь этого ислам никак не допускает.

Религиозная мораль, изложен-

ная в Коране, вызывает гнев Ахундова. Она, по его убеждению, оказывает пагубное влияние на нравственность, воспитывает в человеке раболепие и лицемерие, снимает с него ответственность за свои действия, оправдывает деспотизм и произвол власть имущих. А справедливость и правосудие, якобы присущие кораническому богу? Если бог существует и он справедлив, зачем же допускает самую величайшую несправедливость: одного делает господином, а другого его рабом?.. Изучая текст Корана, Ахундов приходит к выводу, что изображенное в этой книге божество — жестокое, бесчувственное и страшное, обрекающее людей на истребление. Муки, которым подвергаются грешники в аду, в миллион раз превышают меру их преступления. Разве согласуется подобное с качествами бога, которые видят в нем верующие: милосердный, щедрый, милостивый, источник блага? Такой жестокий, такой мстительный бог с его адом, горько заключает Мирза Фатали Ахундов, хуже всякого изверга...

Впервые в истории азербайджанской философской и общественно-политической мысли Ахундов оценил реакционную роль ислама как орудия духовного порабощения народа. Ислам он называл «системой» надувательства простолюдинов ради «пятидневных плотских наслаждений кучки имущих» и с горечью отмечал: «Ислам со времени своего возникновения доселе не принес нашему отечеству ни малейшей пользы, кроме вреда».

Особенно резко выступал философ-демократ против религиозного учения о превосходстве правоверных над неверными, разделяющего народы, исповедующие разные религии, против догмы Корана, запрещающей брать «неверных в друзья». Ахундов призывает разрушить этот запрет, стать на путь общения с другими народами, заимствовать у них науки и искусства.

Казалось бы, весь огонь критики Ахундов направляет против догм ислама. Не значит ли это, что он более снисходителен к другим религиозным учениям? На этот вопрос отвечает он сам: «Не выводи, любезный Джелалуд-Довль, из моих слов того заключения, что я лично изменил исламу и отдаю предпочтение какой-либо другой религии; напротив того, ко всем вообще религиям совершенно равнодушен и ни к одной из них не питаю сочувствия... Все религии я считаю вымыслом».

Ахундов был страстным поборником женского равноправия. В этом он тоже шел против всех установлений ислама, закрепившего на Востоке неравенство мужчины и женщины, низводившего женщину до положения предмета домашнего обихода, ценимого в зависимости от красоты, молодости, здоровья, трудоспособности. Ахундов призывал общество предоставить женщине-мусульманке достойное место, дать ей возможность получить образование, заниматься общественной деятельностью. Он верил, что настанет время, когда женщины-мусульманки, сбросив с себя черную чадру, станут активными строителями новой социальной действительности.

С Ахундова в азербайджанской философии начинается не только новый этап в истории материализма и атеизма. Он явился создателем эстетической системы, основанной на философском материализме, родоначальником литературной критики.

В своих теоретических статьях и письмах, касающихся проблем эстетики и литературной критики, Ахундов высказывал взгляд на предназначение писателей и поэтов: они должны создавать высокохудожественные произведения, необходимые и полезные народу, только служение ему приносит бессмертие. Он призывал поэтов Востока отойти от традиционных красот, бросить воспевать гурий и святые деяния пророка Мухаммеда и его потомков и обратить взор к насущным нуждам и потребностям народа. Художники должны активно участвовать в преобразовании социальной действительности. И сам он показывал пример именно такого отношения к искусству и литературе, призванным пробуждать общество к новой жизни, к прогрессу. Его литературное творчество — поэзия, яркая драматургия, полная аристофановского юмора, — поднимало актуальные проблемы современной жизни. В его произведениях проявилась ненависть к восточному деспотизму — злейшему врагу народа, ко всякого рода поработителям, к насилию. В них звучал призыв к равенству — сословий и народов, наций, мужчин и женщин.

Ахундов считал науку и просвещение основными двигателями прогресса. Обучить народ грамоте, по мнению Ахундова, можно лишь в том случае, если заменить арабский алфавит новым, более легким. Однако огромный труд Ахундова, его героические усилия по замене арабского алфавита разбивались о стены ледяного равнодушия. Правительства Ирана, Турции отвергли проект Ахундова. Ахундов обратился к английскому, французскому, австрийскому, прусскому правительствам. Он тешил себя надеждой, что в этих просвещенных странах его проект встретит одобрение и новый алфавит будет введен в училищах восточной словесности и таким образом — через Европу — совершит путешествие по назначению — в мусульманские страны. Но и этим планам Ахундова не суждено было осуществиться. Оставалась одна лишь надежда — на потомков. «...Грядущее поколение и наши дети, несомненно, претворят в жизнь наши идеи», — писал Ахундов.

Вещие слова. В Советском Азербайджане осуществились мечты великого демократа-просветителя, для которого смыслом жизни была забота о благе и счастье своего народа. «Когда я вспоминаю положение своих соотечественников, сердце мое обливается кровью. Я готов пожертвовать всем за народ, я друг своему народу. Наша цель заключается в том, чтобы высоко поднять знамя свободы, справедливости и дать народу возможность спокойно строить свою жизнь, идти к благоденствию и достичь зажиточной жизни».

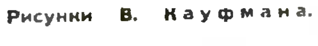
Сегодня народ, из которого вышел Мирза Фатали Ахундов, народ освобожденный, просвещенный, воздал должное своему великому сыну. Мирза Фатали Ахундов всегда в строю бессмертных борцов за счастье и прогресс человечества.

г. Баку

ПОВЕСТЬ

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕУЧЕТ

Симон СОЛОВЕЙЧИК


Рисунки В. Кауфмана.

ИСТИНЫ

Целый день во всем отыскивал противоречия. Очень здорово! Но не обман ли это все? Какая разница между противоречием «есть» и «не есть» — и просто серединкой?

Нет, на этот раз сомнение не сгрызет мой ответ. Мышь сомнения не сточит сухарь моего ответа, вот как! Потому что серединка есть серединка — и все. Серединка статична, а тут — движение и борение. Вот этого не забывать, про движение. Ответ — в движении, все ответы — в движении!

А если не совсем отчетливо понятно, что это значит, если это нельзя представить себе — что ж. Свет — и волна, и частица. Пойди, представь! Нейтрон и находится в данной точке, и не находится — пойди представь. Почему все надо представлять? Представление — слабая, отсталая способность нашего разума. Невозможно представить себе даже такую простую вещь, как движение Земли вокруг Солнца. И все-таки она вертится!

...А и дурак я все-таки, честное слово. Когда-нибудь буду со смехом рассказывать, как я сам, лично, в шестнадцать лет открыл диалектику. Но что же делать, если все в мире уже открыто?

Нет, не все открыто, это неправда! Философия начала мира требует, чтобы все истины каждый день открывались заново — иначе они устареют и погибнут. Кто-то должен каждый день открывать все истины снова, хотя бы для себя, это единственный способ существования истины!

Истинные истины не бывают старыми, они всегда выглядят новорожденными, свежими, иначе это не истины. Или, если применить мое открытие, они и старые — они и новые! Они из прошлых веков — они и сегодняшние. Нет старых истин, все, что истинно, — ново!

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ УДИВЛЕНИЯ

Господа присяжные заседатели!

Люди и джентльмены!

Сегодня перед нами на скамье подсудимых два самых необычных обвиняемых за всю историю юриспруденции — восклицание и удивление, представленные здесь двумя соответствующими знаками. Вот они перед вами, столь разные на первый взгляд, что даже непонятно, как могли они вступить в преступный сговор: восторженный знак восклицания, готовый каждую минуту возликовать и улететь от своей точки в надзвездные выси, и согнувшийся под тяжестью измучивших его проблем знак вопросительный. Однако, как видно из выступлений свидетелей и вчерашней речи уважаемого прокурора, они действуют вместе, действуют на протяжении тысячелетий. И мы в своей защитительной речи не станем отрицать очевидного факта: да, они заодно. Они проникают почти в каждый текст, и тщетны попытки избавиться от них. Господин прокурор в ярких красках изобразил нам трагическую картину борьбы человечества с двумя этими злоумышленниками. Он показал нам, как вопросительный знак, этот извивающийся червь сомнения, терзает души людей, лишает их уверенности в себе, в своих силах и даже веры в жизнь. И мы все могли наблюдать вчера, как под тяжестью обвинений г-на прокурора подсудимый вопросительный знак еще больше согнулся над своей точкой, словно пытаясь ухватиться за нее, словно он уже видит себя выведенным на эшафот и под ликование толпы навсегда оторванным от его спасительной точки.

Нельзя также не отметить той части речи г-на прокурора, которая касалась второго злоумышленника. Достаточно напомнить перечисление бед, принесенных человечеству восклицательным знаком: беспочвенные романтические бредни, украшенные восклицаниями («ах!»), унылые бесполезные сетования («ох!»), несбыточные надежды, буравчиком-восклицанием внедрявшиеся в сердца юношества, в сокровенные глубины неопытных душ.

Мы все находимся под влиянием блестящей речи прокурора, и мне незачем напоминать ее. Чего стоит, например, одно только сравнение, показывающее высокую литературную образованность моего уважаемого оппонента, а именно сравнение знака вопроса — с Гамлетом, восклицания — с Дон Кихотом и благоразумной трудолюбивой точки — с Робинзоном Крузо. У меня и сейчас еще стоит в ушах овация, которую устроил зал, когда г-н прокурор призвал покончить с Гамлетами и Дон-Кихотами как с чуждыми нашему времени людьми и навсегда избрать себе идеалом образ Робинзона Крузо, образ маленькой точки, затерянной в океане, спокойной во всех обстоятельствах, невозмутимо продолжающей свое дело, не ахающей, не охающей, не знающей никчемных сомнений. Итак, не Гамлет, не Дон Кихот — Робинзон Крузо. Не вопрос, не восклицание — точка. И я не могу не удержаться и не поставить в конце этого предложения восклицательный знак, быть может, в последний раз, если суд будет строг и немилостив к моим подзащитным: точка объявлена символом современного мира!

С грустью должен я упомянуть, что и выступления свидетелей и экспертов также были не в пользу моих подзащитных. Факты, приведенные ими, кажутся неопровержимыми. Из многочисленных выступлений перед высоким судом отмечу лишь показания ученых, в один голос утверждающих, что эти два бедных знака давно уже изгнаны из научных изданий, и что если в них изредка встречается вопрос, то лишь для того, чтобы тут же был дан и ответ. Специалисты-науковеды с цифрами в руках доказывают, что в научных трудах не содержится и десятка восклицательных знаков. Эксперты-администраторы в свою очередь показали, что эти знаки давно изгнаны также из деловой речи, — и вы помните, что им, этим экспертам, стало дурно от одного только предположения, будто в деловой документ может проникнуть восклицательный знак, — и г-ну председателю пришлось прервать заседание, чтобы привести разволновавшихся экспертов в чувство, дабы столь важный процесс не был омрачен никаким печальным событием. К счастью, все обошлось, и я рад поздравить коллег с выздоровлением. Но нельзя не упомянуть еще и о заявлении экспертов-психологов, которые показали, что уже к концу XX века человечество полностью лишится способности удивляться. Как заявили уважаемые эксперты, победа науки лишает

Окончание. Начало см. в № 2.

знаки вопроса и восклицания всякой почвы, и, таким образом, неявно была высказана мысль, что знаки вопроса и восклицания сдерживают человечество в его движении вперед, это гири на ногах прогресса, и чем скорее мы от них избавимся, тем лучше. Нет более легкого способа приблизиться к образу человека будущего, чем сегодня же отменить и запретить знаки вопроса и восклицания.

Что же, уважаемые люди и джентльмены, что же?

Я чувствую свое одиночество в этом зале, глубокое одиночество. Я всматриваюсь в ряды кресел и ни в ком не вижу сочувствия и поддержки. Судьба моих подзащитных решена, и трудно адвокату бороться с общественным мнением, особенно в наш век, когда убедительное и скромное красноречие больше не влияет на сердца людей. Люди отвернулись от чувства и склонились на сторону факта. Вот почему так высоко ценится точка, утверждающая факт, и так презираемы восклицание, удивление и вопрос. Маленькая точка, примостившаяся в самом конце строки, в самом низу ее, такая маленькая, что при плохой печати она порой и вовсе исчезает, этот карлик среди типографских знаков побеждает двух могучих великанов— знак восклицания, который всегда равен самой большой букве, и знак вопроса, который настолько велик, что ему пришлось согнуться, чтобы поместиться в строке. Да, уважаемые, я утверждаю, что вопрос — самый великий из знаков, он больше ответа, он больше восклицания. Вопрос — это восклицание, не влезающее в строку, и оттого согнувшееся. Так обнаруживается единая природа этих знаков, и не случай свел их на этой печальной деревянной скамье.

Я не могу не признать, что сегодня человечество удивить почти невозможно. Объяви в газетах, что человек может жить 900 лет.. кого этим удивишь? Девятьсот, так девятьсот... Открытия следуют одно за другим, и кажется единственный способ удивить мир —это прекратить развитие науки. Да и то вряд ли этому удивятся! «Без науки, так без науки», — вот какова будет реакция. Самые глубокие тайны мира, тайны мысли, тайны чувства раскрывают свои объятия людям, но оставляют их безучастными. «Все до лампочки!» — вот кажется единственное восклицание, которое еще бытует, да и то скорей без восклицательного знака, а с полной невозмутимостью. «До лампочки»— и точка.

Влюбленные больше не восхищаются: «Я люблю тебя!» — они произносят эту пылкую по природе своей фразу так, будто выдают удостоверение: «Я тебя люблю». Восклицать — стыдно, удивляться — глупо, восхищаться — подозрительно. В этих эмоциях видят бескультурье, ибо современное представление о культуре требует, чтобы все было сведено к благообразной кругленькой точке — она ни за что не цепляется и уцепить ее невозможно, не то, что, скажем, знак вопроса, выставивший свой крюк в открытый мир.

Что ж, господа! Пусть исчезнет удивление — и вместе с ним все науки, ибо, как сказано, наука — дитя удивления и любопытства. Пусть исчезнет родственное удивлению восхищение и вместе с ним радость открытия и само открытие. Пусть исчезнут люди, способные наивно удивляться и пылко восхищаться, пусть все будет в одной строке, в одном ряду, по одной мерке, и серость станет определяющим цветом человеческого мира. Обнаружено ведь, что эмоции — это всего лишь временные заместители знания, что они рождаются, где есть недостаток в информации. Знание растет — эмоции гибнут. Пусть они погибнут совсем! Но я предупреждаю вас, что вместе с ними погибнут и знания. Вопрос всегда указывал человеку цель, восхищение всегда вело человечество к цели. Пусть исчезнут цели, прекратится движение к цели, пусть! Но я предупреждаю вас, что это будет концом человечества. Избирая главным символом точку, знак, приговора, человечество подписывает смертный приговор и себе, оно само обратится в точку и в один несчастный день будет небрежно опущено в результате случайной типографской ошибки, и некому будет даже оплакать его бесславное исчезновение — никто не заметит оплошность наборщика.

Вы этого хотите. господа? Для этого вы собрали свой суд? Что же, судите — подтрунивайте над восторгом, насмехайтесь над всяким, разинувшим рот от удивления, морщитесь от восхищений, как от зубной боли, — ваше дело. А я верю, что Гамлеты и Дон Кихоты не перевелись, что это их вечной мукой движется мир, и потому я удаляюсь из этих позорных для человечества стен. Желаю вам благоденствовать, многоуважаемые точки!

...Такую произнес бы я речь. А потом при общем шуме и переполохе сдвинул бы набекрень свою черную адвокатскую шапочку, схватил бы подсудимых, укрыл бы своей мантией и исчез бы... Бесследно исчез.

МОСТ

Дел — невпроворот. И все же я недоволен собой. Что-то странное происходит со мною.

Иногда мне кажется, будто я полностью потерял способность управлять собой. На каждом шагу что-то вытворяю, потом сам себе удивляюсь, словно развожу руками: «Ничего не могу поделать». Вдруг появляется желание что-то сломать, испортить, чтобы все стало плохо. Вчера чуть ли не впервые в жизни нагрубил матери. Встал утром — а в школу идти не хочу. И так уже который раз... Или эта глупая история с коробочкой... У меня такая коробочка металлическая была, из-под лекарства, что ли, не знаю, но ее забавно было открывать и закрывать, щелкает приятно. И вот стоял на мосту, коробочкой играл, и вдруг думаю: сейчас разожму руки — и нет моей любимой коробочки... Постоял, постоял и разжал пальцы... Так жалко ее было, коробочку! Не то, чтобы я стремился к несчастью, нет, но вот что-то натворить хочется, что-то сделать несусветное; и я изо всех сил сдерживаю себя, чтобы не наскандалить, не сорваться. Очень стыдно, потому что, мне кажется, все это замечают.

И что я за человек!

Прежде все было относительно спокойно. Мне чего-то хотелось — я этого добивался или не добивался, как уж придется. А теперь всякое желание захватывает душу, жжет, дергает, как больной зуб. Все мне кажется ничтожным. Например, все мои рассуждения, весь мой «великий переучет», вся моя «философия». Она ведь почти не влияет на мою жизнь. Жизнь — сама по себе, а философия — сама по себе. Или это мне кажется? Нет. Во всяком случае, о полном совпадении говорить не приходится. Где же мост? Проблема «моста» между мыслью и действием, между взглядом и поступком — эта проблема становится все более серьезной. Как навести мост? Люди без «моста» живут или в одном — рассудочном мире, или в другом— мире действий. Но существенной разницы между ними нет: это люди одного берега, а не двух. Односторонние, однобережные.

А может быть, «моста» нет оттого, что я ничего в жизни серьезное не пережил? Серьезное — это что-то такое, что относится к жизни и смерти или хотя бы к судьбе. Я ни разу в жизни не совершил поступка, который как-то повлиял на мою судьбу.

Может, оттого такое расхождение, что серьезные проблемы прикладываются к несерьезной моей жизни? От несовпадения масштабов? Очень

трудно построить мост между горой и камушком! Если нет значительных решений, важных выборов, серьезных поступков, если нет этого, то как может такая бессодержательная жизнь согласоваться с каким бы то ни было содержанием в мыслях?

Итак, отсутствие «моста» — не порок моих размышлений, а порок моей жизни. Такой вывод я должен сделать. Я живу **несмело**, вот в чем дело. Я прячусь от жизни. Я презренный школяр.

ПРО ЭТО

Какая-то пошлость на меня накатывает. Например, не могу на девчонок смотреть, глаза отвожу. Мне кажется, все понимают, о чем я думаю.

Словно во мне два человека, словно я тетрадный лист с двумя страницами: одна чистая, другая...

Но как я могу думать и говорить о жизни? Что я о ней знаю? Нет, меня не пугает грязь, я не чистюля, брезгливости во мне нет. Но что-то... Или я просто трус?

Ну, конечно, я даже здесь, в тетради, стыжусь написать все, даже здесь хочу выглядеть хорошим, даже перед собой. Дурацкое стремление!

Легко, наверно, дурным людям — они свободнее. Они уже переступили нечто, освободились, а на мне вериги мною же самим придуманной «хорошести». Как скучно быть «хорошим»!

Что-то я измучился. Что я такое? Что я могу? Что я сижу тут и выдумываю? «Открытия», «открытия»... Придет человек и спросит: «Что ты сделал за год, за жизнь? Что понял? Как изменился?»

И что я отвечу?

Пришел бы кто-нибудь сильный, добрый, посмотрел бы в глаза мне и сказал, кто я есть. Всю правду сказал бы!

Врешь, врешь, всей-то правды ты и боишься. Ты надеешься — я знаю тебя! — ты уверен, что ты не посредственность, что ты значительная фигура, главная... Вот тебе какую правду надо. Но только посредственность и нуждается в том, чтобы пришел «добрый и сильный» и вытащил из болота неуверенности. А «главные»-то сами вылезают спокойненько. Они и не бродят по болотам.

ЗАВИСТЬ

Нет, ничего не помогает. Никакие пылкие восклицания. Пожаловаться кому-нибудь? Но зачем? Что изменится от моих жалоб?

Совершенно ясно: я бесталанный человек. Я хотел научиться думать, завел эту тетрадь, я рассуждал, пыхтел изо всех сил, но все это без толку. Не так-то просто, оказывается начинать новую жизнь в шестнадцать лет. Поздно! Я опоздал. И теперь уж ничего не сделаешь.

А главное, меня угнетает то, что, оказывается, я завистлив. Ужасная, стыдная болезнь!

Сегодня литераторша рассказывала о новом толковом словаре, где все понятия описываются примерно так:

Зависть: икс имеет «а»; игрек не имеет «а»; игрек хочет иметь «а» и не хочет, чтобы икс имел...

Каждый раз, когда я испытываю зависть, сердце вдруг становится тяжелым. Ничто так не давит человека, как зависть.

Чему я завидую?

Вещам? Нет, этого никогда со мной не было.

Но когда люди умеют хорошо делать то, чего я не умею, — завидую. Я завидую успеху. Ужасный порок! Ведь это неправда, будто бывает «хорошая зависть». Слабенькая попытка справдаться. Зависть не может быть хорошей, она всегда позорна. Что-то хотеть — хорошо. Что-то хотеть потому, что этого добился другой,—позорно. Ты хочешь сравняться. Ты не сам по себе, ты примеряешься к кому-то. Зависть— коварная форма зависимости. Да не одного ли корня эти слова — «зависть» и «зависимость»? Завидовать — значит унижаться. Вот почему зависть прячут: кому хочется показывать свое унижение? Злость, ненависть, неприязнь — не скрывают, а зависть стараются спрятать. Интересно, может быть, все люди завидуют? Но никто никогда и ни за что не признается в зависти... Нет, признаются и даже очень легко, когда речь идет о чем-то далеком. Актеру на киноэкране завидуй сколько угодно и говори об этом во всеуслышанье: «А я, мол, ему завидую!» Но это не зависть, это не мучительно, это просто способ выразить желание. Истинная, подлая зависть — к близкому. Если ты думаешь, что любишь человека, а сам хоть немного завидуешь ему — значит ты его не любишь.

Постой, постой, не здесь ли отгадка? Ведь есть люди, которым я ни разу, нисколько, ни в каких уголках души не завидовал.

Как хорошо — даже отлегло от сердца. Я их люблю — поэтому не завидую!

И, может, каждый раз, когда я почувствую зависть к кому-нибудь, надо постараться сосредоточиться мысленно не на себе — на нем, постараться полюбить его? Может, это подавит зависть и принесет облегчение?

Отчего мне всюду совать себя, примысливать себя к каждому положению?

Походил по комнате, вспомнил все случаи, когда я испытывал зависть, такие случаи, что и написать о них невозможно, попытался мысленно полюбить тех людей, которым завидовал, и обнаружил, что это вполне возможно, но не для меня. Я не способен любить, я никогда не люблю. Никого не хочу видеть, такая пустота в душе. Лечь бы, отвернуться к стене, накрыться с головой — и не двигаться...

О СОВЕСТИ

Что же это такое? Я ни в чем не пошел против совести, и все же она меня грызет.

Но что такое совесть? Откуда она знает, что плохо, а что нет, почему не умолкает, мучит?

Пойдем от обратного. Представим себе, что совести нет. Человек ли я? Конечно, нет.

Ага, понятно: совесть — это все человечное, что есть во мне. Да, верно, это правильная мысль. Совесть — это сгусток человечности в душе. Люди должны были совершить миллионы благородных поступков, миллионы раз жертвовать своей жизнью, чтобы наша совесть знала о благородстве и бескорыстии. Люди совершили миллионы подлостей, предательств, воровали, убивали — и наша совесть знает, что значит красть, убивать, предавать и подличать.

Все, что я знаю и не знаю, все, что было с человечеством, —все во мне, хочу я этого или не хочу, все — моя совесть. Физическое существо, человек, носящий мое имя, то есть я, может делать гадости, но моя совесть не может. Она страдает и вовлекает меня в свои страдания.

Совесть — именно то, что делает меня человеком, сгусток человечности во мне. Но ведь у собаки тоже совесть есть? Или, может, это от общения с человеком?

А, вот как интересно выходит. Не знаю, как насчет собак, но у людей совесть появляется именно от общения друг с другом, в результате общения. Совесть — это что-то общественное во мне. Совесть — моя, но она не только моя, она общественная. Сгусток общественного во мне. То, что делает меня частицей общества, то есть человеком.

Нет, нет, не так, я самого главного не уловил. Совесть— это не просто человечное во мне, это боль за человечество, за людей! Совесть — это боль в душе!

Когда совестно? Когда кому-то причинил боль, когда от моего действия или бездействия кому-то больно. Если бы не было совести, люди не знали

бы, что другим бывает больно. Совесть — чужая боль во мне, боль за других. Стыд— боль за себя (хотя и говорят «мне за него стыдно», но это перенос). Совесть — боль за других.

Так что же выходит, поступать против совести, не слушать ее угрызений — значит идти против себя и против общества?

Ох, кажется я понял простую вещь. Да ведь надо делать лишь одно: доверять своей совести, полагаться на нее и следовать своей совести! Радостно подчиняться своей совести и отказываться от всякого шага, если он против совести. Так легко! Мол, рад бы, да не могу.

Сколько раз я себя подводил, не счесть, а совесть моя— не подводит. Она исправно делает свое дело: грызет. Да к чему это говорят: «неподкупная совесть», «не идет против совести», за что это хвалят совестливых? Это же самое простое и легкое — во всем следовать совести. Это почти беззаботная жизнь!

НЕЧТО ТАКОЕ

Странно устроен человек— то, о чем он больше всего думает, он не может произнести не только вслух, но даже самому себе. Боится слишком трудных вопросов? Ведь всегда заранее чувствуешь, решишь ты задачу или нет. И если знаешь, что решения не будет, с такой тоской берешься за нее!

Вот и это. Сколько раз, открывая тетрадь, я придумывал названия: «несправедливость», «мерзость» — но одни названия отбивали охоту писать дальше...

Предположим, я кончу школу, потом институт, займусь наукой... И вот я в научной лаборатории, куда мерзости нет доступа — там на дверях для нее запретный знак вроде знака радиоактивности.

Там будет хорошо. А этот мир? Он куда денется? Испарится?

Не ищу ли я для себя каких-то привилегий?

Интересная работа, чистая совесть...

Что делать?

Как соединить высокие понятия, философские размышления, моральные определения — с земным миром? Высокое и низкое, философское и бытовое... Как перекинуть мост? Или выбрать из двух миров один и в нем жить? Но я не хочу жить ни в одном из этих миров: ни в высоком, ни в низком. Жить в высоком — значит жить зажмурившись. Жить в низком — значит жить в зависти и в злобе. А где мост? Снова и снова: где мост?

Да что там — в мире! Даже в себе самом, в своей душе, в своей жизни не могу я остаться чистым.

Неужели здесь, в этой точке рушится вся моя постройка?

«А ты борись! Вот ты и борись, чтобы всем было хорошо...»

Ладно, я согласен бороться. Я даже готов поверить, что из этой борьбы что-то выйдет. Но я-то буду «бороться» и это будет мое счастье, и опять моральная привилегия, опять я выше, опять — хороший («я борюсь»). Опять у меня-то хорошая жизнь, в борьбе, а там, за стенкой, у других? Опять мне лучше других!

С этим трудно примириться. Совесть жжет.

А может, и не считать, что все вокруг меня должно быть до конца справедливо? Но как к этому привыкнуть? Как смириться со всякими «что поделаешь?», «ты не знаешь жизни» и так далее?

Не знаю, как и выпутаться,— душа уговоров не принимает.

...А-а, миленький, а ты что хотел? Все вопросики на всю жизнь решить, а потом валяться на диване? Ты хотел некую систему придумать и носить ее в верхнем карманчике? Чуть что — вынул, справился и, поплевывая, дальше пошел? Так нет же, не будет этого. Не проходит насчет дивана-кровати. У жизни, видишь ли, всегда в запасе еще один вопросик есть, последний. Ты раскусишь его, а у нее еще один, самый последний. Так и живи. А ты что думал?

Да и как же ты смеешь ждать от мира чистоты и справедливости, если ты сам грязен? И все твои мучения лишь попытка оправдаться перед собой? Найти лазейку?

ГРЕХ

Кажется, сегодня вовсе не существует понятия «грех». Очевидно, считается, что грех —это проступки перед богом. Бога нет— нет и грехов. Удобно. А вина перед собой — не грех? Перед людьми—не грех? Говорят, не грех, а «недостаток» — как «недостача». Словно внутри меня магазин и кто-то проворовался. Не нравится мне этот коммерческий подход: достоинства, недостатки... Так просто: выполол недостатки, покрыл недостачу и ходи чистенький.

А я чувствую свою вину и свой грех. Даже во множественном числе — грехи. Этакое непрерывное жжение, или нет, скорее «прерывное». Идешь себе по улице, ничего не случилось, и вдруг ни с того ни с сего вспомнишь...

Ну да, я могу найти тысячи оправданий, я всему могу найти оправдания, но они не помогают. И если бы я хоть на исповедь пошел, все равно я никогда бы ни в чем не признался. Вот чего мне вовсе не хочется: бить себя кулаком в грудь и кричать, что я плохой. Ненавижу, когда люди о себе плохо говорят.

Не могу видеть человека униженным. Избитым — могу, а униженным нет. Какие-то у меня извращенные чувства. Вместо жалости к человеку — нелюбовь к нему. Потом нелюбовь к себе за эту нелюбовь. Все, что у других людей вызывает жалость, у меня оборачивается неприязнью. Жалость— это ощущение собственного бессилия. Если кто-то унижен, а я не могу восстановить справедливость, я унижен точно в такой же степени.

Оттого-то у меня вместо жалости — злость. На всех: и на унижающего, и на униженного, хоть он не виноват, и на весь мир, где возможны унижения. Я знаю—это плохо, жестоко, но ничего не могу с собой поделать.

Разве можно жить на свете, если есть хоть один человек, которому нельзя взглянуть в глаза? Разве у постели больного не чувствуешь себя виноватым в том, что ты здоров? Так хотелось бы взять на себя его боль, чтобы он выздоровел! Но ты не можешь сделать этого и чувствуешь себя виноватым. Бессилие помочь людям — вот грех. Даже если прямой вины нет, все равно—вот грех человека. В чем ты бессилен, в том и виноват! Бессилие помочь и предательство — два смертных (в смысле «до смерти») греха, и думаю, что этим список исчерпывается.

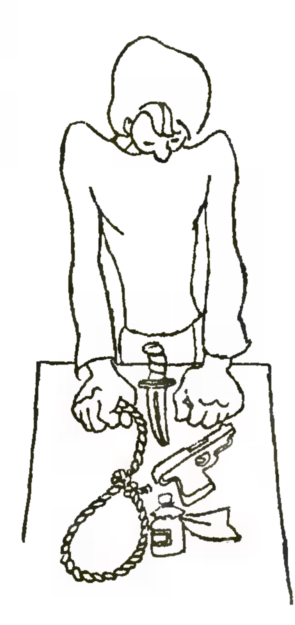
НЕТ ВЫХОДА

Обычно в книгах описывают поступки, и по этим поступкам читатель должен понять внутренний мир героя. Если бы я был писателем, я бы сделал наоборот: я бы изобразил внутренний мир героя, его мысли, и пусть по этим мыслям догадываются о поступках героя, если хотят. Когда-нибудь люди будут узнавать друг друга не по лицу («отличать»), а по образу мыслей — «отмыслять».

Или нет, пожалуй, я не прав. Разве можно было бы по моему образу мыслей (да есть ли у меня свой «образ мыслей»?) судить о моих поступках? Увы... Они так расходятся, мои глупые мысли и жалкие мои поступки...

Пытаюсь представить себя со стороны — таким, каким видят меня мои одноклассники. Что они обо мне думают? Никогда не интересовался этим, но все же... Что они обо мне думают? Сидит в углу класса некий светловолосый молодой человек с детским лицом, с припухлыми губами, сидит и вечно трет лоб тыльной стороной ладони. Не слишком умный — потому что не остроумный, а умными у нас считают-

ся только остряки. Не слишком общительный, но все же и не угрюмый: все-таки иногда может и отозваться, если его долго выкликать: «Сергей! Сергей! Разин! Ну Разин же!» По своей доброй воле ни с кем в классе не заговорит, но если его спросить о чем-нибудь, о чем он думал и может что-то сказать, — скажет, вступит в разговор. Если весь класс убегает с урока — и он исчезает охотно; если собрание — он на собрании, но выступать не станет, хоть режь его. Друзья? Друзья у него есть, но какие-то странные, из тех, кто совсем не заметен в классе... Да, еще он завзятый прогульщик, по неделям иногда в школу не ходит и, главное, справок не приносит, и хоть ты ругай его, хоть не ругай — бесполезно... А что он делает, когда прогуливает? Кто его знает... Может, задачи по физике решает, а может, просто по городу шатается. Попросите его с чем-нибудь — ну, подежурить в классе вне очереди или на субботник прийти — подежурит и придет. Про него точно известно, что он не ябеда, не завистник, не циник, не хулиган, не тупица, не, не, не, не, не... А что он — да? Пауза. И лишь один я знаю, что имя мне — ничтожество... Ведь, в сущности говоря, я обманщик. Ну, да, конечно... Если бы все мои поступки, все мои мысли были известны каждому — меня обсуждали бы на всех собраниях, меня презирали бы даже первоклассники, мне свистели бы вслед и кидали бы в меня грязью.



Оказывается, самое страшное на свете — это врать.

Все, хватит — не хочу больше врать, не хочу казаться лучше, чем я есть, не хочу перед совестью своей врать, считаю это подлостью! Не хочу так жить!

Говорят: «умереть со стыда». Но что-то я не слыхал, чтобы кто-нибудь от стыда умер. Что ж, пусть хоть в этом я буду первым...

Вот уже неделя прошла с тех пор, как я принял решение. Серьезная, спокойная, сосредоточенная неделя. Никакой паники, мысль работает четко, в голове полная ясность, только темп мыслей и движений, я чувствую, замедлился. Спешка и суета стали не то чтобы отвратительны, а просто невозможны; и затем многие вещи потеряли свое значение — появилось нечто главное, то, что важнее всего. Единственная забота—сделать так, чтобы никто ничего не заметил, предупредить расспросы типа: «Что с тобой?» Все должно быть спокойно, никаких эффектов, никто не должен вмешиваться в мои дела, а я не должен давать повода для такого вмешательства.

Даже странно, до какой степени я спокоен. Я тщательно все обдумал, со всех сторон, последовательно, стараясь не упустить из виду ни одного обстоятельства. Разумеется, я «потом» жалеть о сделанном не буду, — но это непоправимо, и потому нужно отчетливое сознание. Я не уговариваю себя, не взвинчиваю, у меня нет страха. Я совершенно не чувствую страха. Страх может возникнуть перед дракой: неизвестно, ты ли побьешь, или тебя побьют. А в этом случае страху взяться неоткуда: все заранее известно. Можно было бы ничего и не обдумывать; но я боюсь одного мгновения: последнего. Я не хочу умирать, не желая умирать. Я не хочу умирать с отчаянной мыслью: «Что я наделал, зачем я это делаю?» Умереть не страшно, страшно — умирать. Но я боюсь и жизни, похожей на постоянное умирание—когда умираешь каждую минуту. Я ненавижу страх: от него умираешь. Я ненавижу унижение: от него умираешь. Я не прошу бессмертия, но я прошу одной смерти — а не трех, и не тысячи, и не ежедневной. Я родился один раз и живу один раз, и я имею право требовать, чтобы я и умирал только один раз.

Мне спокойно, потому что это мой долг, я чувствую его так же осязаемо, как воздух, как землю под ногами. Долг— это не выдумка, не фантазия, он не поддается никаким умозрительным ухищрениям: он есть. И я не то что обязан с ним считаться, а физически не могу с ним не считаться, как не могу, пока жив, не дышать.

Просто долг, вот и все. Если война? Человек идет на войну, а там уж как получится — но он идет на смерть. И когда он идет погибать, никто ведь не охает над ним и не отговаривает его: «Не ходи». Плакать— плачут, но говорят: «Иди». Всем понятно. Не пойти — трусость и подлость. Не повезло, что на жизнь пришлась война, да что теперь говорить.

Что же выходит: на войне надо быть честным, а в обычной жизни можно быть подлецом? На войне — смелым, а здесь— — трусом? Скажут: «То война, высшие интересы»... Но, во-первых, и во время войны при желании можно найти еще более «высокие» интересы, оправдывающие нехождение на войну, а во-вторых, разве уменьшение подлости в мире хоть на одну капельку — не высокий интерес? Если я останусь жить, подлость пойдет от меня кругами; все, кто знает меня или узнает когда-то, — все будут невольно вовлечены в отношения с подлостью. Нет, зачем же так? Зачем мне это надо? Я не настолько дрянной человек, чтобы так дурно жить.

И тут рядышком, как гриб того же семейства, вырастает другой вопрос: а как же насчет планов на будущее? Великих целей?

Но на этот, будто бы коварный вопрос я и отвечать не стану. Я знаю себе цену в рублях и копеечках. Не хочу заниматься самоунижением, оно всегда смахивает на выпрашивание успокоительных заверений. Я упомянул об этом, чтобы просто удостовериться: я ничего не упустил из виду. Я с удовольствием ухватился бы за любое другое равноценное по результату предложение. Но его нет, кроме пошлых рассуждений типа: «А, брось, обойдется, как-нибудь проживем». Однако я не хочу жить «как-нибудь», я хочу жить вполне определенным образом; и если выясняется, что этим определенным образом я жить не могу, я не должен жить. Я не наказываю себя, не «осуждаю» на смерть. Я чувствовал себя растоптанным и раздавленным до того, как я понял, что же я должен сделать. А с той минуты, как я понял это, я успокоился и собрался.

Я не смотрю на мир жадными глазами, ни с кем не прощаюсь, не говорю себе: «Ах, это в последний раз! Ах, я этого больше не увижу!»

И сейчас кончаю писать. Когда я пишу, я волнуюсь, и в голени какое-то жжение, как при чесотке, никогда ничего подобного не случалось. А мне надо быть спокойным.

Больше не буду писать, по крайней мере сегодня. Я немного боюсь слов, и голова уже занята другим.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ СТРАННЫХ

Господа судьи! Господа присяжные заседатели!

Люди и джентльмены!

Некоторые обстоятельства глубоко личного свойства, в рассмотрение которых* я не хотел бы сейчас вдаваться, заставляют меня предположить, что это последняя моя речь в зале судебных заседаний, где мы все имеем честь присутствовать. И это, конечно, наложит некоторый оттенок меланхоличности на мою речь, придаст ей привкус прощания и сожаления; прошу извинить меня. Что с того, что и зал этот, и вы, многоуважаемые терпеливые слушатели моих ораторских упражнений, — выдуманы, не существуете, лишь плод моих вечерних фантазий. Что с того? Эпоха «плаща и шпаги» давно позади; но два предмета больше других милы мне: шпага — чтобы разить, и плащ — адво-

катская мантия, чтобы защищать.

Волею судеб на последнем моем процессе слушается дело по обвинению группы «странных», как здесь говорят, людей. Людей, совершающих неожиданные, нелогичные поступки, часто во вред себе; людей, чье поведение невозможно предугадать. Не будучи больными, не нарушая явных законов, не давая повода привлечь их к ответственности, они все же вносят своим существованием смуту и беспокойство.

Что сказать в их оправдание? Я мог бы сказать, что эти люди пострадали и вечно страдают и без нас, без нашего карающего вмешательства, ибо нет ничего хуже для человека, чем обладать беспокойным характером. Я мог бы сказать также, что мы сами толкаем их на странности, прославляя борьбу и беспокойные сердца. Справедливо ли судить за доверчивость?

Но я оставлю в стороне все эти доводы как само собою разумеющееся и перейду к главному. Я буду краток.

Я хочу сказать в этом зале несколько слов в защиту отклонения. Я хочу защитить сам этот великий принцип.

Господа судьи! Господа присяжные заседатели! Посмотрите из окон зала, попытайтесь представить перед мысленным вашим взором любое природное явление, будь то движение атома или течение ручья, — и вы всюду увидите одно и то же замечательное явление: отклонение. Отклонение — всеобъемлющий принцип движения в природе и в обществе. Всякое развитие начинается с отклонения. Мельчайшее случайное отклонение; затем попытки исправить его; новое отклонение; новые попытки — вот причины самодвижения. Все важнейшие системы регуляции, все те тончайшие механизмы, которые вызывают у нас изумление и заставляют думать о невероятном совершенстве природы,— все эти системы и механизмы появились лишь потому, что сначала было отклонение, и существуют только за счет отклонения.

Еще в далекой древности люди знали, что изначальные тела «в некое время, в месте неведомом нам, начинают слегка отклоняться». Простите мне эту цитату, я вовсе не собираюсь хвастать своей ученостью. Я лишь хочу обратить ваше внимание: «в некое время, в месте, неведомом нам».

Представим себе на минуту, что закон отклонения отменен, если только мы в силах отменять законы природы. Все тела движутся по строго заданным орбитам, все живое, не меняясь, строжайшим образом подчиняется раз и навсегда данным установлениям... Каким образом появится хоть что-то новое под Луною? Как станет возможным развитие? Да и существовало бы живое, если бы не отклонение и вызванное им развитие?

Обратимся теперь к обществу людей. Человек, бывает, движется по очень строгой траектории; но он должен прилагать усилия, чтобы выдержать эту траекторию; эти усилия и делают его человеком, иначе он был бы машиной, трамваем на рельсах.

Да, отклонение — мучительно для человека и его окружающих. Да, отклоняющиеся вызывают осуждение. Да, отклоняющийся, бывает, гибнет под гнетом обстоятельств и страстей. И все же честь и слава отклоняющимся! Они несут на себе главное бремя жизни; они выражают истинно человеческое и помогают нам увидеть его. Я утверждаю, что истинно человеческое существует именно в форме отклонения. Недаром все великие писатели во все времена изображали именно тех людей, которые отклоняются, не укладываются в обычные рамки. От Геракла и Прометея до Башмачкина и Коробочки (да простят мне это нечаянное включение величайшего и ничтожнейшего в один ряд) — все герои литературы были героями отклонения.

Но, скажете вы, мы — не герои; мы просто люди, а людям свойственно стремление к покою... Однако и покоя нет там, где нет людей, способных на яркий, неожиданный, вроде бы и неразумный поступок! Ибо лишь они, отклоняющиеся, и обеспечивают спокойное существование миллионов... Это они прыгают в огонь при пожаре, они бросаются на помощь в бедствии, они выдвигают дерзкие проекты. Да, они часто заблуждаются, бывают несчастными, приносят несчастья окружающим; они тяжелы в общежитии и вызывают много хлопот, тревог, волнений; но они не дают жизни застояться. Подобно тому, как необрабатываемые земли с течением времени превращаются или в болота, или в пустыни, — так и человеческая жизнь замерла бы и угасла, если бы не было этих вечно беспокойных людей, способных на отклонение. Людей, пролагающих новый, неожиданный путь в жизни.

Но не будем увлекаться и слишком возносить их. Отклонение не всегда означает новаторство; отклоиение есть отклонение — не больше. Однако признаем, я прошу вас, право странных на странности, оценим их по достоинству.

Но что это, господа судьи? Почему пуста скамья подсудимых? Куда они все подевались? Исчезли? Уклонились от справедливого суда?

Что ж, господа,—таковы эти странные люди; ничего другого от них ожидать и нельзя было. Нам остается последовать их примеру — исчезнуть.

В ПОЕЗДЕ

Вот уж действительно — закон отклонения! Лежать бы мне сейчас в земле сырой, а я — мчусь в поезде, он со злостью тащит меня за шиворот через всю страну — и куда? В Москву!

Это не выдумка, мы уже проехали Казань, и я действительно сижу, скорчившись, на верхней полке и пытаюсь писать. Я несколько ошеломлен, еще не пришел в себя. Я контужен точно так же, как если бы меня сбила машина. Я еще не привык к мысли, что живу.

Целые сутки стрелка моей судьбы шаталась, как сумасшедшая. Когда меня вызвали к директору, у меня сердце екнуло... Оказывается, математическая олимпиада, Москва, место в команде. И сразу все опрокинулось, отодвинулось, стало казаться глупым...

Мне все дико и непривычно, и все на мне неудобное: свитер трет шею, куртка тесна, ботинки жмут, и никак не устроишься, не приспособишься.

Весь мой прежний мир лежит в обломках, его нет. Все будущее... — но о нем лучше не думать.

Колеса стучат грозно. Но сквозь разговоры вагонные, сквозь шум колесный маленькая девочка в конце вагона на детском игрушечном инструментике, вроде ксилофона, выстукивает: «Во поле береза стояла»... И опять сначала: «Во поле береза стояла». Металлический звук еле доносится, еле складывается в мелодию. Концерт для металлофона с колесами, а кто дирижер? Кто всей этой заварухе дирижер, кто крутит мною и вертит? А я что? Тряпичная кукла с болтающейся головой? Петрушка?

Похоже. Не хочется так думать, но если смотреть фактам в глаза — так.

Но где же был выход из того тупика? Почему могло случиться, что меня сейчас не было бы?

Меня, полки, вагона, этого грязного окна с никелированным прутиком без занавески и бесконечной осиновой серой чащи за окном — ничего.

Но все есть. Хотя и как-то незаконно.

Вот я кто: незаконнорожденный. Нет, рождаются-то все люди по закону, а вот живут... Незаконноживущие.

Где же был выход из тупика? Не может быть, чтобы люди до меня не попадали в капкан,

а если попадали — значит должен быть и выход. Ведь я же не первый чуть не убил себя. Гёте, Горький, Толстой, Блок тоже были близки к этому. Все попадают в капканы.

Почему? Может, потому, что мы никак не можем выбрать образ себя, тот, который действительно по душе? Придерживайся его — вот и будет все хорошо, никаких капканов. Или ты дурной — тогда всегда будь дурным. Или ты хороший — тогда всегда будь таким. Или, наконец, скажи себе, что ты такой, какой придется, что ты «применительный» к обстоятельствам, вот ты какой — и тогда и в уме не держи себя за честного человека!

Трудные вещи. Видимо, и вправду нет дерева познания добра, а есть только дерево познания добра и зла. Но я не хочу познавать зло! Не хочу!

Что-то путаное и непонятное. Но здесь и не может быть «простое», не может быть «понятное», здесь и должно быть что-то сложное. Бежать от простоты! Простота—ложь или бедность. Я был слишком прямолинеен!

Мне казалось, что печаль, грусть, тяжесть на душе — это болезнь. Но ведь это — часть моей жизни, и к ней, этой части, надо относиться с таким же уважением, как и ко всякой другой.

Можно ли прожить жизнь без печали?

Да и полноценная ли это будет жизнь?

Печаль — не чужое, не дьявольское наваждение, для изгнания которого требуется шаман с бубном.

Печаль — это тоже я, и к ней надо относиться серьезно и не впадая в панику.

Радость — я и печаль —я; победа — я, но и поражение— тоже я!

Я — не руки-ноги и не проигрыватель с набором пластинок бодрой музыки. Я радость, печаль, победа, поражение, счастье, горе, веселье, тоска, смех, плач, вера и разочарование. Все это вместе — я, и попытка отделить одно от другого — ведет к краху.

Ах вот еще, еще одно понялось! Мы стыдимся печали! Стыдимся несчастья! Мы хотим показать, что все у нас хорошо, — так же как иные люди стыдятся своей бедности. Но: «Кто честной бедности своей стыдится и все прочее...» Это не гордость, это ничего общего с гордостью не имеет, это снобизм, чванство! Точно так же, как не стоит гордиться счастьем, нельзя стыдиться и несчастья. Счастьем не гордись, несчастья не стыдись— есть такая пословица? Или я сам ее придумал?

Какая-то во мне слабинка сказалась, трещина зазмеилась.

Почему, интересно, религия так преследовала попытки самоубийства, пресекала всякую мысль о самоубийстве? Грозила самыми страшными карами.

Все это было рассчитано как раз на таких слабых, как я. Чтобы хоть страхом адского пламени, да удержать.

Как я измучен! А еще говорят, что нет духовных страданий без бога... Или что нашему поколению легко живется...

Ну что ж. Вынесем урок. Меня не надо пугать адским пламенем, я теперь и сам устою. Я буду распоряжаться своей жизнью так, как я хочу. У меня есть все права. Но я должен помнить: я не имею права уничтожать свою жизнь, как бы тяжела она мне ни казалась. Несчастье? Неси его мужественно. До земли сгибайся, но стой, стой на ногах! Вот как во поле береза стояла, вечная березонька.

В первобытных обществах молодых людей, прежде чем принять их в мужчины, подвергали всевозможным пыткам. Даже за ребро подвешивали. И внушали на всю жизнь всевозможные табу. Видимо, наши предки считали, что так оно надежнее. Когда человек подвешен за ребро, он прекрасно усваивает науку, очень быстро! И уж конечно, на всю жизнь. Педагогика когда-нибудь вернется к этому испытанному методу.

Со мной все эти шутки проделаны. Я висел на крюке и могу засвидетельствовать, что мгновенно вылетает из головы всякая дурь; взрослеешь в несколько секунд. Меня—прежнего больше нет. Знакомьтесь: Сергей Разин нового образца.

О САМОПОЗНАНИИ

Я пришел к твердому выводу, что человек не должен заниматься самопознанием, самовоспитанием, самосовершенствованием—никаких «само...».

Все эти утверждения: познай самого себя, найди себя, пойми себя, сохрани свою личность, будь самим собой, будь человеком, чувствуй, что ты живешь,— и так далее и так далее, все эти призывы, привлекательные и красивые, — все сни ничего не стоят.

Потому что — я понял! — все не так, не с того конца отсчет!

Человек не может найти опоры для себя — в себе, нет ее!

Не во мне нет, а в любом человеке. Опора — вне человека, в жизни, в обществе, в людях, в общей идее.

Человек не может узнать ни себя, ни мир, если он созерцает, рассматривает, потому что (тут главное! тут собака зарыта!) — потому что узнать нечто можно только одним способом: постараться это «нечто» улучшить. Все истинное, лучшее, как правило, само не проявляется. Его, лучшее, надо самим создавать — это и значит постигать. Я не познавать себя должен и даже не воспитывать себя, а действовать, улучшать мир. Только так я узнаю и мир и себя. Потому что я не над людьми, не вне людей, я среди людей, в людях существую, даже если я одинок.

Чтобы познать себя, надо действовать, чтобы проявились твои способности, иначе как ты познаешь себя? Что именно ты в себе познаешь? Какого себя ты познаешь? Того, который есть сейчас? Но это не ты! Ты — лучше, ты можешь больше! Ты сделай все, что можешь, и тем самым ты познаешь себя. А чем больше я буду уходить в себя, тем меньше я буду делать в мире и тем меньше я себя познаю.

Не возиться с собой, а улучшать мир! Это и значит самосовершенствоваться. Не охранять в себе «личность», а действовать, дело делать — нет другого способа стать человеком.

Кто стремится забыть себя? Тот, кто не нашел своего дела, не захвачен общей идеей. Человек не может жить внутри себя, там слишком малая жилплощадь для человеческой души.

Не то я хочу сказать, что жить для мира — честно, а для себя— бессовестно, и что если все будут жить для себя, то мир погибнет. Нет, «все» не будут, и мир не погибнет. Но жить в одном только самопознании, самосовершенствовании, самовоспитании невозможно, это тупик.

Идти в мир — в нем я найду себя.

Идти от себя — это единственно верный путь к себе.

Человек перестает быть человеком, если он не предан чему-то вне себя. Но самый неспособный человек становится великим, если он предан великой общей идее. В отступающей армии даже смельчаки трусят, а в наступающей и трусы становятся храбрыми. И тут разгадка! Познать себя можно только познанием мира и найти себя — только уходом от себя. Все правильно. «Великий переучет» отменяется. Я не закрыт, я распахнут настежь — идите, берите меня, пользуйтесь мною, требуйте от меня, рвите меня на части, я этого хочу! Никаких переучетов.

Есть известные слова: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Они всегда несколько смущали: что ж не сдаваться, если нашел? Мне больше нравится, когда говорят так: «Бороться и искать, не найти и не сдаваться». Другое дело! Когда нашел — что ж не сдаваться-то. А ты не сдавайся и в том случае, если не нашел!

ОТКАЗ

С. ЧЕРТОК

□□□ В АФРИКЕ история национального кино насчитывает всего 10—15 лет. То, что еще совсем недавно было исключительным правом европейцев,— воспроизведение на экране африканской реальности—после завоевания независимости стало частью продолжающейся борьбы бывших колоний за политическую, экономическую и культурную самостоятельность. Особая роль кино в Африке как раз и связана с тем, что одной из важнейших задач нынешней стадии антиимпериалистической борьбы ее народов стало достижение культурной независимости, духовное освобождение людей.

Участвуя в борьбе между новыми, прогрессивными формами социальной жизни и отживающими обычаями и традициями, сдерживающими социальный прогресс общества, молодое африканское кино нередко обращается к теме религии. При том что религия стала тормозом, пишет известный английский исследователь проблемы Бэзил Дэвидсон, большинство африканских кинематографистов равно отрицательно относятся ко всем существующим в их странах религиям, считая, что все они служат защите эксплуатации и одурманиванию населения.

В Черной Африке местные религиозные культы исповедует около половины всего населения, на втором месте идет ислам и на последнем — христианство. В соответствии с этим чаще всего на экране показывают знахарей и колдунов — то в образе наглых обманщиков, то очаровательных шарлатанов. Зачастую здесь веру в Аллаха и Христа сочетают с верой в языческих богов и духов.

Герои картины нигерского режиссера Умару Гайда «Шайтан» (1972 г.)—деревенский колдун по имени Зима и люди, верящие в силу его заклинаний. Зима уверяет всех, что состоит в непосредственной связи с духами. Однажды, собирая в лесу лечебные травы, он обратился к дереву со словами привета. И не заметил сидящего на дереве охотника, ответившего Зиме. Знахарь в ужасе убежал, бросив свои вещи. Охотник принес их в деревню и рассказал эту историю. Посрамленный колдун вынужден уйти от людей. Со всех сторон, как эхо, его преследуют насмешливые голоса, и он бросается со скалы в озеро, став жертвой собственной веры. Борьбе с суевериями посвятил свой фильм «Барабаны и скрипки смерти» (1974 г.) нигерец Клод Франсуа.

Крупнейший кинорежиссер Черной Африки сенегалец Сембен Усман в своем фильме «Эмитаи» (1971 г.) показывает традиционную религию как консервативный элемент, как силу, зовущую к покорности. Отряд колониальных войск пришел в сенегальскую деревню, где живет племя диола, верящее в духов, населяющих природу, — чтобы собрать налоги и набрать рекрутов. «Знают ли духи о нашем положении? — спрашивает старик Кобобо. — Раз они молчат, то мы не можем их гневить и должны подчиниться». На языке диола Эмитай — племенное божество, «хозяин неба и войны». Это старый, высохший, причудливой формы ствол дерева без кроны. Красивые строгие юноши приносят Эмитаю жертвы, пока не решаются взять в руки копья, чтобы встретить ими вооруженных зуавов. Наивная и бесполезная вера в могущество бога сменяется в фильме верой в свои силы.

Призыв умирающего от пули вождя Джимеко: «Надо жить с копьем в руке!»— воодушевляет людей. Фильм утверждает мысль о том, что люди должны самостоятельно решать свою судьбу.

Поражает настойчивость, с какой кинематографисты находят повод представить в неприглядном виде марабута — знатока Корана, считающегося святым и якобы получающего от бога благодать, которую он источает вокруг себя. Марабуты, особенно деревенские, часто малограмотны и, по существу, мало чем отличаются от знахарей-колдунов. Их можно увидеть в «Почтовом переводе» (1968 г.) и «Хале» (1975 г.) Сембена Усмана — жадных, хитрых, ловких, бесстыжих. «В «Дьеге-Би» (1970 г.) сенегальца Махамы Траоре герой по имени Бабакар умоляет марабута сделать его жену «такой же покорной, как верная собака». Но и Сафиата просит марабута о том же в отношении мужа. Несмотря на обещания и талисманы марабута, все остается попрежнему, а когда мужа арестовывают за растрату, она бросается к марабуту с просьбой вызволить его из тюрьмы, тот обещает, что уладит дело, и исчезает вместе с деньгами.

В фильме сенегальца Тидиана Ава «Для тех, кто знает» (1972 г.) чиновник, укравший общественные деньги, приходит к марабуту, чтобы тот выпросил у бога прощение и помог увеличить капитал. И марабут, конечно, за это берется. Порочный, любящий выпить, он обманывает молодую стенографистку, рассказавшую ему, что руководитель учреждения обругал ее за плохую работу. Он советует ей делать какие-то странные обряды, а для «расчета» назначает ночные часы. Марабут попадает в тюрьму за то, что воспользовался ее доверчивостью, но очень скоро выходит на свободу благодаря помощи высокопоставленного заступника.

□□□ «Хале».

Марабуты нередко изображаются в фильмах как наставники в религиозных школах. Их ученики, пройдя курс обучения, тем не менее обычно пополняют ряды нищих *. Малиец Сулейман Сиссе в фильме «Пять дней одной жизни» (1973 г.) показывает подростка, посещающего школу, где зубрят Коран и где не изучают ничего из того, что действительно нужно людям в жизни. Затверживая наизусть канонические тексты, ученики за годы учебы не только писать — расписываться не научились. Учителя при первом удобном случае гонят мальчишек на улицу собирать для них милостыню. Неприспособленный к жизни герой картины легко попадает под влияние уголовников и оказывается в тюрьме. Что будет с ним? Как сложится его судьба? Вот вопросы, молчаливо возникающие в конце фильма и перед героем, и перед зрителями. Картина не отвечает на них, но заставляет задуматься.

Сембен Усман говорит: «Для Африки характерна необычайная живучесть пережитков, которые иногда смешиваются с верностью традициям. Считается, например, что любое начинание, если не заручиться заранее одобрением колдуна, обречено на неудачу. Таким образом, любое достижение рассматривается некоторыми африканцами не как дело рук человека, а как следствие счастливого совпадения, благословения западных специалистов и колдунов. Причем в советах первых шарлатанства не меньше, чем в предсказаниях вторых».

О христианской религии в африканских фильмах говорится редко. Вероятно, это объясняется и ее меньшей распространенностью на континенте, и тем, что в странах, где кино получило наибольшее развитие, христианство исповедуют сравнительно немногие. Для мавританца Меда Хондо христианство — оружие колонизаторов: в его фильме «О, солнце» (1972 г.) есть сцена крещения, в которой священник с крестом, колонизатор в шлеме и рас-

* См. рецензию на фильм Махамы Траоре в № 11 за 1976 г. (прим. ред.).

толстевший капиталист — выступают заодно друг с другом.

Вероятно, неточно называть все эти фильмы антирелигиозными, хотя в иных из них присутствует и этот аспект. Большинство обрушивается не на религию в целом, а на ее служителей — обманщиков и угнетателей народа, эксплуататоров, новоявленных буржуа, пользующихся поддержкой властей. Один из важнейших объектов этой критики — мусульманские школы и их реакционная роль, другой — марабуты, помогающие держать народ в невежестве. Но и эта ограниченная критика родила в африканском кино целое тематическое направление, подобное которому трудно найти в кинематографиях других континентов.

Показанный на Десятом Московском международном кинофестивале фильм Сембена Усмана «Седдо» — крупнейшее произведение африканского кино, посвященное этой теме. Действие происходит в конце XVII века — в период расцвета работорговли и проникновения мусульманства и христианства в Западную Африку. Собирая по крупицам подлинные факты, восстанавливая действительно имевшие место события, Сембен Усман возвращает народам Африки историю, которую колонизаторы хотели заставить их забыть.

Сложная интрига фильма, связанная с похищением юной принцессы Диоп, ночными нападениями, поединками, продажей женщин и детей в рабство, соединяет действительность и легенды, эпос и быт. Через обряды, верования, этнографические подробности и ритуалы автор показывает трогательную беззащитность африканского мировосприятия перед прагматизмом пришельцев, подлинную жизнь людей и их этику, противостоящую системам ценностей, морали и образу жизни чужеземцев и их местных приспешников.

Слово «седдо» родилось в Сенегале в колониальные времена. Оно означает, что человек не смирился, что его не удалось сломить духовно, что он продолжает говорить «нет!» — угнетению, колонизации, религиозному гнету. В переводе это слово означает отказ. Герои фильма — седдо минувших эпох, один из которых платит жизнью за свой отказ подчиниться,— предшественники нынешних непоколебимых седдо, ведущих борьбу за свободу Африки от колониализма и неоколониализма.

□□□ «Седдо».

Седдо противостоят в фильме мусульманским и христианским миссионерам, не останавливающимся ни перед чем, чтобы открыть мечети и церкви, чтобы вербовать паству. В ход идут и ружья, и алкоголь, и побрякушки — подарки для наивных. Тот, кто владеет оружием, может подчинить себе других, заниматься слежкой, издеваться, брать в рабство, продавать и убивать. Фильм показывает, как вожди ислама с первых шагов в Африке начинали соединять в своем лице духовную и политическую власть, — проблема, оставшаяся актуальной, — показывает истоки африканской теократии и начало сопротивления ей народа. Обратив в свою веру короля и его семью — правителей деревни, имам неожиданно встретился с отказом со стороны седдо, для которых переход в ислам или христианство означал бы отречение от Африки и ее духа, от самих себя. Тогда имам с помощью приближенных короля узурпирует власть и садится на его трон — история, напоминающая многочисленные государственные перевороты в Африке наших дней. Теперь в его руках власть — и религиозная, и мирская. Для расправы с непокорными в ход идут оружие, подкуп, угон в рабство.

Действие происходит в деревне в течение двадцати четырех часов — драматических часов смерти короля, имама, католического священника, претендента на трон, увода рабов оккупантами и поджога деревни. Локальный сюжет сочетается в картине с широтой охвата проблем, а глубина мысли с тонким лиризмом, истоки которого — в любви к своему народу. Народу, который представляется автору разделенным на сотни этнических групп, но объединенными общей историей, чувством самоуважения и уверенности в своих силах.

«Седдо» не только лучшая картина Сембена Усмана, но и самый африканский фильм за время существования кино на Черном континенте. Его оригинальная форма, его истинная художественность, тонкая пластичность и живописность исходят из глубин африканской культуры. Эстетические особенности «Седдо» необходимо понять и почувствовать еще и потому, что, привыкнув к иерархии ценностей, сложившейся за восемьдесят лет истории кино, мы поневоле начинаем подходить к новым явлениям кинематографа с давно сформировавшимися критериями. Между тем «Седдо» с его подробной и одновременно лаконичной манерой повествования, внешней строгостью и внутренней страстью знаменует рождение подлинно африканского стиля, волнующего своеобразием формы, правдой чувств, драматизмом ситуаций и судеб. Величественный и спокойный ритм «Седдо» напоминает манеру рассказов сказителей-гриотов — певцов и поэтов, собирающих на площади население деревни, чтобы бичевать пороки, высмеивать глупость, издеваться над ханжеством и лицемерием, протестовать против насилия, монархической и религиозной власти. Элементы театральности, даже балета не выглядят в картине чужеродно — декламация и жесты, рассчитаны чисто африканские, рассчитаны на то, чтобы произведение было понятно африканским зрителям и донесло специфику национального искусства до иностранцев.

Фильм привлекает народностью своей основы, близостью к живой жизни. Древняя устная традиция африканской культуры ощущается и в хронологической последовательности кадров, и в длинных планах, никогда не отрывающих пейзаж от окружения, превращающих пейзаж и окружение в неотъемлемую часть повествования. В этой протяженности планов, монтаже, исключающем мелькающие или быстро сменяющиеся кадры, темпе рассказа, никогда не нагнетающем события,— специфика авторской мысли и ее развитие. Своеобразие придает фильму и внешняя типажность исполнителей «с улицы» — профессиональные актеры в нем не играют.

Как и другие лучшие произведения молодого африканского кино, «Седдо» выполняет ту же функцию, которую в эпоху формирования и преобразования других обществ выполняла народная песня, эпическая поэзия — первые общедоступные попытки самоопределения, поиск своего происхождения, диалектики своего развития. Лидер политического кино Черной Африки, полемист, обличитель, художник, Сембен Усман не навязывает зрителям готовых рецептов, но стремится заставить их задуматься, вызвать чувство протеста, стремление восстановить попранную справедливость. Рассказывая с экрана обычную, на первый взгляд, историю, один из эпизодов проникновения мусульманства и христианства в Черную Африку, Усман старается добиться от зрителей политического понимания ситуации и фактов.

Самый крупный седдо африканской культуры наших дней, Сембен Усман борется за ее самобытность и равноправие.

□□□ «Седдо».

500 лет со дня рождения

«ТАИНСТВЕННЫЙ»

Мадонна Кастельфранко.

Около 1504 г.

ДЖОРДЖОНЕ

И. ПРУСС

УДИВИТЕЛЬНО ПОДЧАС складываются посмертные судьбы художественного наследия мастеров прошлого. Бывает так, что имена художников, пользовавшихся при жизни громкой славой, оказываются на долгое время, даже на столетия, полностью забытыми, и только усилия ученых-искусствоведов воскрешают их из небытия. Так случилось, например, с творчеством Жоржа де Латура, одного из крупнейших живописцев Франции XVII века, чьи полотна составляют ныне гордость европейских и американских музеев. Так сложилась и судьба Джорджоне, хотя вряд ли найдется теперь любитель искусства, кому было бы незнакомо это имя, которое символизирует для нас эпоху Возрождения так же, как и имена Леонардо, Рафаэля, Микеланджело и Тициана. Но до сих пор это один из самых загадочных мастеров прошлого, а среди живописцев Высокого Возрождения — и самый необычный.

Печать таинственности, окружающая личность и творчество Джорджоне, связана не только со скудностью биографических данных, но и с полным отсутствием подписанных работ художника. К счастью, современник Джорджоне венецианец Маркантонио Микиэль оставил в своих «Заметках о произведениях искусства», написанных во второй четверти XVI века, подробное описание картин Джорджоне, находившихся в то время в частных собраниях Венеции, что позволило опознать произведения мастера в различных музеях Европы.

«Заметки» Микиэля, найденные во второй половине XIX века, стали важнейшей вехой в истории открытия Джорджоне. Но и по сей день в искусствоведческой литературе нет единого мнения о том, какие картины Джорджоне дошли до нас. Произведений, бесспорно принадлежащих кисти Джорджоне, нам известно около двадцати.

Но определить круг произведений мастера Джорджоне—еще не значит окончательно разгадать его «тайну»: необычно содержание его картин, порой загадочен их сюжет и даже смысл.

Библейскую героиню Юдифь Джорджоне показал после совершения подвига — нога ее попирает отрубленную голову Олоферна, в руке она держит меч. В эпоху Возрождения Юдифь воплощала идею свободы, подвига во имя общего блага. Но в образе, созданном Джорджоне, героическое начало словно отступает, растворяясь в лирической поэзии. Весь облик Юдифи, погруженной в раздумье, словно пребывающей в состоянии тихого забытья, исполнен чарующей, поэтической прелести. Юдифь Джорджоне — воплощение того возвышенного эстетического идеала, который стремились запечатлеть на своих полотнах Леонардо, Рафаэль, все мастера Высокого Возрождения. Но какой неповторимый, своеобразный характер этот идеал получает у Джорджоне!

Много непривычного, неожиданного открывается нам и в знаменитой алтарной композиции «Мадонна Кастельфранко». Джорджоне выбирает принятую для алтарных картин в Венеции тему «Святого собеседования» (мадонна, окруженная святыми, беседует с ними). Она не имела прямого отношения к темам священного писания и давала большой простор для решения ее в совершенно светском духе.

Двое святых — Георгий и Франциск стоят по сторонам высокого трона, на котором сидит мадонна с младенцем Христом. Вместо обычного в алтарных композициях величественного архитектурного фона, который символизировал церковь, Джорджоне изображает пейзаж венецианской

провинции. Прозрачная красота этого светлого пейзажа, полного простора, окутанного голубоватой воздушной дымкой, вторит настроению тихой задумчивости, в которую погружены мадонна и святые. И мечтательно устремивший взгляд вдаль Георгий, скорбно печальный Франциск, и мадонна, опустившая взор, кажущаяся такой одинокой на своем высоком троне, — все они как бы прислушиваются к струнам, звучащим в их душе. Между ними словно тянутся незримые духовные нити, создающие ощущение глубокого внутреннего единства персонажей. Это наполняет картину особой лирически проникновенной атмосферой.

Этот алтарный образ был написан по заказу кондотьера Туцио Костанцо как надгробное изображение в память о погибшем сыне и предназначался для частной капеллы в соборе города Кастельфранко. У подножия трона богоматери стоит саркофаг с фамильным гербом Костанцо — на него и смотрит мадонна. Святой Георгий, небесный покровитель воинства, — идеальное изображение Маттео Костанцо, павшего на поле брани.

«Мадонна Кастельфранко» — единственное произведение Джорджоне, написанное для церкви, но художник свободен в нем по отношению к литургической сущности образа. По существу это произведение всецело проникнуто не религиозным, а светским мироощущением, и справедливо сравнение его со своего рода надгробной элегией.

Но Джорджоне не только переосмысляет традиционную литургическую композицию, но и делает следующий шаг — одним из первых в европейской живописи отказывается от традиционной тематики. Действительно, сюжеты картин Джорджоне, как правило, не имеют ничего общего с тематикой искусства Возрождения. Чаще всего его сюжеты почерпнуты из неизвестных нам источников, и смысл их остается для нас во многом неясным. Не случайно столько споров вызывали и вызывают эти сюжеты — их интерпретации посвящены даже специальные исследования.

Особенно трудно поддаются истолкованию картины «Три философа» и «Гроза».

Рентгенограмма картины «Три философа» показала, что первоначально Джорджоне задумал ее как изображение трех евангельских волхвов, пришедших к младенцу Христу. Но существенно, что уже в первом варианте Джорджоне не изобразил традиционную сцену поклонения, а показал волхвов размышляющими о чем-то в уединении. Затем Джорджоне заново переписал картину и превратил волхвов в трех философов. Это слово в эпоху Возрождения было синонимом слова «ученый», «гуманист». Название картины восходит ко времени Микиэля, видевшего ее спустя 15 лет после смерти Джорджоне. Оно оказалось удачным и существует по сей день. Но в отношении смысла сцены, истолкования персонажей было высказано множество самых разных и порой неожиданных предположений. В персонажах картины видели то императора Марка Аврелия с двумя философами, то Архимеда, Прометея и Пифагора, то связывали сюжет с «Энеидой» Вергилия, то считали картину аллегорическим изображением трех возрастов жизни и даже различными стадиями посвящения в мистический союз (при этом самого Джорджоне также хотели видеть членом какого-то тайного общества).

Наиболее убедительна, по общему мнению, гипотеза, высказанная одним итальянским исследователем: тема картины связа-

Поклонение пастырей. Первые годы XVI в.

Святое семейство. Около 1498—1500 гг.

Национальная галерея. Вашингтон.

на с тремя этапами в развитии и становлении средневековой и гуманистической культуры. Старец — олицетворение схоластической науки, метафизики, отрицающей доводы разума и знания (он стоит на нижней ступени, так как схоластика считалась в эпоху Возрождения нижней ступенью науки). Человек в восточной одежде—это Аверроэс (так называли тогда в Европе арабского философа Ибн Рушда) — комментатор и последователь Аристотеля. Аверроизм — промежуточная стадия между схоластикой и гуманизмом, философией Возрождения, которую символизирует образ юноши, жадно всматривающегося в окружающий мир.

Юноша, держащий в руках циркуль и линейку, — это математик, натуралист, исследующий законы природы, но это и поэт, восхищенный ее красотой. Он весь ушел в восторженное созерцание природы, он — воплощение идеала Джорджоне — прекрасного человека с поэтической душой, который находит в природе отклик своим переживаниям.

Как обычно у Джорджоне, в картине нет действия, фабулы, что могло бы облегчить разгадку сюжета. Все персонажи объединены настроением лирического созерцания. Ясный покой и тишина разлиты в пейзаже в этот вечерний предзакатный час. Люди и природа сплетаются в единое, полное поэтического настроения гармоническое целое.

Как в «Трех философах», так и в другой знаменитой картине — «Гроза»—Джорджоне не обращается ни к церковной легенде, ни к античному мифу — и в этом он пошел дальше самых смелых своих современников. Сюжет «Грозы» — или «Пейзажа с грозой, цыганкой и солдатом», как названа картина у Микиэля, — остался неразгаданным, несмотря на бесчисленные и самые остроумные попытки его расшифровки. Несомненно, он заключил в себе символический смысл — об этом говорят такие детали, как обломки колонн, руины здания. Видимо, и сама гроза имела символическое значение (см. 3-ю стр. обложки).

Но содержание картины шире рамок литературной символики. И то, что сюжетная канва была не очень существенна для Джорджоне, подчеркивает то обстоятельство, что сначала, как обнаружило рентгеновское исследование картины, вместо фигуры юноши была изображена слева еще одна обнаженная женщина.

Всю композицию — от первого плана до дальнего — занимает пейзаж, изображающий уютный уголок окрестностей Венеции. «Гроза» — это, по существу, первый настоящий пейзаж в итальянской живописи, причем Джорджоне впервые в истории европейского искусства пытается передать состояние природы. Все в этом предгрозовом пейзаже неустойчиво, подвижно, изменчиво. Он полон такой эмоциональности, что мир природы предстает у Джорджоне как стихия одушевленная. Недаром состояние природы как бы передается и людям, находит отзвук в настроении неопределенной поэтической взволнованности, которым они охвачены.

Живопись для Джорджоне — это поэтическое творчество, поэтому найти однозначную формулу, точно раскрывающую смысл его произведений, невозможно. Зыбкость, намеренная неопределенность сюжетной ткани допускают множество ассоциаций, и его композиции всегда шире того, что они непосредственно изображают. Это и вызывает такой разнобой мнений в их истолковании. Особое очарование картин Джорджоне заключается как раз в том, что как бы возникает вокруг сюжета и на чем Джорджоне ставит главный акцент, — в том настроении, которым овеяна сцена, в богатстве эмоциональных оттенков. В связи с этим говорилось даже, что картины Джорджоне — лишь чистые живописные видения без определенного сюжета (и, кстати, в этой свободе фантазии усматривалось некоторыми исследователями величие Джорджоне и даже его близость современным художникам).

С этим утверждением нельзя согласиться, но несомненно, что Джорджоне был одним из тех живописцев, которые создали картину в современном ее понимании. В живописи Джорджоне картина становится средством выражения мыслей и чувств ее создателя. Впервые большое значение получает личное начало, индивидуальное восприятие мотива. Рождается станковая картина, которая не только посвящена светской тематике (что было знамением искусства нового времени), но и насыщается непривычным эмоциональным содержанием. Это было подлинным переворотом в истории не только итальянской, но и всей европейской живописи.

Джорджоне писал необычные для Возрождения картины небольшого формата, камерные, лирические — созерцательные по характеру, удовлетворяющие индивидуальному вкусу частного заказчика, рассчитанные на тонкое общение зрителя с произведением.

Так, «Три философа» были написаны по заказу венецианского патриция Таддео Контарини для украшения его дворца, «Гроза» — по заказу другого патриция Габриеле Вендрамин.

Заказчиками и собирателями картин Джорджоне были наиболее культурные круги венецианского общества, приобщившиеся к гуманизму. Все они получили блестящее гуманистическое образование, хорошо знали философию, литературу и музыку. Это были знатоки греческого и латинского языков, читатели Аристотеля и Плиния, коллекционеры антиков, поклонники буколической поэзии Бембо и Наваджера, любители и ценители живописи, проникнутой светским духом. Многие из этих патрициев являлись членами «Академии», группировавшейся вокруг Альда Мануция — знаменитого книгоиздателя и гуманиста.

В начале XVI века Венеция становится одним из важнейших очагов духовной жизни Италии, центром книгопечатания, развития светской культуры. Но венецианский гуманизм этого времени не нес в себе боевого пафоса, его мало волновали общественные и политические проблемы. Главным занятием венецианских гуманистов было ученое комментирование трудов античных авторов, их любимым времяпровождением — чтение стихов, слушание музыки, беседы об античных поэтах или об изяществе стиля Петрарки, о любви и красоте.

Гуманисты Венеции часто связывали представление о гармоническом существовании с жизнью человека на лоне природы. В отличие от флорентийской и римской, венецианская культура не знала такого одностороннего культа человека — интерес к человеку был неотделим в ней от интереса к природе, а созерцательный характер гуманизма вызвал и более острый интерес к миру чувств и эмоций.

Творчество Джорджоне неотделимо от венецианского гуманизма XVI века. Он был художником нового типа, художником-интеллигентом, не связанным с цехом, вовлеченным в культурную жизнь своего времени. Окружение Джорджоне составляла патрицианская утонченная культурная среда. Ее идеалы, настроения и жизненные интересы нашли воплощение в его искусстве. Но преломленные в живописи Джорджоне, они получили удивительную многогранность и одухотворенность. Джорджоне открыл для итальянского искусства новые аспекты действительности — мир природы и поэтический мир тончайших оттенков чувства. В его творчестве появляется новый жанр — пейзаж, рождается портрет нового типа, главное в котором не объективная достоверность изображения, а стремление передать внутреннее состояние человека, раскрыть сложность его душевного мира.

Поэтической вершиной искусства Джорджоне стала «Спящая Венера».

Это единственная дошедшая до нас картина Джорджоне на мифологическую тему, причем художник не изображает какой-то определенный эпизод античной легенды. Богиня спит на цветущем лугу, на фоне пейзажа венецианской провинции. Ее прекрасное тело поражает необычайной красотой плавных линий. Замечательна благородная и одухотворенная красота ее лица, отражающая полноту чувств, тонкость души. И в то же время Венера Джорджоне — это земная женщина, полная чувственной прелести. Никто в итальянской живописи до Джорджоне не передавал еще с такой осязательной жизненностью теплоту и мягкость обнаженного женского тела, его чувственное очарование.

Но земную женскую красоту Джорджоне возвысил и идеализировал. Возвышенной целомудренностью веет от фигуры Венеры. Совершенство форм, завершенность и чистота линий словно воплощают в себе закон абсолютной гармонии. Этот образ создан мастером Высокого Возрождения, стремящегося «превзойти натуру», то есть, по словам Дольче, «показать в одном образе все то совершенство красоты, какое

в природе едва увидишь в тысяче».

«Спящая Венера» — итог всем размышлениям Джорджоне о человеке и окружающем его мире. В картине нашла воплощение идея о свободном, ничем не омраченном существовании человека среди поэтической природы. Венера, прекрасная женщина, погруженная в счастливый безмятежный сон, словно порождена той прекрасной природой, которая ее окружает. И красота ее для Джорджоне — венец создания природы. Здесь как бы достигнуты полнота гармонии и полнота счастья.

«Спящая Венера» — высшая точка возвышенно-поэтического стиля Джорджоне — написана в поздние годы его творчества, когда поиски мастера шли и в других направлениях. В «Концерте» Джорджоне воспроизводит жанровую сцену, взятую из жизни, делая тем самым шаг к непосредственному — хотя и опоэтизированному — отражению действительности. И в «Сельском концерте», в этом истинно джорджоневском мире «счастливой Аркадии», мире, полном невыразимого очарования, начинают звучать новые ноты. Этот элегически мечтательный мир кажется теперь более полнокровным: роскошные тела обнаженных женщин, атласные ткани, блеск воды в прозрачном сосуде, сочная зелень травы и деревьев — все заставляет ощутить его чувственное материальное богатство, его красочность. В образах угадываются черты реальных венецианских патрициев; один из них — лютнист — даже одет в современный костюм.

25 октября 1510 года поверенный мантуанской маркизы Изабеллы д'Эсте в Венеции Таддео Альбано сообщил своей госпоже, желавшей приобрести картину Джорджоне, что автор недавно умер от чумы. Было ему тогда 33 года.

Смерть застигла Джорджоне в расцвете таланта. Он умер, не успев осуществить многое из того, что задумывалось, мечталось, угадывалось. Неизвестно, какими шедеврами обладали бы мы сейчас, если бы свирепая венецианская чума пощадила этого великого художника. Но и сравнительно немногочисленными своими картинами он успел войти в историю мировой живописи. И еще он успел воспитать ученика — гениального Тициана.

МОЯ ИСПОВЕДЬ

Стойка ДИКАНАРОВА

В МОНАСТЫРЕ

МНЕ всегда казалось, что монастырь — это место, где царят святость и чистота, где стремящаяся к возвышенной жизни душа может найти подходящие условия, чтобы подготовиться к раю небесному.

В детстве я была очень резвой, и, хотя меня постоянно пугали чертями, ведьмами и духами покойников, особого воспитательного эффекта не могли достичь до тех пор, пока я не попала в церковь. Там я с детским любопытством наблюдала за стареньким священником и с интересом рассматривала иконы. Этот православный батюшка (его звали Х. К.) охотно взял на себя мое духовное воспитание. Я стала исправно посещать церковные богослужения, которые мне понравились. Х. К. со свойственными ему умением и тактом внушал мне, что бог любит только кротких детей. Священник обладал незаурядным даром слова и незаметно вводил меня в мир, полный мистицизма. С моих губ сбежала улыбка, я перестала шалить и резвиться, постепенно стала замкнутой и пугливой. Глядя на моих сверстников, я удивлялась, как они могут проказничать: ведь бог наказывает непослушных. Я даже хотела предупредить их об этом, но батюшка сказал: «Оставь их. Думай о спасении своей души». В летние вечера я больше всего любила смотреть на небо и спрашивать себя, которая звездочка моя. Священник говорил мне, что если я буду безупречно послушна, бог улыбнется мне с Луны и ниспошлет ангелочка, чтобы тот хранил меня от зла.

Мы жили в плохих условиях, я часто хворала. Х. К. и это истолковал по-своему и внушал мне: болезнями я искупаю мои грехи, бог милостив, он предоставил мне возможность спастись от греха и смерти в святой обители. После недолгих споров между родителями и священником было принято решение — я пойду спасаться.

В один прекрасный солнечный майский день (это было в 1952 году) меня отправили в Казанлыкский монастырь. Тогда мне только-только исполнилось шестнадцать. Я приехала туда в подавленном настроении. Игуменья встретила меня словами: «Здесь я — бог». Я непринужденно села на

Сокращенный перевод из болгарского журнала «Атеистична трибуна», 1976, № 1—3.

предложенный мне стул, но ей это явно не понравилось. С плохо скрываемым гневом она сказала: «Нет, так садиться нельзя».

Я испуганно поджала ноги. Она, видимо, осталась довольна. Я очень устала с дороги и думала, что мать-игуменья сжалится и отпустит меня отдыхать. Но не тут-то было. Я поужинала каким-то постным безвкусным супом и легла только в десять вечера, чтобы через каких-нибудь два часа встать для ночного бдения, продолжавшегося около полутора часов. После этого мы снова легли. Едва я задремала, как зазвонил колокол. Я вздрогнула. Было всего половина четвертого утра. Меня привели в мастерскую церковного облачения, где мне было велено разматывать коконы шелкопряда. Так началась моя жизнь в монастыре.

Вставала рано, ложилась поздно и обязательно соблюдала посты — по средам и пятницам. Пища была очень скудная.

От этого мое и без того плохое здоровье вскоре заметно ухудшилось. Меня отправили в Пловдивскую епархию, в другой монастырь.

Наш священник отец П., хилый высокий старик, любил выпить — и для храбрости, и во здравие — в надежде, что «бог простит». Он бывал очень смешон в такие моменты. Как-то он хотел сделать вид, что крепко стоит на ногах, но из этого ничего не получилось. Выйдя из-за алтаря, он тут же стал клониться вперед, уронил кадильницу и упал сам. Я звонко рассмеялась, глядя на эту комическую сцену. Игуменья велела мне выйти из церкви.

До конца службы оставалось больше часа. Я села на скамью под чинарой, посмотрела печально на дремлющего на солнышке кота и сказала: «От тебя, дружочек, ничего не требуют, а я не имею права даже смеяться. Почему?» Служба окончилась, все вышли из церкви и молча проследовали мимо меня. После завтрака игуменья посоветовала мне извиниться перед священником.

Я пошла, но... о, господи, едва вспомнила, как он выглядел на богослужении, — и мои губы расплылись в улыбке. Я попыталась подумать о чем-нибудь серьезном, но ничего не вышло. И все-таки мне пришлось войти к нему в келью и попросить прощения. Он был все еще зол на меня и обозвал меня простофилей. Правда, после этого он отпустил мне мой «грех», но было видно, что он его не забудет.

За обедом я с детской наивностью спросила у игуменьи, правда ли, что бог, прежде чем простить грешников, сначала их называет простофилями, а лишь потом отпускает с миром ко всем чертям. Все застыли от изумления. Священник побагровел. Удивительное дело. Очевидно, надо было пережить все это, чтобы открылись глаза на то, чего я до тех пор не замечала. Оказывается, в монастыре были «наши» и «ваши». Больше половины сестер стояли на стороне священника, а остальные — на моей. Куда девалось единство. Назревала ссора.

На все, что мы предполагали совершить в течение дня, мы были обязаны испрашивать у игуменьи благословение. И вот когда на другой день мы собрались пойти к игуменье, одна из сестер сказала: «Обойдусь и без ее благословения». Что-то во мне сломалось. В тот день я не могла работать сосредоточенно. Спустя два дня после случившегося игуменья позвала меня и вкрадчивым тоном спросила, не говорят ли о ней сестры Н. и Е. чего-нибудь дурного. Я не хотела становиться доносчицей и ответила отрицательно. Игуменья посмотрела на меня с недоверием. Она уловила мои колебания и сказала: «Все же подумай и дня через два приходи ко мне снова».

Сестра Е., подслушавшая наш разговор, встретила меня с нескрываемой радостью и заявила, что теперь я могу быть принята в их узкий круг, так как выдержала «испытание». И тут я все поняла: между сестрами велась борьба за место игуменьи, и раскол на лагеря считался в порядке вещей. Время шло, а я все отказывалась доносить игуменье, что говорилось в ее адрес. Вскоре она меня возненавидела. Однако я не испугалась и твердо решила не становиться доносчицей.

Игуменья дала мне почувствовать всю «тяжесть» моего проступка: мне пришлось вместе с другими выйти в поле. Мы уходили рано утром и целый день пололи вручную. Труд был утомительный, особенно для непривычных. На завтрак же нам, «противникам», давали лишь немного хлеба с водой. В монастыре ввели два рациона — постный и скоромный. Игуменья объяснила это тем, что скоромное, мол, дают больным, которые нуждаются в усиленном питании. Что же касается наших невзгод, то их-де господь послал нам в наказание за нашу строптивость и непокорство.

Так в моей душе началась настоящая борьба. В Евангелии писалось одно, а вокруг меня совершалось совсем другое. Где же была истина? Я продолжала ходить на работу вместе с другими противницами игуменьи, которая уже не скрывала ни от кого своей ненависти ко мне. Наступил великий пост. Принято было, чтобы все до одной выполняли установленный порядок. Постная пища и моральный гнет повлияли на мое здоровье, особенно на легкие. Не подозревая о контроле игуменьи над моими письмами, я описала матери положение в монастыре. Вскоре игуменья передала мне ответ со словами: «Мне ты отказываешься открыть, как здесь злословят, а чужим людям выдаешь монастырские тайны. Как это понимать?» «Как хотите», — ответила я ей. Я стала равнодушной к церковной службе. Мне надоели долгие чтения. Раздражало и то, что сестры читали и молились с притворным смирением перед мирянами из близлежащего села, но, как только выходили из церкви, тут же менялись до неузнаваемости. В келье я уже совсем не читала молитв, а торопилась поскорее лечь, потому что все больше уставала. Постепенно я поняла, что молитвы не делают людей более терпимыми друг к другу.

Однажды игуменья послала меня вместе с сестрой М. сторожить сад. Она поручила мне это накануне, но так как я проспала, то пошла вместо пяти часов утра только в половине седьмого, когда уже совсем рассвело. В наказание на следующий день меня послали сторожить сад в половине третьего ночи совсем одну. А почему бы и нет, сказали мне, ничего страшного, если идешь с чистым сердцем. Это был лишь один из многих хо

дов игуменьи, чтобы сломить меня и склонить на свою сторону.

Однажды меня по делу отправили в город. С тех пор, как я попала в монастырь, я выходила за его стены только на полевые работы и сейчас была похожа на медвежонка, который впервые вылез из берлоги на солнышко. Машины, люди, красиво и ярко одетые, детвора, влюбленные парочки — все это производило на меня сильное впечатление. Дело я сделала быстрее, чем рассчитывала, и теперь спокойно могла отдыхать и наблюдать мирскую жизнь. Автобус отправлялся только через четыре часа. Вокруг весело бегали ребятишки, они удивленно рассматривали мою одежду и улыбались мне. Один спросил: «Который час, бабушка?» Я погладила его по голове и ответила, а он поблагодарил и убежал.

Немного погодя подошла незнакомая мне монахиня, мы, как водится, поцеловались и разговорились. Оказалось, что это игуменья соседнего монастыря. Я рассказала ей о своей жизни, и она пригласила меня, если я захочу, перейти к ней. Это было как раз в канун великого поста — в прощеный день.

В понедельник я отправилась к епископу Стефану, чтобы попросить разрешения на переход к игуменье Д. Я надеялась, что епископ окажется человечнее других и поймет меня. Но и он скрипучим голосом сказал: «Глупая, что ж ты вздумала переходить как раз в такой день?» Все же он дал мне необходимую бумагу.

До села я добралась автобусом, а оттуда до монастыря семь километров шла пешком по горам. Неподалеку от монастыря мне встретился пастух. Не зная, что он монастырский работник, я спросила, далеко ли еще идти. Он посмотрел на меня сверху вниз и со вздохом сказал: «Видать, ты еще одна жертва, которую обманом сюда заманили». Я ничего ему не ответила и прошла мимо. Перед монастырем меня встретили яростным лаем два огромных пса. На их лай и мои крики в воротах показалась дряхлая старуха. Сначала она подумала, что я пришла в гости, но, поняв, кто я, сказала: «Беги, детка, пока не поздно: здесь тебя будут бить».

Я написала матери, чтобы она приехала со мной повидаться. Милая мама, сколько слез пришлось ей пролить из-за меня. В тот момент она была не совсем здорова и послала вместо себя мою тетку. Но я пробыла в новом монастыре всего три дня, а на четвертый не выдержала и решила вернуться в прежний. Пришлось пройти пешком 17 километров. Когда я вернулась, игуменья спросила меня насмешливо: «Ну что, как ты теперь себя чувствуешь? Почему не осталась там?»

На другой день после возвращения — во время литургии — двери монастырской церкви отворились, я оглянулась и увидела свою тетку. Она, как и я, прошла длинный путь пешком от того монастыря до этого. Тетка привезла мне одежду, которую я могла бы надеть, чтобы покинуть монастырь. Но я испугалась, что совершаю непростительный грех, и отказалась вернуться домой.

Тетя уехала. И вот я снова одна. И снова началась прежняя жизнь — поле, сад, моральные муки.

После пасхи меня опять послали по делу в Пловдив. Только на этот раз я опоздала на вечерний автобус. Пришлось ночевать в городе. Я пыталась найти пристанище в домах священников, но тщетно. Каждый батюшка находил какую-нибудь причину, чтобы мне отказать. В конце концов один торжественно вручил мне одеяло и сказал: «Иисусу негде было преклонить голову, я же могу приютить тебя в подвале. Ты и посторожишь, и под крышей укроешься». Я свернулась клубочком на голой земле. Кое-как уснула, с трудом дождалась рассвета и поспешила к автобусу. Солнце тепло улыбалось всем вокруг, а меня знобило. Почти без сил я присела в саду отдохнуть. Там я познакомилась с сестрой Л., игуменьей монастыря в Т. Мы долго разговаривали. Между прочим, она сказала, что в ее монастыре нет архивариуса и я, если хочу, могу поехать с ней. Я обещала сообщить ей о своем решении в течение десяти дней. Она согласилась, и мы простились.

Я вернулась в монастырь. От жара меня клонило ко сну, мучила жажда, пропал аппетит. Тяжелый, упорный кашель отнимал последние силы. Врача не было. Вместо лекарств меня пользовали в монастыре святой водой и молитвами, которые священник вначале отказывался читать, потому что не забыл, как я смеялась в церкви, когда он споткнулся и упал.

Мое состояние все ухудшалось. Я написала сестре Л. Она тут же дала телеграмму, что встретит меня в Пловдиве. Я заявила нашей игуменье, что теперь уже больше не вернусь, и, собрав последние силы, поехала в Пловдив. Меня никто не провожал. Сестры-монахини были на работах. А игуменья сидела у окна со свистком и напоминала им, что отдыхать не время и что хлеб просто так, зря, не дают.

Не знаю, чудо это было или случайность, но на краю села у последнего дома меня догнала пожилая женщина, которая поинтересовалась, куда я держу путь одна и в таком состоянии. В двух словах я рассказала ей о себе. Она пригласила меня к себе. Я вошла в красиво обставленную комнату. Все здесь сверкало чистотой, пахло фруктами. Обхождение тети Божанки (так ее звали), тепло и уют ее дома успокоили меня, и я уснула. Часа через четыре ласковый голос разбудил меня, и мы отправились в Пловдив вдвоем. Игуменья Л., встретившая меня там, пришла от моего вида в смятение. Я рассказала, как меня «лечили», и она тут же повела меня прямо к врачу.

Поначалу в этом монастыре меня встретили радушно, но, увы, радушие было недолгим. Оказалось, что и здесь за место игуменьи идет борьба. Впоследствии его заняла одна из сестер, которой покровительствовал священник П. Этот пастырь был и «скромен», и «свят». Две красивые послушницы по очереди убирали его «бедную» келью. Он регулярно «постился»... сыром, колбасами и другими недоступными для нас лакомствами. Моя вера была уже подорвана, и я служила скрепя сердце. В монастыре я теперь жила скорее как работница, чем как христова невеста.

Я верила в нравственную чистоту служителей бога до того дня, пока случайно не услышала раз-

говор между нашим священником и одним из его собратьев. Они с удовольствием вспоминали свои любовные похождения. Вскоре одного из них посвятили в архимандриты.

Теперь уже все чаще наступали минуты, когда мне хотелось бежать и из этой «святой» обители, но я еще не совсем избавилась от страха, что тем самым совершу непростительный грех, и продолжала терпеть. Мне было хорошо среди природы, в поле, в лесу. Работа меня увлекала, и не хотелось возвращаться в монастырскую келью.

Игуменья Л. перешла в другое место. Ее преемница К. по своему характеру напоминала сестер Золушки. Наказывая кого-либо из сестер, независимо от возраста, она не знала меры. Запирала провинившуюся в келью и уносила ключи. А через день-другой прощала ее пощечиной и выпускала на свободу. При таком режиме здоровье мое снова ухудшилось, и я попала в больницу. Пока я там лежала — а это продолжалось целых три месяца — ни игуменья, ни священник, ни сестры не пришли навестить меня.

ПРОЗРЕНИЕ

Игуменья узнала, что я лежу в туберкулезном отделении и сочла необходимым принять профилактические меры. Чтобы никто в монастыре от меня не заразился, она вернула мне все мои пожитки, помещавшиеся в небольшом чемоданчике. Но куда идти? Я совсем не была к этому готова и решила поделиться своими заботами со священником К. Н. и его супругой. Мы долго обсуждали этот вопрос и наконец решили, что я временно перейду в другой монастырь. Авось, там все как-нибудь устроится. Мне дали письмо к игуменье с просьбой принять меня. Я приехала в монастырь. Прочитав письмо, игуменья посмотрела на меня и сказала присутствовавшему при этом протосингелу (заведующему епархиальной канцелярией):

— Да что же это такое, посылают мне все время больных, как будто здесь богадельня.

Потом, скептически поджав губы, игуменья процедила, что меня примут только при условии, что работать я буду наравне с остальными. Это нисколько меня не испугало, потому что работу я любила. Затем мне показали келью, в которой мне предстояло поселиться. Режим здесь был почти такой же, как в других обителях. Все работали в лесу. Не ходили туда лишь дежурные по кухне. В отличие от других монастырей, здесь у нас было достаточно свободного времени для чтения и духовных песнопений, имелись книги религиозного содержания, и каждый мог читать их у себя в келье. Ночные бдения не практиковались. Но и здесь, как и повсюду, были «наши» и «ваши».

Моими друзьями стали послушница Р. и монахиня С. Последняя была не в почете среди сестер и приближенных игуменьи. Еду ей носили в келью и вступать с ней в контакт не рекомендовалось.

От сестры С. меня отделяли только стена и окно. Когда мы работали в той части леса, куда выходили окна наших келий, мы могли видеться. Время от времени она выходила и во двор, но ненадолго. Не проронив ни слова, она вскоре уходила, сопровождаемая недоброжелательными взглядами остальных сестер. Это была крупная и красивая женщина, в глазах ее светились доброта и искренность. Как я хотела познакомиться с этой женщиной, чего только не предпринимала, чтобы найти способ сойтись с ней поближе. Это удалось мне незадолго до великого поста. Я вышла во двор. Поблизости в это время никого не было, и я тихо поздоровалась с нею. Она посмотрела на меня, улыбнулась и ушла. Я была счастлива. Вечером я написала записку, в которой просила ее на следующий день подойти к окну. Утром перед уходом на работу я сунула записку под ее дверь. После обеда в назначенное мной время я подошла к окну и с радостью поймала ответ, привязанный веревочкой к камешку. С. в нескольких словах описывала отдельные события из своей жизни и тоже выражала желание переписываться со мной таким способом.

Однажды в коридоре, куда выходили наши кельи, никого не было. Я вошла к С., мы погасили свет и стали тихо разговаривать. Я сразу попросила дать мне почитать какую-нибудь из ее многочисленных книг. Мне нельзя было долго задерживаться: мы боялись, что кто-нибудь увидит нас. Я ушла, легла и раскрыла обернутый в бумагу том. Каково же было мое удивление, когда я поняла, что в руках у меня было не религиозное сочинение, а роман. Я с интересом прочла его, спустя два дня вернула и получила другую книгу — «Под крылом партии». Эта книга переменила мои взгляды. У меня возникла надежда, что я могу обратиться к товарищам из Димитровского коммунистического союза молодежи (ДКСМ). Я поделилась моими намерениями с С., она одобрила их, но посоветовала быть осторожной.

Наступил великий пост. Он длится достаточно долго для того, чтобы здоровье больного человека стало еще хуже. Поститься было «желательно», а работать обязательно. Уже на третий день я почувствовала непреодолимую слабость и слегла. Р. приходила меня навещать и протапливать время от времени мою печку: в Балканских горах холодно даже в мае.

Однажды ко мне привели врача. Тот осмотрел меня, и я снова оказалась в больнице. Здесь меня навещали друзья сестры С., которая письмом попросила их об этом.

Врач, что привез меня в больницу, был убежденным атеистом. Он осторожно объяснял мне, что монашество — полная бессмыслица, что вместо пользы оно приносит мне один вред. Во мне началась еще большая внутренняя борьба. «Что делать?» — спрашивала я себя, чувствуя, что доктор прав. Книги, которые я читала, тоже оказывали свое воздействие. Так постепенно я стала прозре-

вать. Сопоставляла нашу жизнь с жизнью вне монастыря. Видела огромный контраст между ними. «Безбожники» жили куда более по-христиански, чем мы: протягивали дружескую руку нуждающимся в помощи, помогали им стать настоящими людьми нового времени. А в монастыре мы только работали и не пользовались никакими правами.

Выходя из больницы, я обещала доктору встать на правильный путь. Поскольку я пропустила автобус, шедший до монастыря, то позвонила протосингелу и попросилась к нему переночевать. После ужина он сказал, что пошлет меня в село У., где есть монастырь, если можно так выразиться, курортного типа. Там я пробыла месяц, в течение которого работала наравне с другими. Вернувшись в город, вместо того чтобы пойти в митрополию, я направилась, правда не без робости, к секретарю ДКСМ. Когда я вошла, он был занят, извинился и попросил подождать. Я села на стул. Через некоторое время он поднял голову и удивленно сказал:

— А, милости прошу! Прежде всего давайте познакомимся... А теперь расскажите, что же привело вас к нам?

Стараясь говорить со мной как можно приветливее, он попросил меня рассказать о жизни в монастыре. Мы беседовали около часа. Затем секретарь набрал по телефону какой-то номер, с кем-то переговорил и сказал:

— Сейчас мы поедем к одному товарищу и вместе с ним сегодня же решим твой вопрос. Ты не должна больше возвращаться в монастырь.

Вскоре мы уже были на фабрике трикотажных изделий и вместе с директором пошли ее осматривать. Все поднимали голову и с интересом разглядывали мою одежду. Наконец осмотр был закончен и нам предложили пообедать. В столовой было уютно, еда сервирована так красиво, что одним только видом возбуждала аппетит. Очень понравилась мне официантка, которая встретила нас словами: «Добро пожаловать! Приятного вам аппетита!»

После обеда директор пригласил нас к себе в кабинет, спросил, понравилась ли мне фабрика и какую работу я там хотела бы выполнять. Я попросила посадить меня за швейную машину, но он посоветовал мне на первое время заняться более легким делом: очищать изделия от ниток. Когда же здоровье мое станет лучше, сказал он, я смогу перейти на более сложную работу.

Вот так я и стала членом трудового коллектива, который встретил меня как родную. И главное — круто изменил мою жизнь. После первого же рабочего дня за мной на машине приехал секретарь ДКСМ. Он познакомил меня с З., которой было поручено повести меня в магазин одежды, чтобы я навсегда могла сбросить черное платье. Она, видимо нарочно, выбрала для меня платье без рукавов. Уже стояло лето, но я чувствовала себя в новом одеянии очень неловко, потому что давно отвыкла от такой одежды. Иными словами, меня одели и обули совсем по-другому.

С тех пор меня стали часто приглашать на молодежные собрания, где просили рассказать о том, что представляет собой тот, «духовный» мир. Пришел и корреспондент. Он задал мне вопросы, на которые я ответила чистосердечно и по совести. Через несколько дней в газете был напечатан очерк «Свет».

А потом начали приходить письма из разных уголков страны. Меня буквально завалили ими. Тем временем духовенство предало меня анафеме. Лишь немногие священнослужители сохранили ко мне добрые чувства. Вскоре я поехала в свой родной город Русе.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

В городской Дом атеиста я пришла в половине девятого утра и застала там товарищей Митева, Милева и доктора Гаврилову. Смущенно спросила, кто из них пригласил меня сюда. Отозвался Митев. Мы познакомились. Он учтиво предложил мне сесть, и начался непринужденный разговор. Митев спрашивал, как я работаю, учусь ли. Узнав, что я недавно из больницы, предложил помочь с путевкой в санаторий.

Я поехала в санаторий. Регулярно поддерживала связь с Домом атеиста. К лету вернулась в Русе.

Митев умело направлял меня и вел к свету. Руководил моим чтением, давал советы, какие книги могут принести мне наибольшую пользу. Вскоре после ремонта в Доме атеиста открылся лекторий, который я стала регулярно посещать. Лекторы разъясняли библейские тексты, и любой слушатель мог задавать вопросы, на которые они исчерпывающе отвечали.

Наконец настал долгожданный день, когда я должна была пойти в школу. У товарища Митева была срочная работа, и он не смог прийти в тот день, но тепло напутствовал меня: «В добрый час, дочка! Будь здорова, весела и главное — хорошо учись!» Всего несколько слов, но как важно мне было их услышать.

Все учебники, пособия и тетради были приобретены для меня на средства Дома атеиста. Мне предоставили место, где я могла готовить домашние задания. От меня хотели только одного — чтобы я училась. Но к концу первой четверти я снова почувствовала себя плохо и мне опять пришлось поехать в санаторий. Товарищ Митев пожелал мне поскорее выздороветь. На этот раз мое пребывание в санатории оказалось особенно счастливым. Там я встретила друга жизни. В письме я поделилась с товарищем Митевым своей радостью, тем, что и я теперь смогу создать семью.

После санатория мы сразу поехали в Русе. В первый момент мать моя не знала, радоваться или плакать. Мы вместе чуть-чуть всплакнули. Но это уж просто по-женски. Мать всегда была заботлива, она дала мне жизнь, она сидела у мо-

ей постели в больнице, пока я не выздоровела. И она приняла моего мужа как родного сына, и он стал называть ее мамой.

Потом мы пошли к товарищу Митеву. Здесь я прослезилась, потому что впервые увидела, как этот внешне суровый человек обрадовался. Он охотно согласился быть нашим посажёным отцом. Следующие несколько дней прошли в радостных хлопотах.

Есть в жизни воспоминания, которые время не в состоянии стереть. 29 января 1974 года останется памятным для нас днем. В назначенное время товарищ Митев и его жена зашли за нами. Я уже была в свадебном наряде. Через несколько минут мы отправились в городской совет. Проходившая мимо молодая пара весело помахала нам, и я ответила на приветствие.

Мы направились в зал бракосочетаний, где уже играла музыка. Товарищ Линкова, оформлявшая наш брак, сказала напутственное слово, мы обменялись кольцами, нас поздравили. Как торжественно было все это! От волнения я почти не в состоянии была нести огромный букет гвоздик. Часть цветов мы с мужем положили перед Памятником Свободы, где минутой молчания почтили память тех, кто отдал свою жизнь за наше счастье.

Потом мы пошли в Дом атеиста. Уже перед входом нас встретил веселый хор более сотни гостей. Нам поднесли каравай хлеба и блюдце с медом, чтобы сладкой была наша совместная жизнь. Затем я посеяла в цветочный горшок несколько семян. И не заметила, как сказала: «Пусть будет столько детей, сколько семян!» Все вокруг захлопали.

Затем мы вошли в Дом. Здесь нас приветствовали юноши и девушки из техникумов и с предприятий. Все желали нам большого счастья и преподносили подарки. Вслед за ними нас стали поздравлять и одаривать гости постарше. Потом выступала самодеятельность, гости пели и танцевали. На следующий день началось наше 20-дневное свадебное путешествие. После возвращения мы с мужем закончили на отлично трехмесячную школу строителей-монтажников и поступили на работу.

Я искренне благодарна товарищам, которые указали мне верный путь в жизни. Я желаю им здоровья, счастья и еще больших успехов в их благородной деятельности.

Перевела с болгарского С. ПАРХОМОВСКАЯ

Съезд польских атеистов

21—22 ноября 1977 года в Варшаве состоялся III съезд Общества распространения светской культуры (ОРСК) — массовой общественной организации, которая ведет в Польской Народной Республике большую работу по пропаганде новых, социалистических, не связанных с религией духовных ценностей, мировоззренческих знаний, по формированию у самых широких масс граждан ПНР научного, материалистического мировоззрения *.

Нынешний съезд ОРСК проходил в особо торжественной обстановке — он совпал с 70-летием организованного атеистического движения в Польше и 20-летием создания в ПНР Общества атеистов и свободомыслящих и Общества светской школы, объединившихся в 1969 году в Общество распространения светской культуры.

Съезд открылся торжественным вручением Обществу распространения светской культуры высокой правительственной награды — ордена Трудового знамени 1-й степени, который прикрепил к знамени ОРСК кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Ежи Лукашевич.

В своей приветственной речи товарищ Лукашевич от имени ЦК ПОРП поздравил делегатов съезда, всех членов ОРСК с высокой наградой, которой отмечен благородный труд многих тысяч активистов этой организации, эффективно содействующей социальному прогрессу польского общества, укреплению его патриотического единства, вносящей в сознание людей новые идейные, мировоззренческие, нравственные ценности.

Товарищ Лукашевич остановился на тех задачах, которые стоят перед Обществом распространения светской культуры в условиях осуществляемого польским народом ускоренного социально-экономического развития страны. Все, что мы уже сделали в осуществлении этой программы, сказал товарищ Лукашевич, что делаем сейчас и что будем делать, служит единственной цели — строительству социалистической Польши, всестороннему гармоническому развитию человека. Именно здесь наглядно виден вклад Общества распространения светской культуры — его активное участие в решении кардинальных идейно-воспитательных, нравственных, мировоззренческих проблем. ОРСК, будучи организацией идейно-воспитательной, важным звеном идеологического фронта, призвано помогать людям находить правильные, исчерпывающие ответы на те мировоззренческие вопросы, которые ставит перед ними современная жизнь: о ее цели и смысле, о добре и зле, о иерархии духовных ценностей, критериях нравственного выбора. ОРСК должно помогать людям претворять правильные ответы на эти вопросы в повседневные ориентиры мышления людей, в их поведение, содействовать росту знаний и культуры, распространению гуманистических нравственных ценностей, воспитанию людей образованных, интеллектуально богатых, правильно понимающих свое место в мире и в обществе.

Животворным источником, из которого черпают вдохновение активисты ОРСК, продолжал товарищ Лукашевич, является унаследованная нами от многих поколений наших предков традиция тесного сотрудничества на благо отчизны всех прогрессивных поляков, независимо от их отношения к религии, независимо от религиозной принадлежности, когда интересы государства ставятся выше мировоззренческих различий. Морально-политическое единство нашего народа — это величайшая ценность, ее нужно хранить как зеницу ока, всемерно расширять и укреплять.

С программным докладом перед делегатами съезда выступил председатель Правления ОРСК профессор Тадеуш Ярошевский. Он охарактеризовал деятельность Общества за 4 года, прошедшие после предыдущего съезда, проанализировал многообразные формы деятельности ОРСК. Сейчас Общество объединяет в своих рядах 250 тысяч членов; 57 тысяч из них вступили в ОРСК в 1976—1977 годах, за это время создано 2500 новых первичных организаций.

Т. Ярошевский особо отметил постоянное внимание ЦК Польской объединенной рабочей партии к развитию в стране движения за светскую культуру. «Во всех наших начинаниях, — сказал он, — мы всегда ощущали и ощущаем сердечную заботу и доброжелательную помощь Центрального Комитета нашей партии и всех партийных инстанций».

Наряду с пленарными заседаниями, на которых выступили 25 человек, делегаты съезда приняли участие в заседаниях 12 секций (по работе в школе, с молодежью, на промышленных предприятиях, в сельской местности, по месту жительства, по связям с учеными, с работниками литературы и искусства и т. д.). Делегаты всесторонне обсудили состояние дел в своей организации, проанализировали накопленный опыт, наметили задачи на будущее. Итоги этих дискуссий нашли свое выражение в единогласно принятом постановлении съезда. Избрано Правление ОРСК в составе 165 человек. Его председателем снова стал профессор Тадеуш Ярошевский, а генеральным секретарем — Веслава Круль.

* *О деятельности ОРСК рассказывалось в статье его генерального секретаря Веславы Круль в № 6 нашего журнала за 1977 г. (прим. ред.).*

За рубежом

"АПОСТОЛ МИРА"

И. ГРИГУЛЕВИЧ,
доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР

Джакомо делла Кьеза родился в 1854 году в Генуе в семье маркиза Джузеппе делла Кьезы, банкира средней руки. Важнейшие посты в церкви: заместитель статс-секретаря при Льве XIII и Пие X, архиепископ Болоньи, кардинал. Избран папой 3 сентября 1914 года, принял имя Бенедикта XV. Во время мировой войны его симпатии склонялись в пользу Германии и Австро-Венгрии. После войны пытался безуспешно заручиться поддержкой американского президента Вильсона для решения в свою пользу «римского вопроса». В церковной политике, в отличие от Пия X, придерживался умеренного курса. Скончался в январе 1922 года.

Смерть Пия X не привлекла к себе особого внимания. Мир был занят разразившейся войной, газеты сообщали о сражениях, победах и поражениях, гадали о будущем. Дела ватиканские мало кого волновали, если не считать кардиналов, спешивших со всех концов мира на конклав, да дипломатов воюющих держав, заинтересованных посадить на святой престол «своего» ставленника.

Пытаясь воздействовать на конклав, иерархи Германии и Австро-Венгрии распространили среди его членов «Меморандум немецких католиков о мировой войне», составленный при участии одного из лидеров Католической партии центра М. Эрцбергера, в котором кайзеровское правительство всячески выгораживалось от ответственности за развязывание войны и утверждалось, будто победа Антанты нанесет «тягчайший урон» мировому католицизму, ибо будет означать триумф протестантизма и православия.

На конклаве образовались две крупные партии. Одна поддерживала страны Антанты, другая — Германию и Австро-Венгрию. Первая выдвинула кандидатуру бывшего нунция в Париже и сторонника франко-русского союза кардинала Ферраты. При Льве XIII он был секретарем конгрегации чрезвычайных дел. Как писал в своих воспоминаниях тогдашний президент Франции Раймон Пуанкаре, французские кардиналы пообещали ему добиться избрания Ферраты на папский престол.

Кандидатом пронемецкой партии и крайних реакционеров был Доменико Серафини. За его спиной стоял сам не претендовавший на папскую тиару из-за своей близости к Пию X статс-секретарь Мэрри дель Валь. Серафини, однако, для папы был слишком молод: 51 год и он всего лишь три месяца ходил в кардиналах. Избрать такого иерарха главой католической церкви означало бы похоронить надежды других членов коллегии кардиналов занять святой престол, что вряд ли могло прибавить голосов Серафини.

У итальянского правительства был также свой кандидат — архиепископ Пизы кардинал Маффи, поддерживавший дружественные отношения с королевской семьей. Его даже называли «духовником отлученной от церкви династии». Во время ливийской войны Маффи выступал с зажигательными призывами в поддержку захватнических планов Италии. Его сторонников прозвали «политиканами».

Был еще один кандидат, который располагал поддержкой в различных группировках: архиепископ Болоньи кардинал Джакомо делла Кьеза. При Льве XIII он служил заместителем статс-секретаря Рамполлы и сохранил этот пост при его преемнике Мэрри дель Вале. В 1907 году Пий X отделался от делла Кьезы, назначив его архиепископом Болоньи. Кардинальскую же шапку тот получил только за три месяца до смерти Пия X, одновременно с Серафини.

Молва обвиняла делла Кьезу в причастности к внезапной смерти соперника его покровителя Рамполлы кардинала Тарнасси, которого Лев XIII намеревался назначить статс-секретарем. «Соперник Рамполлы умер в Риме совершенно неожиданно, скоропостижно и загадочным образом, — пишет об этом историк папства Э. Винтер. — В Ватикане поговаривали об отравлении: Тарнасси умер уж очень вовремя, и вряд ли, как полагали в римской курии, это произошло естественным образом. Называли убийцу: монсеньера делла Кьеза, о котором Зиккель (директор Австро-Венгерского института в Риме) пишет как о любимчике Рамполлы»[1]. После смерти кардинала Тарнасси пост статс-секретаря достался Рамполле, а его заместителем стал делла Кьеза.

Несмотря на то что проантантовские симпатии его покровителя Рамполлы были общеизвестны, делла Кьезе удалось войти в доверие и к австрийским кардиналам, которые были не прочь поддержать его кандидатуру, как сообщал об этом австро-венгерский посол в Ватикане своему правительству накануне конклава.

Борьба на конклаве была исключительно острой. Только шестнадцатый тур голосования принес победу делла Кьезе, наконец-то набравшему необходимые для избрания папой две трети голосов.

«МАЛЫШ» НА ТРОНЕ

Делла Кьеза назвался Бенедиктом XV в честь уроженца Болоньи Бенедикта XIV (1740—1758 гг.). Это показывало, что новоизбранный папа не хотел связывать себя ни с курсом Льва XIII, ни тем более Пия X. Он был довольно молод для своего поста (60 лет) и обладал завидным здоровьем, поэтому считалось, что его правление может затянуться надолго.

В юности Бенедикт XV был свидетелем крушения светской власти пап. Молодой маркиз решил посвятить себя духовной карьере. Он горел желанием сражаться за попранные права римского понтифика. Его отец более трезво смотрел на вещи и потребовал от своего отпрыска сперва закончить юридический факультет университета в Генуе, а уж потом вступить на духовную стезю. В университете делла Кьеза примкнул к ультраклерикальной организации, члены которой именовали себя «отроками Пия IX». Будущий папа учился и был посвящен в духовный сан в иезуитском Грегорианском университете — этой «альма матер» руководящих кадров католической церкви. Затем, благодаря семейным связям, поступил в Академию дворянских священников, готовившую папских дипломатов. Там его приметил и приблизил к себе Рамполла. С тех пор делла Кьеза следовал за ним подобно тени. Когда Лев XIII назначил Рамполлу нунцием в Мадрид, делла Кьеза поехал с ним в качестве секретаря. Год спустя Рамполла получил кардинальскую шапку и был отозван в Рим. С ним вернулся и делла Кьеза. Когда же Рамполла возглавил папский статс-секретариат, туда же перешел и делла Кьеза. После 20-летней службы в курии его наконец посвящают в епископы и дают епархию в Болонье, где он долгих шесть лет дожидается кардинальской мантии.

Делла Кьеза воспринял свое избрание на папский престол спокойно, как будто всегда был уверен, что именно таким образом завершит свою церковную карьеру. Вообще новый понтифик отличался высокомерием и сдержанностью. Он походил больше на чиновника, чем на священнослужителя.

Внешне новый папа выглядел совсем не по-«папски». Роста он был ниже среднего, сухопарый, малоподвижный, с большой головой, в очках, бледный, с хриплым неприятным голосом. Выступать публично для него было мукой. Он

Продолжаем публиковать в сокращенном изложении отдельные главы из новой книги И. Р. Григулевича «Папство: век XX», выходящей в этом году в Политиздате. Первую из них — о Пие IX — см. в январском номере журнала.

[1] Э. Винтер. Папство и царизм. М., 1964, стр. 416—417.

буквально тонул в своем троне. Кстати, когда делла Кьеза служил в статс-секретариате, его прозвали «малыш» («пиколлетто»). Может быть, поэтому Бенедикт XV распорядился, чтобы его короновали не в соборе святого Петра, а более скромно — в Сикстинской капелле.

Но этот «малыш» отлично был знаком со всеми секретами закулисной ватиканской кухни.

Новый папа обнаружил среди бумаг Пия X донос епископа Пьяченцы Пеллиццари, обвинявшего его в модернистских симпатиях. А так как в подобного рода интригах не мог не участвовать Мэрри дель Валь, то Бенедикт XV немедленно уволил своего бывшего шефа с поста статс-секретаря, назначив его руководителем конгрегации инквизиции с обязанностью еженедельно докладывать папе о текущих делах. Это было явным унижением для любимчика Пия X. Место же статс-секретаря занял кардинал Феррата, известный своими профранцузскими симпатиями. Когда в 1915 году он умер, на его место был назначен кардинал Гаспарри, преподававший в течение 17 лет каноническое право в католическом институте в Париже.

НЕЙТРАЛИТЕТ ПО-ВАТИКАНСКИ

Казалось бы, из этих назначений следовало, что Бенедикт XV будет проводить просоюзническую политику. На деле же вышло иначе.

В начале войны в Ватикане преобладало мнение, что победителями окажутся центральные державы. Поэтому Бенедикт XV и его окружение заигрывали с представителями австро-германского блока, хотя и не решались публично на его поддержку. Ведь церковь каждой воюющей страны поддерживала свое правительство. В первом своем послании по поводу войны Бенедикт XV, вместо того чтобы заклеймить буржуазные правительства, ответственные за ее развязывание, предпочел обрушиться на социалистов, надеясь таким образом снискать себе симпатии в правящих кругах обоих соперничавших блоков.

Это обращение вызвало резкое осуждение Ромен Роллана, который тогда записал в своем дневнике: «Папа, голоса которого все так ждали, возвысил его, наконец, и сделал это для того, чтобы осудить... социализм! В новой энциклике сказано, что «менее обеспеченные, которые борются против богатых, не только грешат против справедливости и милосердия, но они совершают насилие над самим разумом, тем более что и они тоже могли бы путем честного соревнования в труде создать себе лучшие условия, если бы они того захотели...» Видно, что человек, написавший это, ни разу не вкусил нищеты... Вся эта мысль основана на поклонении победоносной силе и выражается так: всякая власть — от бога».

Сторонники Антанты усиленно обрабатывали ватиканских прелатов, стремясь перетянуть их на свою сторону. Вскоре после начала войны Великобритания открыла свою дипломатическую миссию при папском престоле. Английские и русские дипломаты оказывали давление на Бенедикта XV, чтобы тот возобновил дипломатические отношения с Францией, да и французы были готовы к этому. Однако папа не спешил с ответом, учитывая тогдашние успехи германских войск.

Отказ папы осудить захват немцами католической Бельгии, бомбардировку Реймсского собора, кровавые репрессии против гражданского населения оккупированных территорий — все это вызвало волну возмущения среди населения союзнических государств, подогреваемую властями. В некоторых французских провоенных газетах, например, Бенедикта XV прямо называли «папой-бошем» («боши» — ругательная кличка немецких оккупантов), а противники Ватикана в Италии перекрестили его из Бенедетто XV в «Маладетто XV» («Проклятый XV»).

Правительство Италии долго не могло решиться, на чьей стороне ему вступить в войну. Оно добивалось территориальных уступок от Австро-Венгрии за свое согласие присоединиться к блоку центральных держав. Ватикан в свою очередь был заинтересован в этом. С присоединением Италии к центральным державам возник бы своего рода католический блок, победа которого не только расширила бы влияние святого престола в Восточной Европе, но и укрепила бы его международные позиции.

Ватикан пытался склонить Вену удовлетворить претензии Италии. С таким демаршем перед Францем-Иосифом, например, выступили архиепископ Вены кардинал Пиффль и папский нунций Скапинелли. Но они только разъярили императора, который с возмущением отверг итальянские притязания. Зато союзники охотно наобещали итальянцам, разумеется за счет Австро-Венгрии, всего, чего те просили, в том числе — не привлекать Ватикан к послевоенному урегулированию. Таким путем итальянское правительство пыталось лишить Ватикан возможности воскресить на мирной конференции «римский вопрос».

Папа узнал точную дату вступления Италии в войну на стороне союзников и заблаговременно сообщил ее центральным державам через своего приближенного — немецкого прелата Герлаха, работавшего на германскую разведку. Итальянские власти обвинили Герлаха в шпионаже, что вынудило его бежать в Швейцарию.

Вступление Италии в войну весьма осложнило положение Ватикана: почти все духовенство страны поддержало это решение, а лидер католических группировок Филиппе Меда занял пост министра финансов. Под давлением итальянских властей дипломатические представители центральных держав были вынуждены покинуть Ватикан и перебраться в Швейцарию. С другой стороны, Берлин и Вена не скупились на изъявления симпатий в адрес Бенедикта XV, обещая в случае своей победы восстановить Папскую область. Стремясь обострить отношения папы с Италией, немецкие агенты уговаривали его покинуть Ватикан и перебраться на время войны в Испанию, куда приглашал его прогермански настроенный король Альфонс XIII.

Однако Бенедикт XV предпочел остаться в Ватикане и после вступления Италии в войну обязался не создавать препятствий итальянскому правительству и одобрил участие в нем Меды. В беседах с дипломатами и журналистами стран Антанты он уверял, будто любит Францию и Бельгию. В ноябре 1916 года папа даже назначил 10 новых кардиналов, в том числе трех французов и ни одного из центральных держав. Но одновременно с этими заверениями Бенедикт XV не скупился на жесты и в пользу австро-германского блока. В марте 1915 года, например, незадолго до вступления Болгарии в войну на стороне Германии, папа снял церковное отлучение с болгарского царя Фердинанда, наложенное на него еще Львом XIII за переход наследного принца Бориса в православие. Избрание в том же году генералом иезуитского ордена онемеченного польского аристократа графа В. Ледоховского, известного своими связями с правящими кругами центральных держав, также расценивалось как реверанс в их сторону.

Больше всего Бенедикт XV опасался победы России, так как это навсегда развеяло бы папские мечты о поглощении православия католицизмом.

Заигрывая с Францией, Ватикан толкал ее на сепаратный мир с Германией. Бенедикт XV предостерегал французов, что победа союзников в войне вызовет поглощение Россией и славянством западной культуры. В частности, такие мысли высказывал перед журналистами статс-секретарь Гаспарри.

Всемерно стремясь примирить Антанту с центральными державами за счет интересов России, Бенедикт XV пугал и тех и других призраком социальной революции, могущей поглотить всех сильных мира сего. По свидетельству германского католического политика М. Эрцбергера, посетившего папу в 1915 году, тот сказал ему: «Если война затянется надолго, то будет социальная революция, какой еще свет не видел». Внешнеполитические устремления Бенедикта XV были хорошо известны русскому представителю при папском престоле Боку, который в декабре 1916 года сообщал в Петроград, что «мир, оканчивающий войну вничью для остальных и в ущерб России, представляется Ватикану, в во всяком случае очень сильной в нем партии, как мир, выгодный для католической церкви».

Февральская революция в России была встречена в Ватикане со смешанными чувствами. С одной стороны, там рассчитывали, что с падением царизма ослабнет связь православия с правительством и это позволит расширить деятельность католической церкви. С другой — опасались, что революция примет со временем более радикальный характер, сможет увлечь за собой другие народы и принесет такой же, если не больший, вред церкви, как некогда Великая французская революция.

Рост антивоенных настроений и угроза революционных взрывов в других странах Европы вынудили Ватикан активизировать свою миротворческую деятельность. 1 августа 1917 года Бенедикт XV обратился к воюющим державам с призывом начать переговоры о заключении мира. В качестве основы для мирного урегулирования папа предлагал отход Германии на Западе к своим прежним границам и возвращение ей колоний. Инициатива Ватикана была инспирирована кайзеровским правительством через нунция в Мюнхене Эудженио Пачелли (будущий папа Пий XII). Так как в ватиканских предложениях не упоминались захваты Германии и Австро-Венгрии в России, то было очевидно,

что папа добивался такого мира, при котором центральные державы сохранили бы территории, оккупированные ими на Востоке.

Правительства Антанты холодно встретили ноту Ватикана. И хотя из этой затеи ничего не получилось, Бенедикт XV продолжал предпринимать дипломатические шаги, могущие предотвратить поражение центральных держав в мировой войне, предопределенное вступлением в нее в 1917 году США на стороне союзников.

ВАТИКАН И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и последовавшая за нею гражданская война в России, поддержка белогвардейских армий крупнейшими империалистическими державами, возникновение на обломках царской империи буржуазных государств — Польши, прибалтийских республик, Финляндии — все эти события вызвали необычайное оживление в Ватикане. Бенедикт XV пытался извлечь из них максимальную выгоду для церкви. Он был убежден, что Советская власть будет задушена объединенными усилиями внутренней контрреволюции и мирового империализма. Назначенный Керенским посланник при папском престоле А. Н. Лисаковский перешел на службу к Колчаку и Деникину. В октябре 1919 года он писал, что папский престол сочувственно относится к «борьбе с большевизмом, которого он более всего боится».

С первых же дней победы Октября Ватикан принял активное участие в создании злобного мифа, рисующего Советское государство в роли гонителя религии и священников. В марте 1919 года в ответ на призыв православных епископов, служивших Колчаку, Бенедикт XV поручил статс-секретарю кардиналу Гаспарри обратиться к народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину с протестом против мнимых преследований церковников. Нарком ответил, что в Советской России никто не преследуется за веру, что здесь «не происходит никаких явлений, подобных тем, которые составляли правило в тех странах, где господствовала римско-католическая церковь, по отношению к иноверцам». Чичерин выразил удивление, что папа не протестует против зверств белогвардейцев и иностранных интервентов[2].

Еще в апреле 1918 года Бенедикт XV назначил представителем в России, Польше и Прибалтике своего будущего преемника прелата Акилле Ратти. Некоторое время спустя папа назначил его первым ватиканским нунцием при польском буржуазном правительстве. Ратти призывал Пилсудского к крестовому походу против Советской России, приветствуя расширение границ буржуазной Польши за счет украинских и белорусских земель и в то же время резко отрицательно относясь к освобождению исконно польских земель, находившихся под властью Германии. Эта прогерманская линия Ватикана проявилась со всей очевидностью в 1919—1921 годах, во время плебисцита в Верхней Силезии, когда Ратти, назначенный Лигой Наций наблюдателем, высказался за оставление этой территории в составе Веймарской республики. Все это вызвало протесты в Польше, что вынудило Бенедикта XV отозвать Ратти из Варшавы. Стремясь подчеркнуть, что одобряет деятельность последнего, папа после возвращения Ратти в Италию назначил его архиепископом миланским и пожаловал ему кардинальскую шапку, тем самым открыв тому доступ к папской тиаре.

В 1919 году Бенедикт XV принял миссию Петлюры во главе с графом Тышкевичем, после чего направил на Украину своего представителя монаха Дженоки. Только падение Петлюры помешало тому добраться до места назначения. Не посчастливилось и другому папскому посланцу, епископу Мориондо, назначенному апостолическим викарием и визитатором Кавказа и Крыма. Разгром белых армий закрыл ему доступ на нашу землю.

Активную политику проводил Бенедикт XV и в Прибалтике. Он установил дипломатические отношения с Литвой, Латвией, Эстонией, направил своего легата в Финляндию. Представители Ватикана в этих странах поддерживали ультрареакционные элементы, поощряли антисоветскую деятельность.

Не желая обострять отношений с католической церковью, Советское правительство после победы над силами внутренней контрреволюции разрешило Ватикану направить своего представителя в СССР для посещения католических епархий. Бенедикт XV поручил эту миссию иезуиту д'Эрбиньи. Последний, не ограничиваясь церковными делами, стал собирать сведения разведывательного характера, за что был выслан из пределов страны.

Несмотря на эти неудачи, Бенедикт XV продолжал изыскивать новые лазейки для проникновения в Советскую Россию. В связи с голодом, жертвой которого стало население обширных районов Поволжья, истощенных засухой и долгими годами войны, Ватикан предложил направить туда миссию помощи. Советские органы согласились принять ее, оговорив в специальном соглашении, что сотрудники последней «обязуются воздерживаться от всяких политических действий, прямых или косвенных, как внутри России, так и за границей, противных существующему правительству». Однако, как впоследствии было установлено, Ватикан и на сей раз не удержался от того, чтобы использовать членов миссии для вмешательства во внутренние дела нашей страны.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ МАНЕВРЫ

С окончанием первой мировой войны делла Кьеза лихорадочно стремился «втиснуться» в группу держав-победительниц и заручиться таким образом определенными выгодами как в международном плане, так и в итальянских делах. Используя американскую католическую иерархию, папа пытался получить доступ на Версальскую конференцию через президента США Вильсона. В 1919 году тот даже нанес визит в Ватикан, тем не менее к участию в Версальской конференции папский престол так и не был допущен из-за вето, наложенного Италией на это предложение в «Совете четырех». Францию папа пытался смягчить признанием закона об отделении церкви от государства, принятого там еще в 1905 году. В ноябре 1920 года дипломатические отношения Ватикана с Парижем были восстановлены.

10 ноября 1919 года Бенедикт XV официально отменил запрет Пия IX («Нон экспедит» — «Не дозволено», 1871 г.) итальянским католикам участвовать в политической жизни и разрешил создание католической «Народной партии» демохристианского типа во главе с падре Луиджи Стурцо. Последняя призвана была воспрепятствовать расширению влияния социалистов и коммунистов. Бенедикт XV признал право глав иностранных государств наносить официальные визиты королю Италии, против чего Ватикан решительно возражал со времени ликвидации Папской области (1870 г.). Он разрешил также контакты между «черными» дипломатами, аккредитованными при Ватикане, и «белыми», аккредитованными при итальянском правительстве. Эти шаги открывали путь к примирению последнего со «святым престолом».

В 1919 году Бенедикт XV, действуя через американского прелата Уолша, добился принципиального согласия итальянского премьера Орландо на предоставление Ватикану небольшой территории и «самостоятельности». Но этому соглашению не суждено было тогда осуществиться из-за отставки кабинета Орландо и последовавшего правительственного кризиса.

Не достигли цели и дипломатические маневры Ватикана, притязавшего на участие в послевоенном урегулировании. Потерпев поражение и на этом пути, Бенедикт XV «не признал» Версальский договор и порожденную им Лигу Наций, что, впрочем, не обеспокоило руководителей ведущих капиталистических держав. Ведь они были уверены, что, несмотря на любые разногласия с папой, всегда можно будет рассчитывать на его участие в борьбе против социализма и коммунизма.

Стремление к лавированию проявилось у Бенедикта XV и во внутрицерковной политике. С одной стороны, он одобрил в 1917 году канонический кодекс — верховный закон для духовенства и верующих, созданный по инициативе его предшественника Пия X. Кодекс был составлен в духе «Силлабуса», осуждал веротерпимость и свободу совести, угрожал загробными муками за малейший отход от папских директив и церковных постановлений. С другой стороны, Бенедикт XV прекратил гонения на модернистов, разрешил в определенных пределах богословские дискуссии, остерегался пускать в ход отлучения и осуждения, к тому же атмосфера мировой войны, революция в России, а затем и революционные события в странах Центральной Европы, подъем рабочего движения в Италии и других государствах Антанты — все это отнюдь не способствовало травле «еретиков». Папа счел благоразумным упразднить конгрегацию Индекса, передав ее функции конгрегации священной канцелярии (бывшей инквизиции). При Бенедикте XV церковные ультраинтегралисты, как они себя стали называть, ушли в тень, хотя и не сдали своих позиций. Делла Кьеза приказал распустить тайную полицию, созданную его предшественником. Впрочем, германские войска, оккупировавшие Бельгию, обнаружили там и опубликовали документы, которые неопровержимо дока-

[2] См.: «Деятели Октября о религии и церкви». М., 1968, стр. 197—198.

зывали, что обер-полицмейстер Ватикана монсеньер Бенини и его соглядатаи продолжали шпионить за своими «братьями во Христе» и после формального роспуска их организации.

Весьма активно проявил себя Бенедикт XV на миссионерском поприще. После первой мировой войны ватиканская конгрегация пропаганды веры, ведающая миссионерством, стала усиленно расширять свою деятельность в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке. В 1918 году Ватикан установил прямые дипломатические отношения с Китаем. В 1919 году была опубликована энциклика, призывавшая миссионеров блюсти в первую очередь интересы церкви, а не своих правительств, готовить священнослужителей из местного населения, относиться с бо́льшим уважением и национальным культурам и обычаям. Таким путем Ватикан рассчитывал укрепить авторитет миссионеров и тем самым сделать их еще более полезными для колонизаторов.

Ни по внешности, ни по поведению Бенедикт XV не был «яркой» личностью. Современники считали его посредственностью. Вместе с тем он был, несомненно, опытным политиком, сумел в сложных условиях первой мировой войны и послевоенных лет, если не приумножить, то во всяком случае сохранить на прежнем уровне авторитет и влияние католической церкви в капиталистическом мире. Сочувствуя центральным державам, Бенедикт XV наряду с этим ухитрился сохранить формальный нейтралитет, что способствовало распространению клерикального мифа о нем как об «апостоле мира».

В личном плане Бенедикт XV отличался фанатичным педантизмом, его рабочий день был расписан по минутам, и он строго придерживался этого распорядка. Делла Кьеза любил дарить своим приближенным часы, что, по его мнению, должно было способствовать воспитанию у них пунктуальности. Ему нравилось швырять золотые монеты своим слугам и наблюдать, кто из них сумеет завладеть ими в возникшей свалке. При этом менее ловких он тут же разносил как «раззяв».

Вообще Бенедикт XV довольно легко, часто бездумно тратил деньги из казны святого Петра. Ватиканские старожилы утверждают, что когда он умер, то в ней не осталось наличными ни одной лиры. Для покрытия расходов на его похороны и на созыв конклава статс-секретарю кардиналу Гаспарри якобы пришлось влезть в долги к римским банкирам.

Бенедикт XV скончался 22 января 1922 года — неожиданно для его окружения и, надо думать, для него самого. В тот день ему было чуть больше 67 лет — для папы совсем немного. Его смерть, как и его правление, не привлекли особого внимания международной общественности. Впрочем, и в самой курии и церкви никто особенно не горевал по поводу отхода Бенедикта XV в «мир иной». Он не оставил после себя друзей, но не оставил и врагов. Такова участь посредственностей. Наместники бога на земле в этом отношении не являются исключением.

„В обличье духов и чертей...”

Г. САЛТЫКОВ, научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР

Чудовище с головой верблюда, ушами быка, когтями беркута, шеей змеи, лапами тигра, рогами оленя — таков китайский дракон, мифическое существо, которое с древнейших времен стало главным объектом почитания в Китае и с которым связано бесчисленное множество легенд и суеверий. Со II века до нашей эры дракон сделался в Китае символом императорской власти, а затем и всей страны. Люди верили, что он скрывается в пещерах неприступных гор или лежит в глубине океана, пока не наступит время вызвать дождь или ураган, возвестить о приходе весны или о другом важном событии. Согласно древним верованиям, дракон стоит на охране порядка в мироздании, выполняя волю богов, дарует Вселенной процветание или хаос. Поэтому его считают и символом бдительности и защиты.

Казалось бы, в XX веке всем связанным с драконом поверьям место лишь в сказках. Однако, когда в очередной раз, по 12-летнему календарному циклу (в котором каждый год проходит под знаком какого-либо животного), наступил «год дракона» — 1976-й, в Китае с огромной силой вспыхнули все связанные с ним суеверия. Если в год дракона небо гневается, то это предвещает конец династии,— так издавна верили в Китае, и все стихийные бедствия, хозяйственные неудачи, постигшие Китай в 1976-м, здесь считали предзнаменованием конца правления Мао, и совпавшую с ними смерть председателя Мао большинство расценивало как «месть дракона». Последние годы в Китае отмечены повсеместным возрождением древних суеверий, религиозных предрассудков в различных слоях китайского общества, и прежде всего среди крестьянства, которое составляет 80 процентов населения страны.

Во время кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» газета «Жэньминь жибао» опубликовала 10 сентября 1973 года письма одного «образованного молодого человека», посланного в деревню провинции Ляонин. Иностранные обозреватели отмечали, что эти публикации нарисовали «картину подлинной жизни в деревне», показали, «как мало изменились крестьяне». Недалеко от деревни, о которой писал этот юноша, находится гора Восьми драконов. В прежние времена здесь происходили заклинания духов. Этот ритуал возродился — крестьяне снова начали собираться в пещере и просить дракона о дожде. Молодой человек извлек из пещеры все большие и малые предметы культа, и, по его требованию, «их сожгли публично, тем самым пропагандируя атеизм среди народа»,— пишет «Женьминь жибао».

Особенно сильно поклонение дракону в южных провинциях Китая. В провинции Юньнань, близ города Гоцзю, решено было прорыть канал. Крестьяне стали протестовать, уверяя, что «канал растревожит подземного дракона». К ним присоединились и некоторые местные партийные руководители. Тогда сюда прибыл военный пропагандистский отряд, который объявил «классовыми врагами» тех, кто верил в дракона. В провинции Хунань население сопротивлялось строительству туннеля, опасаясь, что это потревожит дракона.

Несмотря на все кампании «отмены религии», неоднократно проводившиеся в Китае, в среде крестьянства не поколебалась вера в сверхъестественные силы. Во время засухи, отчаявшись, они прибегают к древним ритуалам и мольбам о ниспослании дождя. В это время они читают Цюй юй пянь — книгу молений о дожде и стараются «умилостивить» водяного дракона Лун-вана. Примитивные народные верования и поклонение местным божествам, духам гор, рек, озер и т. д. особенно живучи в отсталых деревнях. В автономном округе Туцзя, писали газеты, «феодальные суеверия сорвали работу по охране вод», в другом районе, где живет народность ва, сопротивление крестьян строительным работам в горах пришлось преодолевать с помощью войск. Правда, местные власти пошли на компромисс — уговаривая крестьян, они заявляли: «Духи горы должны давать пищу людям».

В китайской центральной печати (и даже в теоретическом журнале «Хунци») неоднократно сообщалось о подобных

историях — в провинциях Гуаньси, Хубэй, Хэбэй, Хайлунцзяне, Цинхае и других.

Даже в сравнительно развитых в экономическом и культурном отношении районах Китая довольно стойко сохраняются древние ритуалы и религиозные предрассудки. Здесь сказываются и невежество масс, и отсутствие правильной системы атеистической работы. Но, пожалуй, более всего способствует процветанию суеверий сама практика хозяйствования, в которой научные знания и разумный подход заменены произволом, авантюризмом и ссылками на идеи Мао Цзэ-дуна.

Мэйчууаньское водохранилище, построенное в уезде Чуанцзи провинции Хубэй, люди называют «бездонной бочкой». На его сооружение были затрачены большие средства и колоссальное количество ручного труда крестьян окрестных сел. После ввода в эксплуатацию водохранилище стало бедствием для членов коммун. Грубые ошибки при проектировании, нарушение проекта из-за недостатка средств и материалов (результат «опоры на собственные силы») привели к весьма неустойчивому водному балансу. В верхнем течении накапливается чрезмерное количество воды — люди страдают от наводнений. В среднем — находятся в вечном страхе перед возможным прорывом плотины, в низовьях бедствуют от постоянных засух. Естественно, у местных крестьян возродилось суеверное отношение к водной стихии. Они уверены, что причина всех бедствий — неумелое обращение с духом вод, забвение древних обычаев. Даже в образцовой коммуне «Дачжай», когда наводнение смыло поля, крестьяне были убеждены, что это возмездие бога[1]. Газета «Фуцзянь жибао» пишет, что в провинции много деревень, где устраивают ритуальные празднества по случаю сбора урожая иногда даже с жертвоприношениями. «Феодальные предрассудки сохраняются, и старые обычаи возрождаются, а кадровые работники смотрят на это сквозь пальцы»,— отмечает газета.

Надо сказать, что местным руководителям часто такие убеждения на руку: лучше пусть причину хозяйственных неудач крестьяне видят в немилости неба или гневе дракона, чем в их головотяпстве. Кадровый работник коммуны Чаоян (уезд Шуян провинции Цзянсу) Шу Лянь-бо «потребовал, чтобы сеяли густо, а урожай оказался очень плохим... Шу стал винить бога за то, что дал много дождя»,— и так избежал критики.

Маоистские руководители считают, что предрассудки и магические ритуалы нисколько не мешают выжиманию соков из крестьян, напротив, лучше, если крестьяне надеются на милость неба, а не на помощь государства.

Рисовые поля во многих провинциях Китая нередко опустошаются сельскохозяйственными вредителями. Коммуны не имеют никаких средств для борьбы с ними, и местные руководители «не замечают», что крестьяне прибегают к древним обрядам в надежде сохранить урожай: зажигают курительные палочки в честь божества насекомых Чун-вана, наиболее популярного в пантеоне даосского культа, ограждают поля бумажными флажками с именем Чун-вана.

По-прежнему широко распространены в Китае и бытовые суеверия. В ходу всевозможные обереги, амулеты, талисманы, распространены гадания и ворожба. (В период «культурной революции» значки с изображением Мао было принято считать магическими, их использовали в обряде заклинания духов.) Вот характерная зарисовка из жизни провинции Гуандун: «Женщина обнаружила, что с ее огорода исчезли две дыни. После соответствующих гаданий она побежала к подозреваемой соседке и стала осыпать ее проклятиями. Потерпевшая воткнула свечи в то место, где лежали дыни, моля бога наслать порчу на воровку»[2].

Политика маоистов в области здравоохранения также способствует сохранению многих суеверий. Тяжелое положение в медицине заставило власти ввести в систему здравоохранения так называемых «босоногих врачей» из молодежи и призвать население к самообеспечению лекарственными травами. Крестьяне не доверяют этим «босоногим», не имеющим ни навыков, ни знаний, и предпочитают по традиции обращаться к знахарям и заклинателям духов.

Кампания по самообеспечению населения лекарствами и отказ от продукции фармацевтических предприятий привели к тому, что каждая коммуна кустарно начала изготовлять свои лекарственные средства. В китайской деревне всегда пользовались лечебными травами. Семьи, в которых знания народной медицины переходили от отца к сыну, составляли своеобразную касту. Из-за преследований и запретов многие деревенские профессионалы отказались от медицинской практики, вместе с ними исчезли традиционные методы лечения, утрачен опыт многих поколений. Магическим заклинаниям из даосского арсенала лекарь и его пациенты доверяют и сегодня значительно больше, чем лекарственным травам.

В средней школе уезда Суцянь провинции Цзянсу создана фабрика «по изготовлению лекарств». Руководит работой учеников старый крестьянин. По даосским представлениям, при приготовлении различных снадобий необходимо использовать всяческие «отходы» человека. Ногти — для остановки кровотечения из носа, перхоть — от тифа, зола от сжигания человеческих волос идет на лечение кашля, детских конвульсий и т. п. Таким путем даосские лекари получали десятки лекарственных препаратов. Их наставлениями руководствовался и крестьянин, посланный в школу. Для одного лекарственного порошка понадобились волосы. Ученице Ван было предложено отрезать для этого косы. Девочка согласилась. Она заявила: «Отрежу косы, они еще вырастут, а то идеология будет все грязнее и грязнее». Этот случай широко пропагандировался по радио. Передача шла под рубрикой «Борьба с эгоизмом». Основной упор здесь делался на победу идей Мао над чувством собственности в сознании подростков. А что лекарства готовили из волос — это никого не смущало.

«Иногда такая простая история рисует реальную обстановку лучше, чем глубокомысленные сообщения,— пишет о таких случаях гонконгский журнал «Чайна ньюс аналисис».— Древние крестьянские верования не умерли».

Старый крестьянин — наставник по фармакологии, а возможно, и «босоногие» врачи уверены, что лекарство из волос даст эффект лишь при определенном заклинании. А отсюда один шаг до распространенного суеверия, что если больной заразит другого человека, то он отдаст ему половину болезни и станет ровно настолько здоровее. Это суеверие нередко пускается в ход для пропаганды самопожертвования «ради счастья народа» и для утверждения лозунга: «Не бояться трудностей, не бояться смерти».

Традиционные даосские понятия иной раз интерпретируются применительно к новому курсу. Тех, кто недоволен существующими порядками в Китае, старики в деревне пугают тем, что они после загробного суда, который вершит высший из богов — нефритовый император Юйхуан Шанди, попадут в третий зал (круг) ада: согласно даосским понятиям, в него попадают грешники, которые думают, что китайский император не заботится о своих подданных.

Религиозные предрассудки и суеверия использовались и теми, кто недоволен политикой маоистов, в их выступлениях против властей. В коммуне Цзяосе провинции Ляодунь черти «появлялись» именно тогда, когда крестьяне выбивались из сил от изнурительной работы на полях. Измученные усталостью люди пытались хоть «благодаря чертям» получить передышку. «Классовые враги в обличье духов и чертей наносят вред производству»,— писали по этому поводу в местной прессе. На Нанлунских угольных шахтах в провинции Шаньси рабочие пугали ретивых надсмотрщиков чертями, змеями и злыми духами. Одна из дацзыбао в прошлом году требовала приносить жертвы во спасение души премьера Чжоу, для успокоения Поднебесной.

В Китае формально объявлена борьба с так называемыми отсталыми обычаями и нравами. Маоистские руководители не раз устраивали жестокие чистки именно под лозунгом борьбы с суеверием: «Долой четырех старых: старое мышление, старую культуру, старые привычки и обычаи». Однако опасность быть обвиненным в «приверженности к старому» всегда меньше пугала, чем обвинение в недостаточном почитании Мао или подозрения в уступках «классовым врагам». Огонь критики направлен в основном против народных праздников и обрядов, связанных со свадьбой и похоронами.

По сути дела в Китае сейчас нет пропаганды научно-атеистических знаний, а религиозной идеологии противопоставляются лозунги вроде такого: «На свете нет ни бога, ни черта — одна материя, а кто в это не верит, тот классовый враг».

Другой способ борьбы с суевериями — административные запреты. Но перечисление того, чего нельзя делать, лишь

[1] Сообщение агентства Синьхуа от 7 февраля 1976 г.
[2] «China News Analisis», 17. V. 1974.

показывает, насколько широко распространены в массах темные суеверия. Вот, к примеру, выдержки из устава Фуцзянского провинциального союза крестьян-бедняков и низших середняков, принятого в декабре 1974 года: «Нужно покончить с феодальными суевериями, не должно быть никаких разговоров о драконе, не следует выбирать благоприятных дней для переселений, больные не должны вызывать знахарей, женщин-даосок не следует вызывать к умершим, не надо приносить жертвы на похоронах, не следует советоваться с ветром и водой (фын-шуй), не следует соблюдать древние церемонии». Эта картина тем более примечательна, что в первые годы народной власти в Китае резко снизились религиозные настроения, шло очищение народного сознания от предрассудков и суеверий — тогда сами социально-политические и экономические преобразования постепенно подрывали религиозные верования, открывали дорогу атеистическим убеждениям. По мере того как в Китае утверждался националистический курс группы Мао Цзэ-дуна, тон нападок на религиозные представления, сохранявшиеся в крестьянстве, становился все более грубым и вульгарным, а распространение суеверий заметно ширилось. Маоисты, препятствуя приобщению народа к социалистической культуре, тормозя ее развитие, делают все для консервации отсталости китайского общества, создают благоприятные условия для широкого воспроизводства суеверий и фанатизма.

Религиозные переживания, выполняя функцию защиты психики от неблагоприятных влияний внешних условий, как бы обретали в маоистском Китае второе дыхание. Немало этому способствовала атмосфера насилия и бесправия, разочарования в маоистских принципах ведения народного хозяйства, компрометация социалистических идеалов.

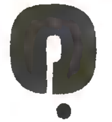
Способствовали вытеснению трезвого, материалистического подхода к жизненным ситуациям и культ личности Мао, насаждение веры в то, что Мао и его учение придают людям сверхчеловеческие способности и творят чудеса. Именно это было лейтмотивом маоистской пропаганды. Она усиливала воздействие маоистской идеологии на народные массы и определенно вела к возрождению самых отсталых суеверий и религиозных предрассудков, что тоже входило в расчет маоистских руководителей (например, нельзя было не почувствовать расчета на старую веру китайцев в божественность власти: ведь императора в Китае называли сыном неба). Духовный рост китайского народа представляет для них очевидную опасность, а с массой, зараженной суевериями и предрассудками, иметь дело проще и легче. Видимо, в Китае предпочитают «месть дракона» мести обманутого народа. Однако эту политику китайского руководства нельзя толковать однозначно.

Учение Мао Цзэ-дуна представляет смесь различных взглядов китайского и иностранного происхождения, в том числе и религиозных. Многое из этого цзяо[3] уходит корнями в идеалистическую философию и религиозные учения древнего Китая.

«Чтобы правильно определить характер философии маоизма, необходимо раскрыть скобки за той марксистской терминологией, которую маоизм эксплуатирует... и мы попадаем в настоящие дебри субъективного идеализма, волюнтаризма и даже самой настоящей мистики, облаченной в псевдонаучные, материалистически звучащие фразы»[4],— отмечают исследователи философии Мао.

История китайской общественной мысли богата материалистическими и демократическими традициями. Древние китайские материалисты, критикуя идеализм и мистику, прокладывали путь научному знанию и общественному прогрессу. Но отнюдь не эти прогрессивные традиции легли в основу маоизма. В поисках образцов его последователи чаще обращались к конфуцианству, даосизму и другим религиозным учениям[5].

Что же привлекает идеологов маоизма в конфуцианстве? Прежде всего — идеи этноцентризма и все те его положения, которые можно использовать для развития апологии культа личности. Вот что пишет об этом видный деятель Коммунистической партии Китая Ван Мин, отдавший жизнь делу освобождения китайского народа: «Общеизвестно, что отсталая сторона конфуцианства, выражающаяся в «почитании монарха и удалении чужеземцев», является важным идейным источником и составной частью идей Мао Цзэ-дуна». «Почитание монарха» означает преклонение перед ним как перед «сыном неба»; «удаление чужеземцев» означает выделение Китая как «небесной империи». Идейным источником эгоцентризма и крайнего индивидуализма Мао Цзэ-дуна является именно идеология «сына неба», а идейным источником его крайнего национализма и шовинизма — идеология «небесной империи». Он сам говорил, что является «политиком, который внешне — конфуцианец, а внутри — даос»[6].



Обожествление власти правителей существовало в Китае с древнейших времен. Свидетельства этому содержатся в источниках XV—XVI веков до нашей эры. Но именно конфуцианство (VI в. до н. э.) обосновало, развило и в наибольшей степени использовало эту идею. Согласно официальной доктрине конфуцианства, тот, кто правит Китаем, действует по воле неба, божественной силы. Это учение утверждало правителей Китая как неприкосновенных, сверхмудрых, стоящих над всеми смертными, превращало их в земных богов. А тот, кто правил Китаем, считался «повелителем всех народов», иначе говоря, всего мира. Именно конфуцианство породило культ «срединной империи», определяя ее как центр (середину) Вселенной, вершину мировой цивилизации. Культ китайской «небесной империи» стал не только теоретической основой национализма и шовинизма в Китае, но и фундаментом маоистской практики.

В религиозном даосизме, как и в конфуцианстве, маоистская идеология почерпнула наиболее ретроградные идеи. Заметим, что даосизм как философия сильно отличается от религиозного даосизма, многие положения даосской философии прямо противоположны мистике даосских канонов (дао-цзян). В даосизме дается «космологическая» интерпретация правителя, где он трактуется как изначальное состояние Вселенной, как корень, основа мирового закона — «дао». Кроме этого, маоисты используют представления даосских монахов о противоположности добра и зла, верха и низа, смене темного и светлого начал — «инь» и «ян» — для извращения и вульгаризации материалистической диалектики. Стремление ограничить массовое потребление минимумом житейских благ, апология бедности, идеализация убогой сельской жизни, вульгаризация идеала социального равенства — в этих положениях маоизм сливается с даосизмом.

Но более всего роднит маоизм с религиозной идеологией субъективный идеализм, который В. И. Ленин характеризовал как «преддверие прямой поповщины»[7]. Анализ теории и практики маоизма показывает, что именно субъективный идеализм является сущностью философии Мао Цзэ-дуна. Маоизм абсолютизирует субъективный фактор, роль идей в развитии общества. «Идеи Мао Цзэ-дуна» — не что иное, как открытая ревизия марксистского понимания основного вопроса философии. К маоизму полностью можно отнести слова К. Маркса и Ф. Энгельса, характеризующие разного рода идеалистов: «Все идеалисты, как философские, так и религиозные, как старые, так и новые, верят в наития, в откровения, в спасителей, в чудотворцев, и только от степени их образования зависит, принимает ли эта вера грубую, религиозную форму или же просвещенную, философскую, подобно тому как только от степени их энергии, характера, общественного положения и т. д. зависит, относятся ли они к вере в чудеса пассивно или активно, то есть являются ли они пастырями-чудотворцами или их паствой, и, далее, преследуют ли они при этом теоретические или практические цели»[8].

Вся маоистская внутренняя политика направлена на то, чтобы заменить мысль, знания — верой. Маоизму, оказавшемуся несостоятельным в решении практических хозяйственных и социальных задач, необходима была безоглядная вера масс в сверхъестественные способности земной личности — «председателя Мао».

Сознавая свою неспособность вывести Китай из кризисного состояния, маоисты, пользуясь отсталостью многомиллионных масс крестьянства, их неграмотностью, приверженностью к суевериям, воспитывают у китайских трудящихся такое отношение к своим поучениям, которое исключает всякую попытку какой бы то ни было критики, превращает «идеи Мао» в объект слепой веры.

---

[3] «Цзяо» переводится и как «учение», и как «религия».
[4] М. Алтайский, В. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. М., 1969, стр. 54.
[5] См. статьи Л. Васильева «Заповеди Конфуция, китайские церемонии и грамотеи-чиновники» в нашем журнале № 12 за 1971 г. и «Религиозный даосизм» в № 2 за 1972 г.
[6] Ван Мин. Мао Цзэ-дун и Цинь Ши-хуан. «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3, стр. 152.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 361.
[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 536.

Лишенная права мыслить творчески, личность в маоистском Китае, как в мрачное средневековье, когда церковная схоластика господствовала в духовной жизни людей, превращается в послушный «винтик», обрекается на полную интеллектуальную пассивность, живет в условиях постоянно разжигаемой ненависти ко всякого рода «еретикам».

Когда Мао еще был жив, пекинская пропаганда без тени смущения оповещала: «В прошлом люди говорили: «Храни тебя бог», а теперь: «Храни тебя председатель Мао». Сегодня в полной мере трудно оценить, к каким последствиям приведет эта политика пекинских властей. В. И. Ленин предупреждал: «Положение: «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии»[9]. В числе этих других оказываются маоисты.

Маоистская практика управления страной постоянно возрождает языческие верования, примитивные суеверия, особенно обожествление сил природы, широко бытующие в крестьянской среде. Однако маоизм использует в своей политике и мировые религии, которые имеют в Китае немало приверженцев[10]. Это использование идет по разным направлениям.

В мае 1973 года в главном буддистском храме Гуанцзысы в Пекине состоялась необычная церемония. Сначала 20 китайских монахов читали сутры, затем 6 японских священнослужителей произнесли молитву «Дань Будде грядущему». На длинном полотнище, свисавшем с карнизов зала, было написано: «Религиозная служба, посвященная дружбе народов Китая и Японии». Рассказывая об этом, гонконгский журнал «Фар истерн икэномик ревью» (1973, № 6) писал: «Эта сцена имела более важное значение, чем могло показаться на первый взгляд. Ведь это был первый визит иностранной буддистской делегации в Китай после «культурной революции». Определенно буддизм вновь стал каналом для китайской дипломатии, а Китайская ассоциация буддистов[11] была возрождена, чтобы открыть этот канал».

По словам Чжа Пу-чу, одного из руководителей Китайской ассоциации буддистов, буддистские монахи «пересмотрели» некоторые элементы учения о карме — теперь упор делается не на индивидуальную карму, а на коллективную, и основной задачей буддистов стало «объединение» верующих вокруг идей Мао Цзэ-дуна. В последнее время благонадежных маоистов начали специально обучать буддистским ритуалам, чтобы они совершали богослужение в присутствии иностранцев — так решается здесь вопрос о кадрах служителей культа.

Эта политика помогает маоистам восстановить авторитет Китая в Юго-Восточной Азии, сильно подорванный в годы «культурной революции», когда хунвэйбины разгромили многие буддистские храмы.

Однако в последнее время, несмотря на большой ущерб, нанесенный буддизму во время «культурной революции», как уже говорилось, между маоистским руководством и буддистскими деятелями в Китае установлено определенное соглашение.

При выдаче разрешения на отправление религиозных культов власти требовали от священнослужителей прославления Мао Цзэ-дуна и, бывало, заставляли их подписывать особые обязательства: делать все для пропаганды идей Мао[12]. Монахам было дано распоряжение найти в канонической буддистской литературе тексты, которые можно использовать для «мобилизации масс». В частности, было пущено в ход изречение о том, что Будда никогда бы не достиг просветления, если бы не помощь всех живущих творений — то есть народных масс. Это положение должно было пропагандировать маоистский курс «служить народу», «следовать линии масс»[13]. Китайские пропагандисты активно следили за неукоснительным исполнением религиозных обрядов, связанных с обожествлением Мао Цзэ-дуна. В монастырях среди икон (тханг) вывешивались портреты Мао, его статуи расставлялись вперемежку со статуэтками богов. Изображения богов и Мао украшались одинаково — священной лентой-«хатагом» из белого или голубого шелка, тем и другим без особого различия делали приношения. Дело дошло до того, что в наиболее отсталых районах Китая — в Тибете, Цинхае, Сикане, Юньнани, Ганьсу, где особенно сильно влияние суеверий, в храмах и монастырях стали отождествлять Мао с буддистским божеством[14].

Особенно по вкусу оказалась маоистским руководителям легенда о том, как однажды Будде пришлось убить одного, чтобы спасти 500 человек. Она использована для оправдания репрессий и жестоких расправ с политическими противниками.

Однако среди маоистов существовало и опасение, что религия, даже под жестоким контролем, будет как-то противостоять культу Мао. «Нам не надо двух богов в Китае»,— говорили хунвэйбины в период «культурной революции». В настоящее время наблюдается, с одной стороны, беззастенчивая спекуляция на буддизме, широкое использование его в международных связях, а с другой, по свидетельству обозревателей английской газеты «Санди телеграф», в Тибете антибуддистская кампания продолжалась до последнего времени. Наиболее крупные религиозные центры Тибета подверглись разрушению. Снесены такие святыни буддизма, как Траши, Таофа, Минсонг, Джоре. Район озера Кукунор, бывший важным местом паломничества, очищен от тибетцев и объявлен запретной зоной. В монастырях размещены солдаты из центральных районов Китая. По словам беженцев, золотые и бронзовые статуи Будды стоимостью в миллионы фунтов стерлингов вывозятся из храмов Тибета.

Не случайно мусульманское и буддистское население в развивающихся странах по-прежнему относится подозрительно и с недоверием к новым попыткам «возрождения» религии в Китае, но церковь капиталистических стран возлагает на Китай большие надежды.

С усилением в Китае антисоветизма в реакционных кругах на Западе уже давно вошло в моду изображать все, что делается в КНР, в самом розовом свете. В унисон западной прессе выступают антисоветски настроенные религиозные организации. На их деньги издаются большими тиражами обзоры и монографии, восхваляющие маоизм в противовес социализму, идеологи христианского миссионерства уделяют в своих исследованиях огромное внимание «китайскому вопросу». Снова стала актуальной идея о том, что в Китае не было «настоящей» религии, что миллионы китайских «заблудших овечек» могут быть обращены в христианство. В связи с явной ориентацией китайского руководства на империалистический Запад, в церковных кругах широко распространено мнение, что в нынешнем Китае христианская церковь сможет пробить себе путь.

Известно, что горячей любовью и признательностью маоисты пользуются у расистов, неофашистов и других реакционных элементов. И не случайно наиболее активную роль в сближении маоизма с религией играют самые реакционные церковные круги. Герберт Дарген, главный специалист по Восточной Азии в ордене иезуитов, считает, что надо усилить подготовку священников и членов религиозных орденов — специалистов по Китаю. Он абсолютно уверен в перспективности диалога между маоистами и высшими кругами христианской церкви. В качестве доказательства своего убеждения иезуит приводит довод, что, «когда Китай пытается наладить хорошие отношения со странами, которые могли бы ему помочь в борьбе с Советским Союзом,— налицо признаки возрождения религиозной жизни»[15].

Последние события в Китае показывают, что в стране продолжается глубокий кризис, который невозможно разрешить при помощи маоистской идеологии, неспособной дать конструктивный ответ на реальные вопросы, выдвигаемые жизнью. Кризис этот, в частности, выражается и в застое духовной жизни, и в ряде таких ее явлений, которые позволяют говорить о повороте вспять. Мелкобуржуазные идеи «казарменного коммунизма» консервируют вековую отсталость, способствуют возрождению и процветанию религиозных предрассудков и суеверий, препятствуют пониманию народом пути к истинному социализму, который невозможен без духовного совершенствования общества, без победы материалистического мировоззрения.

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 423.

[10] По некоторым приблизительным оценкам, в Китае насчитывается 150 млн. буддистов, 30 млн. мусульман, 3,7 млн христиан.

[11] В первые годы народной власти в КНР, когда проводилась политика свободного вероисповедания, были созданы Китайская исламская ассоциация, Китайская ассоциация даосистов, Комитет католиков и протестантов и самая крупная среди них — Китайская ассоциация буддистов.

[12] R. Bush. Religion in Communist China. New York. 1971, p. 228—229.

[13] «Линия масс» — особые методы социально-политического и социально-психологического воздействия с целью обеспечить массовую поддержку великодержавному и шовинистическому курсу группы Мао Цзэ-дуна и расправе с его противниками. Главным в этой «линии» считается полное подавление личности для принесения себя в жертву массе.

[14] H. Welch. Buddism under Mao. Cambrige, 1972, p. 14.

[15] H. Dargen. Contemporary Church in Contemporary China. «Month», 1974, vol. 295, N 1296, p. 730.

В условиях социализма

«ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА», вып. 21. Атеизм и религия в условиях социалистического общества. М., «Мысль», 1977, 308 стр., 21 750 экз., 1 руб. 31 коп.

В серии сборников Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС вышла очередная, 21-я книжка. Она примечательна тем, что большую часть материалов составляют доклады и сообщения ученых и партийных работников из семи социалистических стран (НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, ЧССР и СССР), принявших участие в международном симпозиуме «Атеизм и религия в современной борьбе идей», состоявшемся в октябре 1975 года в Москве. Этот коллективный труд в известной мере подводит итог совместной работы ученых и научных учреждений братских стран над проблемами научного атеизма и закладывает фундамент дальнейшего сотрудничества в данной области.

В открывающей сборник редакционной статье и четырех его разделах, содержащих тематические подборки по определенному кругу вопросов: преодоление религии и деятельность церкви в социалистическом обществе, формы и методы атеистического воспитания, критика клерикального антикоммунизма и ревизионизма, некоторые проблемы истории и социологии религии в разных странах, — представлены важнейшие из направлений исследования положения религии в социалистическом обществе, намечены первоочередные задачи теории и практики атеистического воспитания. В редакционной статье подчеркнута необходимость дальнейшей творческой разработки теоретических вопросов марксистско-ленинского атеизма, особенно актуальных в плане критики современной религии, таких, как анализ особенностей кризиса религии в современную эпоху, раскрытие противоречивого характера эволюции сознания верующих в условиях научно-технической революции и другие. Многие статьи вносят новое в постановку и обсуждение некоторых из этих проблем.

В первом разделе рассмотрен широкий спектр отношений религиозных организаций и теологов в отношении реального социализма и общественных преобразований в нем. П. К. Курочкин в статье «Эволюция религии и церкви в социалистическом обществе» показывает на примере русской православной церкви, сколь сложно и противоречиво протекал процесс политической переориентации и идеологической модернизации религии, стремящейся адаптироваться в новой социальной действительности. «Эволюция религии в условиях социалистического общества, — отмечает он, — представляет собой... противоречивый процесс: выражая закономерный упадок религии, она в то же время является своеобразным «протестом» против этого упадка, формой самозащиты религии в период ее глубокого кризиса». В статье показана трансформация социально-этических воззрений русского православия, перешедшего от осторожного приспособления своих социальных и моральных концепций в социалистическом обществе к более решительной их модернизации посредством создания «богословия мира», «богословия примирения», «богословия революции».

В процесс модернизации христианского вероучения, как явствует из статей Г. Лютера и Э. Хюттнера (ГДР) и В. Мыслэка (ПНР), включились и все прочие христианские конфессии, представленные в социалистических странах. В 60-х годах, например, пишет Г. Лютер, «протестантские теологи, стремясь модернизировать и приспособить свое учение к современным условиям, выступили с концепциями, в которых отрицались основополагающие принципы традиционного христианства». Автор критически освещает такие теологические новшества, как «теология надежды», «политическая теология», «теология игры» и т. д., и попытки пересадить их на почву ГДР. Э. Хюттнер вскрывает изменения в позиции евангелической церкви ГДР, в ее отношении к социализму и марксизму-ленинизму, резюмируя суть этих изменений формулой — «от неприятия к реализму». Вместе с тем он констатирует, что духовное противоборство между марксистско-ленинским мировоззрением и религиозной идеологией продолжается, и называет «горячие точки» этого противоборства: вопросы сущности человека, его будущего, его общественных отношений, его индивидуальности, смысла жизни.

В написанной в социологическом ключе, информативно насыщенной статье В. Мыслэка исследуются социальные преобразования в социалистической Польше и их влияние на религиозность, формальные показатели которой (участие в религиозных обрядах) все еще остаются довольно высокими. Опираясь на социологические исследования, он устанавливает конкретные тенденции секуляризации. Автор указывает, что идеологическую активность католицизма в Польше обусловливает противоречие, с одной стороны, между представителями реалистическо-прагматической точки зрения, связанной с признанием (как словесным, так и практическим) социализма и утверждением, будто он нуждается в поддержке также и религиозных сил, а с другой — немногочисленными, но влиятельными руководящими кругами католической церкви, стоящими на позициях отрицания социалистического переустройства польского общества.

В. И. Ленин трактовал атеистическую пропаганду как одну из составных частей общепартийного дела и заложил ее научные основы. Руководствуясь ленинскими теоретическими положениями, авторы статей второго, наиболее объемного раздела показывают многогранную деятельность братских партий и их идеологических кадров, направленную на создание и совершенствование системы атеистического воспитания трудящихся. Эта проблема — в центре внимания Б. Н. Коновалова. Он вполне правомерно делает упор на необходимость продуманной, целостной организации атеистической работы, научной критики религии и упрочения материалистического мировоззрения, подчеркивает настоятельную потребность в комплексном подходе к проблеме преодоления религиозных пережитков. Л. Э. Фрейберг на примере Советской Латвии раскрывает большую роль социалистической интеллигенции в формировании материалистического мировоззрения.

Процесс секуляризации в ЧССР и актуальные вопросы атеистического воспитания, современное состояние научных разработок в области марксистско-ленинского атеизма в свете основных документов и практических мероприятий ЦК КПЧ, направленных на развитие и укрепление коммунистической идейности и убежденности граждан Чехословакии, — такова тематика статей И. Годовского, П. Прусака и Ю. Филлера (ЧССР). Авторы справедливо подчеркивают значение борьбы против ревизионистских и клерикальных тенденций, против «инфильтрации» философских и теологических воззрений идеологических противников социализма, отмечая при этом: «Опыт недавнего прошлого в Чехословакии учит нас, что анализу идеологии и практики клерикализма и борьбе против клерикальных сил следует уделять особое внимание, вскрывать каждое проявление их деятельности, разоблачать их социальную демагогию, исключать их политическое и идеологическое влияние на трудящихся».

Венгерские марксисты представлены в этом разделе статьями Й. Лукача и М. Мураньи. В первой из них теоретически осмысливается процесс падения религиозности в социалистической Венгрии, в частности сокращение сферы воздействия религиозной идеологии и падение авторитета религиозных институтов, смещение центра тяжести религиозности в культово-ритуальную и эмоциональную сферу, утрата религией интегративных функций на уровне общества и ее отступление в микрозону (личность, семья) и т. п. Й. Лукач убедительно показывает, что назрела необходимость сделать практические выводы из этого анализа и внести соответствующие коррективы в повседневную атеистическую работу. В статье М. Мураньи проанализировано отношение венгерских студентов к религии, выявлены те психологические факторы, от учета которых зависит эффективность атеистического воспитания в высшей школе.

В. Асэнэкеску (СРР) излагает основные задачи Румынской коммунистической партии в области социалистического воспитания трудящихся. «Партийная вос-

питательная работа, — подчеркивает он, — ведется с целью формирования человека нового типа, обладающего социалистической убежденностью, проникнутого гуманистическим духом нашего мировоззрения, с высоким политическим и идеологическим уровнем, сознательно участвующего в построении развитого социалистического общества».

Я. Мучко (ПНР) в статье «Ленинские принципы политики ПОРП по отношению к религии, церкви и верующим» рассматривает основополагающие партийные документы за более чем тридцатилетний срок. «Партия поставила перед собой цель объединить все творческие силы народа на задачах строительства социализма. Социализм в Польше строят как верующие, так и неверующие, и успехи этого строительства — их общее дело», — констатирует автор.

В третьем разделе, посвященном критике клерикального антикоммунизма и ревизионизма, выступают ученые ГДР — О. Клор, Р. Брода и ЧССР — Т. Галечка, Ф. Вашечка. В статьях О. Клора и Т. Галечки острой критике подвергнуты идейные основания и главные фигуры международного ревизионизма в области научного атеизма, разоблачено его неприглядное политическое лицо. Эклектике и софистике «теологизирующего» ревизионизма противопоставлена подлинно научная, марксистско-ленинская трактовка религии. Р. Брода и Ф. Вашечка на материалах ГДР и ЧССР показывают реакционную роль клерикализма в политической и духовной жизни, дают отпор непрекращающимся попыткам клерикальных сил бросить тень на социалистические завоевания, раздуть националистические и враждебные социализму настроения.

В четвертом разделе помещены научные сообщения Т. Абеля (ВНР) о становлении взаимоотношений социалистического государства и церкви в Венгрии, С. Йотова (НРБ) о болгарском протестантизме, А. С. Юхименко (СССР) об изучении религиозного сектантства на Украине, М. М. Магомедова (СССР) об интернациональном и атеистическом воспитании в Дагестане. К сборнику приложена краткая библиография атеистической литературы, изданной в СССР в 1974—1975 годах.

В краткой рецензии, разумеется, нет возможности отметить все достойное обстоятельного осмысления. Напомним, что журнал «Наука и религия» высказал свое положительное отношение к материалам сборника, опубликовав в сокращенном виде доклады В. Асэнэкеску «Мировоззренческое воспитание»; П. Прусака, Ю. Филлера «Прежде и теперь»; И. Годовского «Единство теории и практики» в № 4, 9 и 11 за 1976 год.

В заключение следует сказать, что за последние годы у нас едва ли появлялась работа, в которой столь многообразно и полно были бы представлены теоретические позиции ведущих специалистов по центральным вопросам научного атеизма и критики религии из социалистических стран. Книга отражает сегодняшний уровень разработки данной проблематики марксистами стран социалистического содружества, намечает новые направления дальнейшего научного поиска.

С. ЗЕМЛЯНОЙ,
кандидат философских наук

ОНИ ПРОТИВОСТОЯЛИ ДУХУ АСКЕТИЗМА

«КАЛЕНДАРНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ В СТРАНАХ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ. ВЕСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ». М., «Наука», 1977, 356 стр., 27 500 экз., 2 руб. 23 коп.

Увидела свет книга, посвященная обычаям и обрядам весеннего календаря. Эта монография является продолжением серийного издания, которое выпускает Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Первый том, посвященный зимним праздникам европейских народов, вышел пять лет назад [1].

По смыслу и содержанию весенняя обрядность во многом перекликается с зимней и как бы развивает ее. Зимняя обрядность была, по существу, подготовкой к весне, к началу нового сельскохозяйственного года. Есть и еще одна важная причина, почему зимние и весенние обряды совпадают: в свое время Юлий Цезарь перенес начало нового года с марта на январь; естественно, что при этом многие обряды перешли с весны на зиму.

Однако наряду со сходством (обходы-поздравления, обильная еда и пр.) в весенних праздниках много своеобразия. На второй план отступают гадания, зато вперед выдвигаются ритуальные магические действия, призванные обеспечить благоприятную погоду, хороший урожай и т. п. Характерны в этом смысле обычаи ритуальной вспашки — имитация земледельческого процесса, игровые действия с пасхальными яйцами — символ зарождающейся жизни и т. п.

Как и в предыдущем томе, каждая глава книги посвящена характеристике весенних праздников и обрядов крупных европейских народов: итальянцев, финнов, поляков, народов Югославии и других. В своем анализе авторы каждого раздела неизменно придерживаются исторического подхода, стремятся проследить происхождение, развитие, современную модификацию обрядов. Именно историзм исследования дает читателю возможность увидеть истоки народных праздников и обычаев, которые сохраняются в быту современных европейских народов, таких, например, как карнавал, масленица и т. п. Все обряды карнавала и масленицы — с их веселым разгулом — носят явные черты языческих аграрных празднеств. Став народными в период средневековья, они противостояли духу аскетизма и в этой связи оказались вне официальной религии, в некоторых случаях даже стали пародией на церковные действа. Недаром церковники различных стран много раз запрещали масленичные обряды.

Центральным праздником весеннего цикла была пасха. Вскрывая генезис этого многофункционального праздника, авторы показывают, что его корни уходят во времена, предшествовавшие появлению не только христианской, но и какой бы то ни было мировой религии. Исследование этого праздника занимает важное место во всех главах книги. Правда, на наш взгляд, не везде достаточно ясно прослеживается связь ритуалов пасхи с породившими их социальными и экономическими факторами.

Особый интерес представляет собранный в книге фактический материал, позволяющий увидеть процесс формирования образов христианских святых. Например, яркое представление можно получить о популярном почти во всех странах святом Георгии. У одних народов он — скотовод, у других — земледелец, у третьих — рыцарь. Жаль, что в книге дан анализ синкретических образов только небольшого числа святых — этого заслуживали и многие другие.

В томе, посвященном весенним праздникам, оставлены в основном те же хронологические рамки, что и в предыдущем, посвященном зимним, — конец XIX — начало XX века. Однако авторы старались по мере возможности отметить особенности и современного бытования того или иного праздника. К сожалению, это сделано не в каждой главе, хотя, судя по всему, у авторов книги была возможность довести историю развития обрядов, о которых идет речь, до их современного состояния.

Авторы книги опирались в своей работе на большое количество источников. Досадно, что в обзоре теорий и мнений по поводу рассматриваемых в книге вопросов они сосредоточили внимание на трудах, изданных преимущественно в XIX или в первой половине XX века. Безусловно, Я. Гримм, В. Маннгардт, А. Н. Афанасьев и другие — признанные авторитеты, суждения которых и в наше время звучат достаточно веско. Но хотелось бы знать, что сделано в этой области за последние десятилетия, получить от авторов данного издания оценку современной специальной литературы. Вероятно, это обстоятельство следует иметь в виду при подготовке последующих томов серии.

В заключение хочется отметить высокую издательскую культуру «Календарных обычаев и обрядов в странах зарубежной Европы». Оба вышедших в свет тома богато иллюстрированы, снабжены солидным справочным аппаратом. Резюме на трех языках позволит расширить круг читателей.

С. МАКАРОВА,
кандидат исторических наук

[1] «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники». М., «Наука», 1973.

УБЕЖДЕННОСТЬ КАЖДОМУ

«МОЛОДЕЖИ — АТЕИСТИЧЕСКУЮ УБЕЖДЕННОСТЬ». М., «Молодая гвардия», 1977, 112 стр., 50 000 экз., 15 коп.

Данный сборник посвящен воспитанию атеистической убежденности — одной из важных задач комплексного подхода в деле коммунистического воспитания молодежи.

В своей статье кандидат философских наук Ю. Гуров из Чебоксар рассказывает о специфических особенностях формирования мировоззрения у молодежи. Автор, в частности, акцентирует внимание на таком моменте. Среди юношей и девушек, помимо убежденных атеистов, есть немало таких, чей атеизм не опирается на фундамент философских и естественнонаучных знаний. Эти молодые люди, как правило, практически не знакомы даже с азами атеизма. Религиозность родителей, членов семьи в целом, склонность к суевериям и бытовым предрассудкам, а также неблагоприятные жизненные моменты и ситуации — вот почва для усвоения религиозных идей у таких людей.

Вопросу о роли семьи в атеистической закалке молодежи посвящена и статья кандидата философских наук Н. Василевской из Ярославля, где отмечено, что семья играет важнейшую роль в коммунистическом воспитании подрастающего поколения. Вместе с тем автор пишет, что определенные жизненные ситуации (рождение ребенка, активная деятельность религиозных родителей, священнослужителей) застают врасплох некоторую часть молодежи — ей приходится совершать действия (участие, положим, в религиозных обрядах), опосредованно несущие ядро религиозного мировоззрения. Учитывая это, автор акцентирует внимание на необходимости совершенствовать систему атеистического воспитания среди молодежи.

В настоящее время первостепенное значение имеет формирование материалистического мировоззрения молодежи на основе системы философских, экономических и социально-политических взглядов, необходимость развития творческого мышления. В статье «Воспитание научно-материалистического мировоззрения у молодых рабочих» доктора философских наук В. Черняк и кандидата философских наук А. Евглевского рассказывается о конкретно - социологических исследованиях на предприятиях города Алма-Аты, обосновывается необходимость усиления руководства процессом формирования материалистического мировоззрения рабочих.

Безусловно, дальнейшее совершенствование атеистического воспитания молодежи зависит от того, кто ведет атеистическую пропаганду. Об опыте подготовки пропагандистских кадров в Казахском университете рассказывает кандидат философских наук В. Брянов. Положительно оценивая данную статью, хочется отметить лишь то, что пропагандистов атеизма должны готовить не только вузы. Так, вечерние университеты марксизма-ленинизма в своих учебных планах имеют разделы научного атеизма, а в ряде случаев и самостоятельный факультет. К сожалению, люди, окончившие атеистические факультеты, редко используются в дальнейшем на пропагандистской работе.

Оценивая сборник в целом, следует сказать, что все, кто занимается пропагандой атеистических знаний, и в первую очередь комсомольский актив, найдут в нем много поучительного и интересного.

Л. ЗУБЕНКО

В МЕСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

Р. М. Маджидов. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО - АТЕИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЖЕНЩИН. Душанбе, «Дониш», 1977, 85 стр., 1 200 экз., 67 коп.

Книга таджикского ученого Р. М. Маджидова посвящена проблеме формирования атеистического мировоззрения женщин в регионах традиционного распространения ислама. Богатый фактический материал послужил автору основой для анализа сложного процесса отхода от религии таджичек в специфических условиях некапиталистического пути развития. Решающую роль здесь сыграли коренные социально-экономические, политические и культурные преобразования в процессе социалистического строительства.

Вовлечение мусульманок в сферу материального производства происходило в условиях острой классовой борьбы. Реакционное мусульманское духовенство ожесточенно сопротивлялось изменению положения женщины. Басмачи грозили расправой тем женщинам, которые осмелятся нарушить затворничество, вообще хоть в чем-то пойти против шариата. Бывало, что и приводили угрозы в исполнение. Да и психология женщин была такова, что они не смели пойти против воли мужа или родных. Поэтому на первых порах в Таджикистане, как и в Узбекистане, применялись специфические формы организации женского труда, создавались специальные женские бригады и даже колхозы. В такие хозяйства женщины «шли работать смело, не усматривая в этом нарушения "дедовских традиций", норм шариата и требований отсталого общественного мнения, влияние которого в те годы было преобладающим в кишлаках».

Автор показывает многогранную деятельность партийной организации республики в движении, получившем название «худжум». Оно началось как кампания за освобождение женщины от паранджи, но, по сути, охватило более широкий круг проблем — социально-политических и идеологических, связанных с положением женщины. Роль худжума в атеистическом воспитании женщины показана на многочисленных убедительных примерах.

В книге обобщен опыт массово-политической и научно-атеистической работы Коммунистической партии Таджикистана среди женщин в 20—30-е годы. Огромную политико-воспитательную работу среди мусульманских женщин проводили посланцы русского и других братских народов, среди которых нельзя не назвать С. Т. Любимову, которая вначале заведовала женотделом ЦК КП Туркестана, затем женотделом Средазбюро ЦК ВКП(б), Л. А. Отмар-Штейн — организатора работы среди женщин в Бухаре. Чтобы вступить в разговор с узбечкой, таджичкой, туркменкой, первым активисткам приходилось нелегко; в интересах дела они иной раз надевали паранджу и национальные женские костюмы, изучали местные обычаи, языки, традиции. Их жизнь «нередко подвергалась опасности, им приходилось терпеть издевательства, насмешки не только со стороны баев, мулл, ишанов, несознательной части населения, но и со стороны части местных советских работников, находившихся в плену религиозно-бытовых предрассудков», — пишет автор.

Даже созыв официального собрания мусульманок или простого схода женщин аула, конференции района, семинаров были сопряжены в то время с трудностями, неизвестными в европейской части страны. В этих условиях партийная организация республики нашла единственно верные формы и методы работы среди женщин. Женорганизаторы ходили по домам и вели индивидуальные беседы по всем жизненным, интересующим мусульманок вопросам. Они организовывали медицинскую помощь, обеспечивали материальную поддержку одиноких женщин, через судебные органы воздействовали на мужчин, сопротивлявшихся раскрепощению женщин, на родителей, насильно выдававших замуж несовершеннолетних дочерей.

Особо останавливается автор на роли женских клубов, впервые появившихся в Таджикистане в 1925 году. Они были не только центрами политико-массовой, культурной работы среди женщин, но и школами ликбеза, своеобразной кузницей кадров, готовившей женщин местной национальности для работы учителями, воспитателями детских садов и т. п. В них воспитывались будущие комсомольские и партийные деятельницы. Нельзя не присоединиться к высказанному в книге сожалению о том, что сейчас женских клубов в Таджикистане очень мало, да и они утратили многие хорошие традиции первых клубов, хотя могли бы сегодня играть более активную роль в окончательном преодолении женской религиозности, в борьбе с еще бытующими вредными пережитками.

На материалах конкретно-социологических исследований в книге анализируются причины религиозности женщин в настоящее время, формы ее проявле-

ния. В частности, говоря о причинах религиозности в современных условиях, автор приводит данные анкетного опроса колхозников, рабочих некоторых совхозов и предприятий республики (всего опрошено 2000 человек), показывающие взаимосвязь пережитков национализма и ислама. Даже среди тех опрошенных, которые назвали себя атеистами, есть такие, кто отождествляет национальное и религиозное, считает мусульманские обряды национальными, таджикскими.

Значительное внимание уделяет автор обобщению опыта работы партийных, комсомольских, советских организаций, общества «Знание», женсоветов по атеистическому воспитанию женщин в современных условиях.

Несомненно, что эта книга, насыщенная богатым фактическим материалом (в ней впервые введен в научный оборот значительный архивный материал), содержащая интересные обобщения и выводы, найдет своего читателя. Думается, что ее необходимо издать и на таджикском языке.

Р. МАВЛЮТОВ,
кандидат философских наук

«АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ АТЕИЗМА». Грозный, 1977, 94 стр., 1 000 экз., 72 коп.

Археология изучает первобытные, древние и средневековые вещественные памятники, реставрируя по ним жизнь человеческого общества — и материальную, и духовную. Эта наука дает достаточно точные и четкие выводы о развитии производительных сил, хозяйства, быта, знаний, искусства, социального устройства и мировоззрения людей далекого прошлого. Археология дала нам, например, доказательства того, что в истории человеческого общества существовал так называемый безрелигиозный период, то есть такое время, когда в мировоззрении человека, еще не оторванном от окружающей его действительности, не было никаких, даже зародышевых форм религии. Археология свидетельствует о том, что на определенном этапе развития человеческого общества в любом месте Земли возникали у людей сходные религиозные представления. Именно эта наука дает основания утверждать, что религия имела свой «час прибытия».

Поэтому мировоззренческое осмысление археологических исследований имеет глубокий религиоведческий и атеистический смысл.

К сожалению, до сих пор, за исключением отдельных редких публикаций, не было работ, в которых археологический материал рассматривался бы в атеистическом аспекте. Тем больший интерес представляет книга коллектива авторов Чечено-Ингушского университета. В 16 статьях делается в общем удачная попытка атеистически осмыслить некоторые археологические материалы, собранные на территории этой республики.

Первая группа статей посвящена исследованию погребального обряда — обычая, ставшего со времени верхнего палеолита (около 40 тысяч лет назад) прекрасным источником для изучения религиозных представлений.

Погребальная обрядность, доказывается в сборнике, «формируется, сохраняет свои качества или изменяется в процессе относительного саморазвития, под влиянием общественно-исторических условий, ландшафта, внешних этнических связей» (стр. 5). Погребальная обрядность четко реагирует даже на незначительные социальные и мировоззренческие изменения в обществе, что дает возможность проследить возникновение их во времени и распространение в пространстве.

Вторая группа статей также объединяется предметом исследования — искусством. В этой форме общественного сознания не просто отражены идеология и мировоззрение общества того времени, когда создавалось произведение искусства, но и идеология и мировоззрение конкретного человека — художника.

Орнамент, украшающий сосуд эпохи новокаменного века (V—IV тысячелетия до н. э.), или бронзовые поясные фигурные бляхи (VI—V вв. до н. э.) немало могут рассказать пытливому исследователю: как представляли себе древние устройство мира, какими были многочисленные боги и божки, которым они поклонялись. Различные амулеты-обереги.

Еще одна группа статей посвящена культовым памятникам, исследование которых имеет важное значение для понимания древних верований. Интересная их особенность заключается в том, что они не исчезают совершенно, когда их сменяют другие, а сосуществуют с ними, входя кирпичиками в современное здание религии.

В последней группе статей дается анализ доисламских верований на территории Чечено-Ингушетии. Археологические доказательства того, что до ислама здесь существовали христианские и даже языческие культы, имеют большое значение для атеистической пропаганды.

На территории республики давно известны исторические памятники глубочайшей древности: жаль, что в сборнике они даже не упомянуты. Не всегда авторы выполняют поставленную перед собой задачу: некоторые статьи носят описательный характер, присущий чистой археологии, и не содержат анализа, атеистического осмысления.

Однако, несмотря на эти и некоторые другие недочеты, книга представляет собой интересное исследование и полезное пособие для атеистов.

В. ЗЫБКОВЕЦ

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

М. С. Бутинова. КАК ВОЗНИКЛА РЕЛИГИЯ. М., «Советская Россия», 1977, 140 стр., 5 000 экз., 60 коп.

Э. Л. Войнич. ОВОД Роман. М., «Правда», 1977, 288 стр. с илл., 400 000 экз., 1 руб. 60 коп.

С. И. Кулаева, Э. М. Смирнова, С. Я. Паластина. СОВЕТСКИЕ СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ. М., Общество «Знание» РСФСР, 1977, 39 стр., 10 000 экз., 6 коп.

Н. Ланда и И. Лапис. СКУЛЬПТУРА СТОЛИЦ И ПРОВИНЦИЙ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. Л., «Аврора», 1977, 32 стр. с илл., 4 000 экз., 13 коп.

А. К. Леонова. НАРОДНАЯ ДЕРЕВЯННАЯ СКУЛЬПТУРА БЕЛОРУССИИ. Минск, «Наука и техника», 1977, 102 стр. с илл., 2 800 экз., 1 руб. 30 коп.

Б. М. Марьянов. ИССЛЕДОВАНИЕ КОСМОСА И РЕЛИГИЯ. М., Общество «Знание» РСФСР, 1977, 40 стр., 10 000 экз., 6 коп.

«МИР ЧЕЛОВЕКА», вып. 7. М., «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1977, 174 стр. с илл., 100 000 экз., 70 коп.

«ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В УЗБЕКИСТАНЕ». Ташкент, «Фан», 1977, 383 стр., 2 000 экз., 3 руб. 20 коп.

Д. П. Плоткина. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В 5—7 КЛАССАХ. М., «Просвещение», 1977, 159 стр. с илл., 100 000 экз., 25 коп.

Р. П. Потанина. СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ. Конец XIX — 70-е годы XX в. Улан-Удэ, Бурятскнигоиздат, 1977, 160 стр., 1 000 экз., 1 руб. 20 коп.

А. С. Пушкин. СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ. Воронеж, Центр.-Черноземное книжн. изд-во, 1977, 36 стр. с илл., 100 000 экз., 60 коп.

Э. Г. Филимонов. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИДЕОЛОГИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СЕКТАНТСТВА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 11), 1977, 63 стр., 52 970 экз., 11 коп.

Л. И. Филиппов. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ЖАНА-ПОЛЯ САРТРА. М., «Наука», 1977, 287 стр., 12 000 экз., 1 руб.

«ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА». Киев, Политиздат Украины, 1977, 246 стр., 4 000 экз., 1 руб. 20 коп.

«ФРЕСКИ ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ НА ВОЛОТОВОМ ПОЛЕ». Альбом. М., «Искусство», 1977, 223 стр. с илл., 25 000 экз., 7 руб. 70 коп.

Г. Шрамкова. ИСКУССТВО ВОЗРОЖДЕНИЯ. Альбом. М., «Изобразительное искусство», 1977, 366 стр. с илл., 25 000 экз., 17 руб. 25 коп.

М. В. Щепкина. МИНИАТЮРЫ ХЛУДОВСКОЙ ПСАЛТЫРИ. М., «Искусство», 1977, 318 стр. с илл., 10 000 экз. 12 руб.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

С. С. Аверинцев. У истоков поэтической образности византийского искусства. В кн.: «Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции». М., 1977, стр. 421—454.

С. Гаджиев. Питающий национализм. «Советский Дагестан», Махачкала, 1977, № 2, стр. 46—51.

В. Э. Гранстрем, Л. С. Ковтун. Рецензия на кн.: Н. В. Синицына. Максим Грек в России. «История СССР», 1977, № 6, стр. 191—195.

В. И. Добреньков. Евангелие «христианского атеизма» как выражение кризиса протестантской теологии. «Вестник Моск. ун-та. Философия», 1977, № 1, стр. 83—91.

В. Иорданский. «Кебе-кебе» — танец змеи. «Азия и Африка сегодня», 1977, № 11, стр. 44—47.

Зенон Косидовский. Из истории древнего обряда (глава из книги «Сказания евангелистов»), «Наука и жизнь», 1977, № 12, стр. 127—130.

Н. Г. Красиодембская. Магико-религиозный комплекс в мировоззрении сингальских буддистов. В кн.: «Республика Шри Ланка: история и современность». М., 1977, стр. 45—52.

С. С. Курогло. Гагаузские обычаи, обряды и верования, связанные со смертью и похоронами. «Известия АН Молд. ССР. Серия обществ. наук», 1977, № 1, стр. 88—89.

«Курьер ЮНЕСКО», 1977, сентябрь — октябрь. Континент Латинская Америка. Из содержания: **Октавио Пас.** Восприятие жизни и смерти (Ацтекские мифы и христианство в Мексике), стр. 21—29; «Боги, легенды и мир образов», стр. 16—17; «Боги танцуют в Оруро», стр. 42—43.

«Научно-техническая революция, человек, его природная и социальная среда». Л., 1977. Из содержания: **М. А. Шахнович.** Критика теологической интерпретации проблем экологии, стр. 150—154; **В. Р. Букин, И. Е. Задорожник, Д. А. Баснова.** Научно-техническая революция и кризис религиозного сознания, стр. 208—214.

И. Свенцицкая. Земные корни христианства (послесловие к книге Зенона Косидовского «Сказания евангелистов»). «Наука и жизнь», 1977, № 12, стр. 124—129.

М. Скибицкий. Иконы и их собиратели. «Вопросы и ответы». М., «Московский рабочий», 1977, № 10, стр. 54—57.

И. Сооп. Кризис религиозной морали. «Горизонт», Рига, 1977, № 6, стр. 22—24.

К. Хачатуров. Империализм и «мятежная церковь» в Латинской Америке. «Международная жизнь», 1977, № 8, стр. 86—91.

ИНФОРМАЦИЯ, ХРОНИКА

Вручены награды победителям проводимого Обществом «Знание» ежегодного Всесоюзного конкурса на лучшие произведения научно-популярной литературы, изданные в 1976 году. Из 560 произведений, представленных на конкурс от 17 центральных и 41 местного издательства, дипломов удостоены 223.

Среди награжденных работ

сборник «Мир вокруг нас», составленный из статей, ранее напечатанных в журнале «Наука и религия» (Политиздат, составитель **Е. В. Дубровский**);

8-й выпуск «Атеистических чтений» (Политиздат);

книги и брошюры:

И. Ю. Аничас «По антинародному пути» — о реакционно-клерикальной литовской эмиграции (издательство «Минтис», Вильнюс);

В. А. Зоц «Несостоятельные претензии» — очерки по критике православно-богословской интерпретации проблем духовной культуры (издательство «Молодая гвардия»);

А. А. Мелешко «Советская семейная обрядность Белоруссии» (издательство «Вышэйшая школа», Минск);

Н. И. Мартыненко «Атеистическая работа среди последователей православия» (Издательство Воронежского университета);

В. А. Сапрыкин «Социалистический город и атеистическое воспитание» (издательство «Казахстан», Алма-Ата);

И. В. Полук «Сближение наций и развитие массового атеизма в СССР» (общество «Знание» Украинской ССР, Киев);

В. Н. Кузнецов «Современная буржуазная философия и религия» (издательство «Знание»);

А. А. Лебедев «Конкретные исследования в атеистической работе» (Политиздат);

С. И. Никишов «Пропаганда атеизма на современном этапе» (издательство «Знание»);

М. М. Скибицкий «Бог и «верующие» ученые» (Политиздат);

Б. Сапармухамедова «Религия, атеизм и женщина» (издательство «Туркменистан», Ашхабад);

З. А. Тажуризина. «Буржуазный атеизм в прошлом и настоящем» (издательство «Знание»).

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ВЕРБИЦКИЙ Андрей Александрович — заведующий лабораторией психологии Научно-исследовательского института проблем высшей школы Министерства высшего и среднего специального образования СССР, кандидат психологических наук. Автор ряда статей по проблемам психологии и воспитания молодежи. В журнале «Наука и религия» публикуется впервые.

ФЕДОРОВА Зоя Васильевна — корреспондент газеты «Ленинградская правда», член комиссии по гражданским обрядам при Ленгорисполкоме. Автор ряда статей и очерков по проблемам становления советской гражданской обрядности. В нашем журнале выступала с репортажем «Горько!..» с привкусом горечи» (1975, № 7).

А 05212. Сдано в набор 17.XII. 77 г. Подписано к печати 27.I. 78 г. Тираж 440 000 экз. Зак. 05878. Формат 60×90⅛. Печатных листов 10. Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Джорджоне. Гроза. Около 1506—1507 гг.

Цена 30 коп.
70602
33-13